

Saratov State University named for N.G. Chernyshevsky

ARCHAEOLOGY
OF THE EAST EUROPEAN
STEPPE

Number 13

Saratov, 2017

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 13

Саратов, 2017

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43
А 87

А87 Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр.
/ Под ред. доц. В.А. Лопатина – Саратов, 2017. Вып. 13. – 260 с.
ISSN 2305-3437

Кафедрой истории России и археологии Саратовского государственного университета подготовлен очередной выпуск сборника «Археология Восточно-Европейской степи», посвященный памяти известного саратовского археолога и краеведа Евгения Константиновича Максимова. В сборнике представлены научные статьи авторов Санкт-Петербурга, Москвы, Волгограда, Вольска, Казани, Ростова-на-Дону, Саратова, Энгельса по проблемам археологии неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века, позднего средневековья, в которых рассматриваются вопросы периодизации и хронологии, хозяйства, социальной структуры древних обществ. Значительное внимание уделяется публикациям новейших материалов из раскопок на территории степной Евразии. Сборник рекомендуется специалистам – археологам, историкам, краеведам, музейным работникам и всем интересующимся древнейшей историей Нижнего Поволжья.

Выпуск подготовлен при финансовой поддержке И.Н. Титова

Редакционная коллегия

доц. В.А. Лопатин (отв. редактор),
доц. А.Б. Малышев (отв. секретарь),
доц. Н.М. Малов (зам. отв. редактора, научный координатор),
А.И. Жемков (технический редактор)
ст.науч.сотр. ИИМК РАН (С.-Петербург) В.С. Бочкарев,
профессор, д.и.н. А.С. Скрипкин (Волгоград)

*Печатается по решению Ученого совета Института истории
и международных отношений
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
(издательский план 2017 года).*

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43

ISSN 2305-3437

© Лопатин В.А., Малов Н.М.
и др. авторы, 2017

Памяти Евгения Константиновича Максимова
22.10.1927 г. – 02.08.2017 г.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА МАКСИМОВА

2 августа 2017 года ушел из жизни Евгений Константинович Максимов, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, автор более 100 научных публикаций, один из наших первых учителей. Е.К. Максимов родился 22 октября 1927 года в городе Вольске Саратовской области, в интеллигентной русской семье служащего. В 1945 году по окончании школы поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета. В 1948 году впервые отправился в археологическую экспедицию профессора И.В. Сеницына. Закончив университет, защитил дипломную работу «Археологические исследования в Западном Казахстане», а осенью 1950 г. был принят в аспирантуру СГУ по специальности «археология». С 1951 г. Е.К. Максимов приступил к работе в Саратовском областном музее краеведения, где он связал свою профессиональную деятельность не только с археологией, но и с регионоведением. С 1956 года проводил археологические экспедиции музея краеведения, одновременно выполнял работу ответственного редактора научного сборника трудов СОМК. В 1974 году Е.К. Максимов перешел на службу в Саратовский университет, на кафедру Истории СССР досоветского периода, преподавал базовые дисциплины археологию и историю первобытного общества, активно участвовал в международных и региональных конференциях, редактировал монографии и научные сборники. Как организатор полевых исследований, он стал руководителем самой первой в СГУ хоздоговорной группы, на основе которой вскоре была учреждена Научно-исследовательская археологическая лаборатория. Как признанный специалист по раннему железному веку Нижнего Поволжья Евгений Константинович отмечен в Европейской энциклопедии, вышедшей в Праге. Многолетняя научная и педагогическая деятельность Е.К. Максимова воплотилась в его

учениках, которые работают в вузах, школах, музеях, архивах, научно-исследовательских лабораториях России.

Ключевые слова: Е.К. Максимов (22. 10. 1927 – 02. 08. 2017); Вольск; Саратовский университет; музей краеведения; археологические экспедиции; научные публикации

IN MEMORY OF EVGENIY KONSTANTINOVICH MAKSIMOV

Evgeniy Konstantinovich Maksimov passed away on August 2, 2017. He was known as an Honored Worker of Culture of the Russia Federation, author of over 100 scientific publications, one of our first instructors. E.K. Maksimov was born on October 22, 1927, in a town of Volsk, Saratov Province, to a Russian intellectual employee family. On leaving school in 1945, he enrolled in the History Department at the Saratov State University. In 1948, he joined Professor I.V. Sinitsyn's archaeological expedition for the first time. His graduation thesis was entitled *Archaeological research in Western Kazakhstan*. In autumn 1950, he entered the postgraduate courses in archaeology. In 1951, E.K. Maksimov started his work at the Saratov Regional Museum of Local Lore and since that time his professional activities involved not just archaeology, but regional studies, as well. Starting from 1956, he used to lead museum archaeological expeditions concurrently with working as an executive editor for the museum collection of scientific papers. In 1974, E.K. Maksimov joined the Chair of the USSR pre-Soviet history at the Saratov State University. He used to teach basic disciplines, archaeology and history of the primitive society, to participate in international and regional conferences, to edit monographs and collections of research papers. As the field-work organizer, he became the leader of the SSU first group acting by economic agreement. Later on, the Scientific Research Archaeological Laboratory was established on the basis of that group. Evgeniy Konstantinovich is noted in the European Encyclopedia published in Prague as an acknowledged specialist in the Early Iron Age from the Lower Volga Region. E.K. Maksimov's long-lasting research activity and pedagogical experience is being implemented by his disciples at various Russian higher educational establishments, schools, museums, archives and scientific research laboratories.

Keywords: E.K. Maksimov (22. 10. 1927–02. 08. 2017); Volsk; Saratov University; Museum of Local Lore; archaeological expeditions; scientific publications

В конце лета этого года, после продолжительной болезни, совсем немного не дожив до своего 90-летнего юбилея, ушел из жизни известный саратовский археолог, историк, краевед Евгений Константинович Максимов (22.10.1927 г. – 02.08.2017 г.).

Е.К. Максимов родился в городе Вольске Саратовской области, в интеллигентной русской семье служащего. Его детство и юность пришлись на сложные годы предвоенного периода и Великой Отечественной войны. В победном 1945 году юноша закончил вольскую школу и поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета [Малов, 1997]. По воспоминаниям самого Евгения Константиновича, одной из причин такого решения в пользу истории была нелюбовь к математике, почему то сложившаяся в школьные годы [Жуклов, 2007. С. 5]. Учиться послевоенным студентам было непросто. Не хватало учебников и аудиторной мебели, питание по студенческим карточкам было голодноватым, досуг в плохо отапливаемых общежитиях весьма ограниченным. И вместе с тем, эта новая жизнь, наполненная изучением настоящих научных дисциплин, особенно древней истории, захватывала воображение молодого человека.

В 1948 году он впервые отправился в археологическую экспедицию, которой руководил выдающийся российский исследователь, профессор СГУ И.В. Сеницын. Очень скоро юношеское увлечение археологией переросло в устойчивый интерес к этой сложной науке. По окончании университета и успешной защите дипломной работы «Археологические исследования в Западном Казахстане», осенью 1950 года Евгений Константинович был принят в аспирантуру СГУ по специальности «археология». Его научным руководителем стал Иван Васильевич Сеницын, который немало способствовал расширению научной эрудиции и практическому становлению молодого специалиста-археолога. В те годы Е.К. Максимов был привлечен к участию в исследованиях Заволжского отряда Сталинградской экспедиции Института археологии АН СССР, проводившей раскопки в зоне затопления при строительстве Волжской ГЭС.

Из этой экспедиции вышла блестящая послевоенная плеяда увлеченных и энергичных молодых российских археологов, пополнивших не только крупные столичные научные учреждения, но также ВУЗы и музеи Нижнего Поволжья. Для молодого Е.К. Максимова это были годы увлекательной экспедиционной жизни, ярких впечатлений и подлинно научных открытий, составивших золотой фонд отечественной археологии, а также первых собственных успешных публикаций по савромато-сарматским древностям. Как признанный специалист по раннему железному веку Нижнего Поволжья Евгений Константинович отмечен в Европейской энциклопедии, вышедшей в Праге [Maximov E.K., 1969]. Еще обучаясь в аспирантуре, с 1951 года

Е.К. Максимов приступил к работе старшим научным сотрудником в Саратовском областном музее краеведения, где он связал свою последующую профессиональную деятельность не только с археологией, но и историей родного края. До 1974 года основным местом его работы был музей, где он заведовал отделом истории и выполнял обязанности заместителя директора по научной работе, вел активную экспозиционную, фондовую и экскурсионную работу, оказывал методическую помощь другим краеведческим музеям. Тогда же, в 1953 году Е.К. Максимов создал семью, и музей стал для молодых супругов родным домом. Здесь, в квартире при музее, в небольшой комнате, лишенной удобств, у Евгения Константиновича и Майи Дмитриевны Максимовых спустя три года родилась дочь Ольга.

Разумеется, стесненные условия создавали немалые трудности для молодого ученого, но так жила большая часть страны. Приходилось совмещать бытовые сложности с необходимостью продолжения производственной деятельности и научной работы. С 1956 года Евгений Константинович стал организовывать и выезжать в финансируемые музеем археологические экспедиции, которые работали в основном на территории Саратовской области, на раскопках древних курганов. Благодаря этим исследованиям фонды музея пополнились новыми интересными коллекциями. Одновременно Е.К. Максимов выполнял очень важную работу ответственного редактора научного сборника трудов СОМК, который впервые стал издаваться с 1956 года. Научная общественность весьма высоко оценила появление в Саратове нового систематического издания по истории, археологии и музееведению. Во всесоюзном журнале «Советская археология» тогда появилась авторитетная рецензия крупного исследователя К.Ф. Смирнова, где он писал: «...археологические статьи всех трех выпусков представляют очень большой интерес для развития советской археологии, как в отношении публикации нового материала, так и по линии разработки различных вопросов археологии и древней истории Нижнего Поволжья. Следует приветствовать выход в свет трудов Саратовского музея краеведения, в которых большое место занимают новые работы и научные достижения археологов, – исследователей этого края» [Смирнов, 1962. С. 273].

Работая в музее, Е.К. Максимов практически никогда не прерывал связи с педагогической деятельностью. Он преподавал на кафедре истории Древнего мира и археологии СГУ, а также на подготовительных курсах при юридическом институте. Евгений Константинович был также среди учредителей Саратовского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников, а в последующем – членом его Президиума и Регионального Совета, основал в рамках отделения ВООПИК секцию истории родного края, в дальнейшем переросшую в Саратовское историко-краеведческое общество [Максимов, 2016].

В 1974 году Е.К. Максимов перешел на службу в Саратовский университет, на кафедру Истории СССР досоветского периода, где проявил себя как опытный и квалифицированный педагог, умеющий творчески вести все виды учебных занятий с отечественными и иностранными студентами по истории первобытного общества, археологии и истории края [Дербов, 1983. С. 33–34]. Как сотрудник СГУ, Евгений Константинович активно участвовал в международных и региональных конференциях, редактировал монографии и научные сборники. После скоропостижной кончины И.В. Синицына в 1972 году только он мог стать научным редактором монографии своего учителя «Древние памятники Восточного Мангыча», в которой были опубликованы материалы многолетних исследований в Калмыкии. На обработку накопившихся сведений ушло несколько лет, и работа вышла в свет в двух томах в 1978 году. К 400-летию города Саратова Евгений Константинович возглавлял работу кафедры в качестве председателя комиссии по подготовке юбилея.

В университете Е.К. Максимов вел активную учебно-методическую работу со студентами, в частности руководил археологическим кружком, через который прошли многие поколения первокурсников, интересовавшихся древнейшей историей Нижнего Поволжья. Как организатор полевых исследований, он стал руководителем самой первой в СГУ хоздоговорной группы, на основе которой вскоре была учреждена Научно-исследовательская археологическая лаборатория НИЧ. При этом продолжал регулярно проводить учебные археологические практики студентов, а также инициативные научные экспедиции. В первом составе спецсеминара Евгения Константиновича подготовили и успешно защитили выпускные дипломные работы по археологической тематике студенты, ставшие впоследствии известными специалистами М.Г. Ким, Н.М. Малов, В.И. Мельник и А.А. Хреков.

К концу 70-х годов из-за ухудшения здоровья Евгению Константиновичу пришлось сократить полевые исследования. Последний раз он руководил археологической практикой в 1983 году. Она проходила на левом берегу Волги, где Приволжская экспедиция СГУ проводила хоздоговорные раскопки Смеловского селища и Терновских курганов [Кочерженко, Малов, 1985]. Перед окончательным выходом на пенсию он работал в должности доцента кафедры Историографии, региональной истории и археологии СГУ.

Его перу принадлежит значительное число научных работ: книги, учебные пособия, атласы, каталоги и статьи, полный список которых еще предстоит составить библиографам [Семенова, Дремов, 1999; Жуклов, 2007; Максимов, 2016]. При этом более 50 публикаций Е.К. Максимова посвящены различным проблемам археологии, от эпохи бронзы до сарматской эпохи, средневековым памятникам и персоналиям саратовских археологов Н.К. Арзютова, Ю.В. Деревягина, В.Г. Миронова, П.Д. Рау, П.С. Рыкова,

И.В. Сеницына. Большой интерес вызывают работы Евгения Константиновича, опубликованные в центральных академических научных изданиях «Советская археология» (СА), «Российская археология» (РА), «Краткие сообщения института археологии» (КСИА), «Материалы и исследования по археологии» (МИА), а также в научных сборниках Института археологии АН РАН. Его статьи по савромато-сарматским древностям использовались исследователями при составлении многотомной серии «Археология СССР».

Археология – это одна из сфер научной деятельности Е.К. Максимова, большая же часть его работ посвящена проблемам саратовского краеведения и региональной истории. Они пользуются заслуженным авторитетом, а некоторые стали бестселлерами. Евгений Константинович был членом авторского коллектива и заместителем ответственного редактора двух томов «Очерков истории Саратовского края», автором учебного пособия для школ «История Саратовского края», а также множества книг «Саратов на старых открытках», «Два века губернии», «Архитекторы Саратова. Биографический словарь», «Фотосалоны Саратовского края», «Имя твоей улицы», «Города Саратовского Поволжья петровского времени», «Саратовский Крытый Рынок» и др.

Е.К. Максимов удостоен звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», награжден почётными грамотами и нагрудным знаком «За отличную работу» Министерства культуры СССР, а его издания отмечены Министерством информации и печати Российской Федерации. Архивные материалы Евгения Константиновича хранятся в Фондах личного происхождения СОМК и ГАСО. Многолетняя научная и педагогическая деятельность Евгения Константиновича воплотилась в его учениках, которые работают в вузах, колледжах, лицеях, школах, музеях, архивах, научно-исследовательских лабораториях и исследовательских центрах. В памяти всех, кто знал Евгения Константиновича Максимова, он навсегда останется доброжелательным и безотказным к просьбам коллег-исследователей, готовым всегда оказать посильную помощь, ко всем приветливым и добрым человеком.

Лопатин В.А., Малов Н.М.

Литература:

Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983.

Жуклов А.А. К 80-летию саратовского археолога и краеведа Евгения Константиновича Максимова // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.

Кочерженко О.В., Малов Н.М. Работы в Саратовском Заволжье // АО-1983. М., 1985.

Малов Н.М. Историк, археолог, краевед // Саратовский университет, 1997. Ноябрь, № 10 (1924).

Максимов Евгений Константинович // Наследники и наследие. – Саратов: СГУ, 2016.

Семенова И.В., Дремов И.И. Патриарх саратовских краеведов: к 70-летию со дня рождения // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.

Смирнов К.Ф. Археологические статьи в Трудах Саратовского областного музея краеведения. Вып. I, 1956, 123 стр.; вып. II, 1959, 143 стр.; вып. III, 1960, 237 стр. Саратов // СА, 1962. № 4.

Maximov E.K. // Filip J. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur-und Frühgeschichte Europas. Praha, 1969. Band 2. S. 765.

Список научных трудов Е.К. Максимова по археологии

1. Позднейшие сармато-аланские погребения V–VII вв. на территории Нижнего Поволжья // Труды СОМК. Саратов, 1956. Вып. 1. С. 65–85.

2. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области // Труды СОМК. Саратов, 1956. Вып. 1. С. 115–123.

3. Сарматское погребение у с. Большая Дмитриевка Саратовской области // СА. 1957. № 4. С. 155–161.

4. Археологические работы Саратовского музея в 1956 г. // СА. 1957. № 4. С. 290.

5. Раннесредневековые сармато-аланские памятники Нижнего Поволжья // Науч. ежегодник СГУ за 1955 год. Отд. 2, истфак. Саратов, 1958. С. 124–125.

6. Карамышский курган эпохи бронзы // Науч. ежегодник СГУ за 1955 год. Отд. 2, истфак. Саратов, 1958. С. 126–127.

7. Меч и копье из коллекции Саратовского музея // СА. 1959. № 1. С. 261–265.

8. Археологические исследования в Петровском районе Саратовской области // Труды СОМК. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 87–94.

9. О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья // Труды СОМК. Саратов, 1960. Вып. 3. С. 90–132.

10. Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье // СА. 1960. № 4. С. 191–193.

11. Материалы из Хвалынского музея // СА. 1962. № 3. С. 282–288.

12. Вятическое семилопастное кольцо из Нижнего Поволжья // СА. 1964. № 4. С. 225–227.

13. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. 1966. № 1. С. 51–60.
14. Сарматские диагональные погребения Восточной Европы // Археологический сборник. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1966. С. 63–83.
15. Ново-Липовские курганы // АО-1968. М., 1969. С. 154–156.
16. Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района // МИА, № 169. Древности Восточной Европы. М.: Изд-во «Наука». 1969. С. 130–138.
17. Флейта Пана (рассказы археолога) // Уральский следопыт. 1970. № 5. С. 47–48.
18. Раскопки курганов в Саратовском Поволжье // АО-1969. М., 1970. С. 147–148.
19. Заметки об акинаках // СА. 1971. № 1. С. 238–242 (в соавторстве с М.Р. Полесских).
20. Ю.В. Деревягин // СА. 1971. № 3. С. 314–315. Некролог (в соавторстве с В.А. Фисенко и В.Г. Мироновым).
21. Перелобский клад медных серпов // СА. 1972. № 2. С. 178–181.
22. Археологические раскопки в Саратовском Левобережье // АО 1971. М., 1972. С. 211–212.
23. Ртищевские курганы // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 64–67. М., 1975.
24. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Изд-во «Наука», 1976. С. 210–218.
25. К вопросу о датировке Покровских курганов // Науч. тр. Куйбышевского пед. ин-та, 1978. Т. 221: Древние культуры Поволжья и Приуралья. С. 57–58.
26. К читателям // Сеницын И.В. Древние памятники Восточного Маньча / И.В. Сеницын. Древние памятники Восточного Маньча. Саратов: Изд-во СГУ, 1978. Ч 1. С. 3–5.
27. Методические указания и программы спецкурса и спецсеминара по археологии Нижнего Поволжья // Метод. пособие по спец. дисциплинам истории СССР: для студ. заоч. отд. 3–6 курсов, истфак СГУ. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 1979. С. 49–52, 88–92.
28. Археологические разведки по реке Стерех // Науч. тр. Куйбышевского пед. ин-та, 1979. Т. 230: Древняя история Поволжья. С. 110–117.
29. Памятники эпохи бронзы Саратовского Правобережья по раскопкам 1975–1976 гг. // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: тез. докл. Донецк, 1979. С. 81–82.
30. Древнейшие погребения Крутоярских курганов (Советский р-н Саратов. обл.) // КСИА. 1980. Вып. 161. С. 71–76.

31. Находка раннеболгарских погребений близ Саратова // Из истории ранних болгар. Казань, 1981. С. 108–110.

32. Практические задания по дисциплине «Основы археологии»: метод. указания для студ. 1-го курса ист. фак. Саратов: Изд-во СГУ, 1982.

33. Исследование археологических памятников в зоне строительства Приволжской АЭС в Саратовском Заволжье (заключительный отчет 1981 г.) // Рукопись деп. в ВЦНТИ, 1982. Инв. № 0281.1002517 (в соавторстве с Н.М. Маловым).

34. Исследование археологических памятников в зоне строительства Приволжской оросительной системы (южный массив), 1-я очередь (отчет за 1982 г.) // Рукопись деп. в ВЦНТИ, 1982. Инв. № 02840061303. (в соавторстве с Н.М. Маловым и О.В. Кочерженко).

35. Исследование археологических памятников в зоне строительства Приволжской оросительной системы (южный массив). 1-я очередь (отчет за 1983 г.) // Рукопись деп. в ВЦНТИ, 1983. Инв. № 02840061302. (в соавторстве с Н.М. Маловым).

36. Практические задания по дисциплине «Основы археологии»: метод. указания для студ. 1-го курса ист. фак. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов: Изд-во СГУ, 1985.

37. Павел Сергеевич Рыков (к 100-летию со дня рождения) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во СГУ, 1989. Вып. 1. С. 3–11.

38. Полевые исследования Саратовского Университета в 1945–1984 гг. как продолжение рыковских традиций // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во СГУ, 1989. Вып. 1. С. 11–24 (в соавторстве с В.Г. Мироновым).

39. Белогорские курганы // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во СГУ, 1991. Вып. 2. С. 71–88 (в соавторстве с М.Г. Кимом и Н.М. Маловым).

40. П.С. Рыков и археология Нижнего Поволжья // Историографический сб.: межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во СГУ, 1991. Вып. 15. С. 50–62.

41. Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье // Археология России. САИ. Т. 1. Вып. В 1–10. Саратов: Изд-во СГУ, 1993 (в коллективе соавторов).

42. Новые материалы о П.С. Рыкове и Н.К. Арзютове // Краеведческие чтения: докл. и сообщения 4–6 чтений. Саратов, 1994. С. 151–152 (в соавторстве с Л.А. Войтенко).

43. Максимовские курганы // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4. С. 106–115.

44. Неизвестное в биографиях П.С. Рыкова и Н.К. Арзютова // Срубная культурно-историческая область: материалы III Рыковских чтений. Саратов: Изд-во СГУ, 1994. С. 3-5.
45. Пауль Рау – ученый, писатель, художник: (к 100-летию со дня рождения) // История и культура российских немцев. Саратов, 1996. Вып. 3. Ч. 2. С. 107-124 (в соавторстве с Е.М. Ериной, И.В. Семеновой).
46. Из жизни и деятельности П.Д. Рау // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. Ч. 1. С. 5-8.
47. Археолог из Покровска (к 100-летию со дня рождения П.Д. Рау) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. Ч. 2. С. 5-30. (в соавторстве с Е.М. Ериной, И.В. Семеновой).
48. Николай Константинович Арзютов // РА. 1998. № 2. С. 194-196.
49. Слово о Валерии Григорьевиче Миронове // Поволжский край. Саратов: Изд-во СГУ, 2000. Вып. 11. С. 5-15 (в соавторстве с И.В. Семеновой).
50. «Враги народа» на музейном фронте // Поволжский край. Саратов: Изд-во СГУ, 2000. Вып. 11. С. 194-203.
51. Профессор Иван Васильевич Сеницын – советский археолог XX века // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000. С. 9-12 (в соавторстве с Н.М. Маловым).
52. Археология России: учеб. пособие. Саратов: Изд-во СГУ, 2000 (в соавторстве с Н.М. Маловым).
53. Материалы Низовских курганов // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во СГУ, 2007. Вып. 5. С. 137-157 (в соавторстве с В.А. Лопатиным).

СТАТЬИ

Юдин А.И.

ОРЛОВСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье представлены итоги изучения орловской неолитической культуры в степном Поволжье. Рассматриваются вопросы стратиграфии, хронологии, происхождения, культурного своеобразия и преемственности, хозяйства и др. на материалах двух стратифицированных памятников – Варфоломеевской стоянки и поселения Орошаемое.

Ключевые слова: неолит, степное Поволжье, орловская археологическая культура

Yudin A.I.

ORLOVKA NEOLITHIC CULTURE OF THE STEPPE VOLGA REGION: RESULTS AND PROSPECTS OF STUDYING

The article presents the results of the study in Orlovka Neolithic culture in the Volga steppe. Addresses issues of stratigraphy, Chrononology, origin, cultural identity and continuity, economy, etc. on the materials of the two stratified sites – Varfolomeevka and Oroshaemoe settlements.

Keywords: Neolithic, steppe Volga region, Orlovka archaeological culture

Евгений Константинович Максимов был моим научным руководителем во время обучения в СГУ. Он мне предложил тему дипломной работы: «Погребения эпохи бронзы Покровского курганного могильника», широко известного к тому времени археологического памятника. Прошло несколько лет после окончания университета,

и я встретился с моим научным руководителем в поле. Мы с В.Б. Воробьевым заехали в процессе разведок, по пути из одного района в другой, в полевой лагерь Н.М. Малова – передохнуть сутки, дороги тогда были не весьма и на наших арендованных машинах скорость передвижения была невелика.

И вот тогда Е.К. Максимов отвел меня в сторонку для серьезного разговора. Стоял тихий летний вечер, над неподвижной Волгой разгорался вечерний закат, а Евгений Константинович проникновенным голосом повел разговор о будущем археологической лаборатории СГУ, которая тогда была только создана. Мысль его сводилась к тому, что в лаборатории должны работать археологи всех специальностей в плане охвата археологических эпох. Но так уж сложилось, что большинство археологов в Саратове – бронзовики. Вот и я, писал у него диплом по бронзе. Но так не должно быть, и лучше, если я выберу себе другую специализацию. Пока наибольшая потребность в двух направлениях – сарматская тематика и неолит. Их освоение требует времени. По сарматской теме существует масса литературы, для проработки которой требуется минимум 3–5 лет. А по неолиту просто нет материала, его еще надо найти и накопать. И это те же пять лет как минимум. Думал я недолго – неолит. Ведь намного интереснее открывать новое самому в поле, чем узнавать то же новое в библиотеках и архивах. Так Евгений Константинович определил мою специализацию в археологии. Надо сказать, что в дальнейшем я никогда не пожалел о сделанном выборе исследовать памятники неолита и энеолита. Конечно, эпоха бронзы осталась научной «любовью» навсегда, но и памятники других эпох раскапываются и публикуются, как это делал и Е.К. Максимов.

К моменту целенаправленного изучения памятников неолита степного Поволжья исследовано их было совсем немного. К этому времени была раскопана Орловская стоянка близ Волгограда на Правобережье Волги [Мамонтов, 1978]. Её выразительный, но немногочисленный комплекс керамики не находил аналогий на ближайших памятниках сопредельных регионов. Относительно похожая керамика была обнаружена только в Зауралье. В степном Заволжье исследовалась Ю.В. Деревягиным [Деревягин, Третьяков, 1974], а затем Д.Я. Телегиным [Телегин, 1981] стоянка Алтата, первоначально определенная как неолитическая. Другие неолитические материалы происходили из шурфов на нескольких стоянках и сборов на прибрежных волжских песчаных дюнах.

Положение с источниками по неолиту кардинально изменилось с открытием в 1985 году Варфоломеевской стоянки, когда студент исторического факультета СГУ Андрей Стеклов, работавший в экспедиции от НИАЛ СГУ под руководством В.Б. Воробьева, обнаружил на берегу Варфоломеевского водохранилища (р. Малый Узень) выходы размываемого культурного слоя. Проведенная шурфовка показала чрезвычайно насыщенный культурный слой [Воробьев, 1987]. Привезенной в лабораторию керамике, не встречавшейся ранее в области, была сразу найдена аналогия – Орловская стоянка. Сходство оказалось поразительным: накольчато-прочерченный орнамент, обильная примесь толченой раковины и самый характерный признак – широкий наплыв-воротничок на внутренней стороне венчика.

Стоянка исследовалась автором в 1987–1990 и 1996 гг. Всего было вскрыто порядка 400 кв. м культурного слоя, достигавшего толщины 2,2 м. Стоянка оказалась многослойной, выделено четыре культурно-хронологических горизонта (сверху вниз): 1, 2А, 2Б, 3. Эта толща слоев откладывалась на протяжении более тысячи лет. Относительно небольшой исследованный участок памятника, общая площадь которого приближается к нескольким гектарам, дал такое количество материала, что стало возможным описать новую археологическую культуру неолита – орловскую, названную так по эпонимному памятнику, и определить культурно-хронологические позиции остальных неолитических памятников с малым количеством материалов.

Материалы стоянки, неоднократно опубликованные [Юдин, 1988, 1991, 1997, 2000, 2003а,б, 2004а, 2008а; Yudin, 2013] и наиболее полно представленные в монографическом издании [Юдин, 2004б], прочно вошли в научный оборот.

Определен тип хозяйства населения орловской культуры, в том числе с помощью трасологии [Килейников, Юдин, 1993. С. 63–86; Юдин, 2003б. С. 90–96], приведены аргументы в пользу местной доместикации лошади [Юдин, 2008б. С. 20–29].

Получены интересные данные о жилищах неолитического населения: разноуровневые полуземлянки с окрашенными охрой полами, очагами, нишами, хозяйственными ямами, плетеными стенами, обмазанными глиной и световыми «фонарями» над очагами для выхода дыма и освещения [Юдин, 2000. С. 10–11].

Проведенный технико-типологический анализ керамики и комплекса каменных орудий подтвердил наличие четырех хронологических этапов существования стоянки и показал эволюционный характер орловской культуры.

Совершенно неизвестными ранее в регионе оказались произведения искусства из кости – мелкая скульптурная пластика и бытовые орудия и предметы, украшенные орнаментом [Юдин, 2003а. С. 9–24].

В культурном слое стоянки обнаружены погребения, относящиеся к разным этапам её функционирования [Юдин, 1991. С. 3–14]. Ранее они также не были известны в степном Поволжье.

За прошедшие с момента открытия годы были разработаны новые методы камеральной обработки материалов. В первую очередь это касается керамики. Появление технико-технологического метода исследования керамических коллекций [Актуальные..., 1999] и радиоуглеродного датирования органических остатков из керамики [Kovalyukh. etc. ..., 2005] на много расширили информационный потенциал керамических коллекций и увеличили возможности исследователей по установлению не только хронологии, но и возможности преемственности культур неолита и энеолита, что является предметом споров в научной литературе.

Керамика Варфоломеевской стоянки позволила исследователям говорить о наличии нижеволжского очага раннеолитического гончарства. Только нижеволжский и еще два таких очага в европейской части России (средневолжский и нижнедонской) имеют представительные серии калиброванных дат, которые устанавливают приблизительно одинаковое время появления самой ранней керамики [Васильева, Выборнов, 2016. С. 114]. Керамический комплекс стоянки проанализирован с помощью современных методов (изучение цепочек технологических операций, морфологические и орнаментальные характеристики) и с привлечением радиоуглеродного датирования определено его положение как одного из древнейших, хотя и не самого раннего [Мазуркевич, Долбунова, Кулькова, 2013. С. 58–61; 93–95].

Технико-технологический анализ керамики Варфоломеевской стоянки, произведенный И.Н. Васильевой, подтвердил высказанное ранее автором мнение о прямой миграции орловского населения в Среднее Поволжье [Васильева, 2009; Васильева, Выборнов, 2016. С. 114].

По материалам стоянки также отмечена возможность наличия прямых культурных связей с населением Переднего Востока и Балкан или опосредованных культурных восприятий. Это относится к ряду культовых предметов, предметам искусства, керамике и каменным изделиям [Выборнов, 2012. С. 452–453; Манько, 2016. С. 142–143; Юдин, 2012. С. 191–200; он же, 2017. С. 49–51].

Для памятника получена серия радиоуглеродных определений в нескольких лабораториях, уточнивших хронологию слоев. Даты выполнены в пяти лабораториях на протяжении двух последних десятилетий. Образцами для определений послужили кость, уголь, керамика, нагар. Подавляющее большинство определений выполнено по керамике в Киевской радиоуглеродной лаборатории, которые перепроверены датами по нагару [Юдин, 2014. С. 215–220].

Самая ранняя дата для Варфоломеевской стоянки (две даты по одному образцу – Ki-14108 и Ki-14142,) укладывается в интервал 6690–6380 BC, что близко к наиболее ранним датам Северного Прикаспия – стоянке Каиршак 3. Остальные даты нижнего слоя – 4 даты по 2 образцам – компактно располагаются в интервале 6220–5870 BC. Примечательно, что эти даты почти совпали с датой по углю, полученной двумя десятилетиями ранее; 6030–5670 BC (ГИН 6546), измерительный интервал которой (± 200 лет) вызывал у исследователей сомнения в столь ранней дате нижнего слоя. Дата, полученная по нагару с керамики с глубины 170–180 см (основание слоя 2Б), также близка последней – 6010–5830 BC (Ua-41360). Датировок для нижнего слоя пока явно недостаточно, так как они в верхнем значении перекрываются датами вышележащего слоя 2Б.

Слой 2Б имеет 4 даты по керамике, полученные по трем образцам. Две даты по двум разным образцам (Ki-14368 и Ki-14374) дают интервал 6230–5990 BC. Ещё две даты (Ki-14369 и Ki-14370), также полученные по разным образцам, указывают на более позднее время – 6020–5770 BC. Четыре новые даты, сделанные по нагару в трех других лабораториях, полностью совпали с хронологическим интервалом, полученным по керамике в Киевской лаборатории [Выборнов и др., 2013. С. 257–258]. Эти даты (Spb-940 – 7164 \pm 120, Spb-941 – 7100 \pm 110, Poz-52697 – 6850 \pm 40) и уже названная дата Ua-41360 – 7034 \pm 41 в калиброванном значении перекрывают хроноинтервал, полученный по керамике – 6210–5673 BC, но значительно старше дат, известных ранее по кости (Лу-2620 и Лу-2642) – 5650–4830 BC.

Для слоя 2А имеется 8 дат, полученных по трем образцам керамики. Хроноинтервал охватывает 6030–4550 BC, причем разница в датах, полученных по одному фрагменту керамики, достигает тысячи лет. Если отбросить крайние значения, то получается интервал 5910–4800 BC. Это уже значительно ближе к интервалу, полученному по нагару – 5720–4460 BC (Spb-937 – 6363 \pm 150 BP или 5490–5200 BC, Spb-938 – 6650 \pm 150 BP или 5720–5470 BC, Spb-939 – 5800 \pm 150 BP или 4830–4460 BC, Ua-41361 – 6544 \pm 38 BP или 5335–5475 BC, Ua-41362 – 6693 \pm 39 BP или 5595–5560 BC). Если и здесь отбросить крайние значения, то остается относительно узкая дата 5595–5200 BC.

Пока нет даты для верхнего слоя, но можно опираться на хронологию прикаспийской культуры, учитывая наличие прикаспийской керамики в этом слое, которая датируется исследователями интервалом 5400–4800 лет BC.

Таким образом, для культурно-хронологических комплексов Варфоломеевской стоянки следует принять как наиболее достоверные хроноинтервалы, где совпадают датировки по керамике и нагару. Для слоя 3 это 6200–5900 BC, для 2Б – 6200–5700 BC, для 2А – 5600–5200 и 5400–4800 BC для верхнего слоя. Следовательно, время бытования Варфоломеевской стоянки состав-

ляет как минимум 1000 лет (вместе с хронологическими хиатусами между горизонтами). Соответственно этим интервалом определяется и минимальное время развития орловской культуры степного Поволжья.

Еще один эталонный памятник орловской культуры в степном Заволжье – поселение Орошаемое на р. Большой Узень. Он также был открыт экспедицией В.Б. Воробьева в 1983 году, а в следующем сезоне автором был заложен небольшой раскоп площадью 40 кв. м, в котором обнаружены материалы только прикаспийской раннеэнеолитической культуры [Юдин, 1986]. Много лет спустя в 2012 году, в ходе разведок по газопроводу, мы посетили это поселение, чтобы проверить его сохранность, которая оказалась плачевной. Рядом с памятником был построен водозаборный комплекс и на краю террасы выкопаны два пруда для разведения рыбы. Вода из прудов просачивалась через небольшой отрезок террасы, что привело к обрушению грунта в непосредственной близости от культурного слоя. По настоянию госоргана охраны культурного наследия, пруды были осушены, и обнаружилось, что культурный слой мощностью более метра распространяется на 150 м от берега реки, а один из прудовых котлованов уничтожил его значительный участок.

Памятников прикаспийской культуры известно немного, тем более с хорошо сохранившимся культурным слоем, и к этому времени стали высказываться сомнения в самостоятельном культурном статусе прикаспийской культуры [Барынкин, 2003. С. 49–50; Богданов, 2004. С. 224]. В следующем 2013 г, выступая на конференции, посвященной проблемам периодизации и хронологии эпохи раннего металла Восточной Европы [Юдин, 2013. С. 26–30], в числе прочих аргументов за самостоятельный статус культуры я продемонстрировал фотографии культурного слоя поселения Орошаемое, что привлекло внимание специалистов.

Одним из важных решений конференции была инициатива профессора СГСПУ А.А. Выборнова о совместном исследовании столь интересного и перспективного памятника. В 2014 г, ровно через тридцать лет после первых раскопок, мы возобновили исследование поселения Орошаемое [Выборнов, Юдин, 2015. С. 3–33]. Результаты многократно превзошли все наши ожидания. Для начала были разбиты два небольших раскопа на разных участках памятника. Один из них на берегу реки расширил раскоп 1984 года, второй был устроен в 150 м от берега, на противоположном конце памятника. Находки из второго раскопа не вписывались в прикаспийские стандарты, это были кремневые микролитические орудия вместо крупных кварцитовых, характерных для раннего энеолита. Когда же была обнаружена керамика с накольчатым орнаментом, стало понятно, что на данном участке памятника в культурном слое залегают материалы орловской неолитической культуры. Следующие три года исследований показали, что памятник многослойный.

Кроме двух неолитических слоев, а скорее всего трех, поскольку исследования еще не закончены, здесь выше залегает слой прикаспийской культуры, а над ним – хвалынской. Причем на окраинном участке (раскоп «Алгай 1»)¹, удаленном от реки, залегают только неолитические слои, в центральной части (раскоп «Алгай 2») – все слои неолита и энеолитические, а на берегу реки (раскоп «Орошаемое») – неолитический слой и два энеолитических. В последнем случае все слои разделены стерильными прослойками светлого материкового суглинка.

Наиболее интересным в плане стратиграфии оказался раскоп в центральной части памятника – Алгай 2. Он был заложен на восточном краю прудового котлована, и здесь культурный слой перекрыт выбранным грунтом. Общая толщина напластований вместе с балластным слоем достигала 2,35–2,50 м. На исследованном участке площадью 16 кв. м выявлен край котлована неолитической полуземлянки.

Стратиграфия раскопа (рис. 1):

1. Верхние 2–3 см составляет слабый дерновый слой.
2. Светло-желтая материковая глина, перемещенная на поверхность из котлована пруда.
3. Плотный темный гумус – почвенный слой, перемещенный с верхней части котлована.

4. Рыхлый темный гумус – почвенный слой, перекрытый гумусным выкидом из котлована. Верхняя граница выражена хорошо, нижняя – зигзагообразная из-за мерзлотных клиньев, разбивающих подстилающий суглинок. Толщина колеблется в пределах 10–28 см. Содержал находки энеолитического времени, в том числе керамику хвалынского типа. Находки здесь немногочисленны, но достаточно выразительны.

Керамика представлена мелкими фрагментами. Вся она плохой сохранности из-за рыхлости теста и большой примеси толченой раковины. Найдены два фрагмента коротких венчиков, подтреугольных в сечении и орнаментированных с обеих сторон рядами скобковидных наколов. Такими же глубокими наколами украшены два фрагмента боковин (рис. 2, 1–3). Принадлежность керамики к хвалынской энеолитической культуре не вызывает сомнений.

5. Светлый плотный суглинок, залегал на всем протяжении профиля. Толщина от 12 до 30 см. Слой содержал находки раннеэнеолитической прикаспийской культуры. От светлого суглинка, залегающего через слой ниже, отличается коричневатым оттенком. Керамика в слое 5 невыразительна. Встречены только фрагменты стенок сосудов с примесью толченой раковины

¹ В научной литературе также может фигурировать под названием «стоянка Алгай» [Выборнов, Юдин, 2016. С. 24].

в тесте глины. Каменные изделия представлены отщепами и сечениями кварцитовых макропластин, в том числе с краевой ретушью (рис. 2, 4–8). Из орудий найдены два концевых скребка на крупных кварцитовых пластинах (рис. 2, 9–10) и скребок на крупном кварцитовом отщепе (рис. 2, 11). Из кремня найдено всего 4 предмета: 3 отщепа и скребок на продольном сколе (рис. 2, 12). По всем параметрам и условиям залегания каменные изделия более всего соответствуют комплексам прикаспийской раннеэнеолитической культуры.

6. Светло-серый суглинок (слой № 7) на большей части разрезов залегал сразу под слоем 5 (светлый суглинок). Слой насыщен находками неолитического времени, толщина слоя колеблется от 20 до 34 см. Верхняя и нижняя границы размыты.

7. Светлый суглинок, аналогичный слою 5. Подстилает слой светло-серого суглинка и ниспадает в северо-восточном направлении в котлован полуземлянки. Толщина 26–52 см. Слой содержит находки неолитического времени.

Стратиграфические слои 6 и 7 составляют верхний пласт неолитического культурного слоя. Керамический комплекс в раскопе Алгай 2 представлен преимущественно неорнаментированными мелкими фрагментами стенок лепных сосудов орловской неолитической культуры. Орнамент нанесен в технике отступающего накола и прочерком (рис. 2, 13, 14). Аналогичная керамика залегает в верхней части неолитического слоя на раскопе Алгай 1.

Каменные находки также немногочисленны. Предметы первичного расщепления представлены отщепами, чешуйкой, сколом, пластинами и их сечениями, как крупными из кварцита, так и микролитическими из кремня и кварцита.

8. Тёмно-серый суглинок (слой 6 на рис. 1). Слой также ниспадает в северо-восточном направлении и в соответствии с конфигурацией котлована. Верхняя граница слоя хорошо выражена, нижняя размыта. Слой наиболее насыщен находками неолитического времени и костями животных. В центральной части профиля включает две небольшие золистые линзы. Толщина слоя на разных участках от 13 до 60 см. В местах скопления костей животных отмечается присутствие золы в наполнении слоя.

Керамический комплекс этого пласта представлен фрагментами, как минимум, 12 сосудов орловской неолитической культуры. Керамика, как и в верхней половине слоя, фрагментирована, форма сосудов не восстанавливается. Фрагменты имеют обязательную примесь толченой раковины. Орнамент нанесен в технике отступающего накола полой камышинкой, прочерком и отдельными разрозненными наколами. На двух венчиках орнамент нанесен с внутренней стороны; один венчик с внутренним наплывом укра-

шен глубокими и крупными наколами по срезу (рис. 3, 1-11). Встречены фрагменты двух плоских днищ (рис. 3, 12, 13).

Коллекция каменных предметов из этого пласта наиболее представительна по сравнению с остальными слоями раскопа Алгай 2. В качестве основного сырья использовался кремнь серого, молочно-белого и молочно-серого цветов. Встречаются сечения пластин и отщепы серого кварцита, но готовых кварцитовых орудий нет.

Ножевидные пластины и сечения пластин микролитичны, их ширина редко превышает 15 мм. Несколько сечений ножевидных пластин ретушированы со стороны спинки. На пластинах изготавливалось большинство орудий. В количественном отношении основную категорию составляют скребки различных типов на пластинах, продольных сколах и отщепах. Геометрические микролиты представлены сегментом с односторонней ретушью из темно-серого полупрозрачного кремня (рис. 3, 14) и обломком трапеции (?) с частично ретушированным торцом (рис. 3, 15).

9. Светло-серый суглинок, аналогичный слою 6 в данном описании и обозначенный под №7 на рис. 1. Залегает на всем протяжении под слоем темно-серого суглинка. Верхняя граница размыта, нижняя граница размыта по бортам котлована и хорошо выражена по дну котлована. Количество неолитических находок уменьшается по мере углубления и в нижней части слоя они единичны. Данный слой – заполнение котлована, но распространяется и за его пределы. Во всех трех разрезах в толще этого слоя есть золистые прослойки толщиной 3-8 см. Как и в предыдущем слое, здесь также имеются скопления костей. Толщина слоя в пределах котлована колеблется от 48 до 72 см (яма на участке В-Г), за пределами – от 12 до 46 см.

В этом слое лучше всего сохранилась керамика, каменных предметов немного. Вся керамика имеет обычную примесь толченой раковины и представлена прямостенным сосудом и банками со слегка прикрытым устьем. Фрагменты орнаментированы узким подтреугольным отступающим наколом; орнаментирован внутренний срез одного из венчиков. Орнаментальные композиции составлены из горизонтальных и вертикальных рядов прямых линий и зигзага – наиболее часто встречаемых на орловской керамике (рис. 4, 1-7). Каменные предметы изготовлены только из кремня. Это отщепы, чешуйки, сколы, пластина и сечения пластин. Орудия: скребки (рис. 4, 9, 10) и комбинированное орудие – проколка-скребок на пластине (рис. 4, 8).

10. Материк – плотная, тяжелая глина светло-желтого цвета.

Таким образом, культурный слой в раскопе Алгай 2 включает напластования энеолитического и неолитического времени. Энеолитические находки, как и в раскопе «Орошаемое», относятся к хвалынскому (слой 4) и прикаспийскому (слой 5) времени. Находки неолитического времени, аналогично

раскопу Алгай 1, относятся к двум этапам неолита и стратиграфически расчленяются на два горизонта – верхний (слои 6 и 7) и нижний (слои 8 и 9). Возможно, находки из слоя 9 относятся к более раннему времени в рамках неолита, но для окончательных выводов необходимо продолжение исследований с целью получения достоверной выборки материалов.

Исследования 2014–2017 гг. расширили хронологические рамки существования поселения Орошаемое. Нижняя граница опустилась в последнюю четверть VII тыс. до н.э. (в калиброванном значении), что соответствует начальному этапу неолитизации степей Восточной Европы [Радиоуглеродная..., 2016. С. 48–122, 213–260].

Наиболее полная хронологическая колонка получена в раскопе «Орошаемое» [Дога и др., 2017. С. 140–143]. Возраст стратиграфических слоев определен радиоуглеродными датами по различным органическим материалам. Для верхнего слоя с хвалынскими находками получена дата по кости – 5667 ± 100 BP (4725–4336 cal BC) (SPb-1474). Для среднего с материалами прикаспийской культуры есть даты по органике в керамике – 5890 ± 120 BP (5056–4462 cal BC) (SPb-1729) и по коллагену – 5934 ± 100 BP (5060–4547 cal BC) (SPb-2091). Кроме того, на УМС непосредственно по кости домашней овцы получена дата – 5806 ± 26 BP (4724–4557 cal BC) (UGAMS-23059). Данный хронологический диапазон – рубеж VI–V тыс. до н.э. – 1-я половина V тыс. до н.э. (в калиброванных значениях) соотносится со временем прикаспийской и хвалынской культур. Однако даты из хвалынского и прикаспийского слоев различаются, что объясняется наличием между ними относительно стерильной прослойки. Еще несколько дат с Орошаемого – 6889 ± 100 BP (5933–5631 cal BC) (коллаген), 7245 ± 60 (6227–6015 cal BC) и 7010 ± 110 BP (6072–5674 cal BC) – по углю совпадают с временем формирования слоя 2Б на Варфоломеевской стоянке [Юдин, 2014. С. 217] и нижним слоем раскопа Алгай 1 [Юдин и др., 2016. С. 67; Выборнов и др., 2017. С. 189].

Серия новых радиоуглеродных дат твердо определила позицию орловской культуры в ряду древнейших неолитических культур Восточной Европы [Выборнов и др., 2016. С. 62–73].

Небезынтересно, что в этом же раскопе встречена domesticiрованная фауна. Ранее, в слое 2А и верхнем слое Варфоломеевской стоянки были определены кости овцы, и появление производящего хозяйства в степном Поволжье относилось к заключительному этапу неолита [Юдин, 2004б. С. 162–164]. Однако дальнейшие повторные осмотры остеологической коллекции костей домашней фауны не выявили [Гасилин и др., 2008]. Основную часть находок в культурном слое раскопа «Орошаемое», как и на Варфоломеевской стоянке, составляли кости животных. Встречены кости лошади, кулана, тура, овцы, сайги. Кости сайги в количественном отношении преобладают. Кости

овцы встречены в раскопочных слоях 4, 14, 17, 19, 22, то есть, практически на всем протяжении формирования культурного слоя прикаспийской культуры на данном памятнике. Поселение «Орошаемое» в настоящее время является единственным памятником прикаспийской культуры как в Нижнем Поволжье, так и в Северном Прикаспии, где достоверно определена домашняя фауна, так как на данном участке памятника культурный слой отделялся от выше- и нижележащих слоев стерильными прослойками.

Верхняя хронологическая граница поселения поднялась за счет открытия слоя хвалынской энеолитической культуры. Раскопки 2016 г. показали, что неолитический слой занимает всю площадь поселения, в том числе и прибрежную зону. На этом основании можно сделать предварительные выводы о том, что мы имеем дело с одним памятником, возникшем в неолите и существовавшим на протяжении приблизительно тысячи лет. Затем в эпоху раннего энеолита здесь проживало население прикаспийской культуры, а еще позже – хвалынской, но площадь их поселений была несколько меньше, насколько можно судить по отсутствию этих слоев в раскопе Алгай 1, наиболее удалённом от реки.

Технико-технологическое исследование керамики, проведенное И.Н. Васильевой, подтвердило единую культурную традицию изготовления керамики Орловской и Варфоломеевской стоянок и поселения Орошаемое (неолитический слой) [Юдин и др., 2016. С. 67].

Сравнение приемов изготовления сосудов стоянок «Орошаемое» (неолитические слои) и «Варфоломеевская» показало их существенную близость на всех ступенях гончарной технологии, особенно с навыками изготовления керамики из слоев 2Б и 2А [Выборнов и др., 2015].

Более того, по данным И.Н. Васильевой сосуды орловской, прикаспийской и хвалынской культур из раскопа «Орошаемое» имеют сходство в технологии изготовления, что предполагает их преемственность [Дога и др., 2017. С. 141–142].

Проведенные многолетние исследования памятников орловской культуры, конечно, не решили всех проблем исследования неолита степного Поволжья, но значительно расширили наши представления о неолитическом населении данного региона и его месте в системе неолита Юга Восточной Европы.

Оставшиеся пока нерешёнными вопросы относятся, в первую очередь, к ранним этапам местного неолита, начало которого связывают с возникновением керамического производства. Процесс неолитизации степного Поволжья пока понятен только в самых общих чертах. По мнению И.Н. Васильевой, выяснение характера древнейшего очага неолитического гончарства (первичного или вторичного) требует расширения рамок исследования и при-

влечения материалов более южных территорий (Турция, Иран и др.) [Васильева, 2011. С. 14].

А.А. Выборнов также предполагает вероятность нижневолжского вторичного очага гончарства на основании материалов Варфоломеевской стоянки. Прототипы ранней орловской керамики он видит в материалах Восточной Анатолии типа Халан Чемии Кертик Тепе и в подтверждение этой версии приводит наличие в 3 слое Варфоломеевской стоянки сегментов, аналогичных восточно-анатолийским [Выборнов, 2012. С. 452–453].

В уже упомянутой выше работе И.Н. Васильева и А.А. Выборнов определяют три очага возникновения гончарства, в том числе нижневолжского (северо-прикаспийского), но с оговоркой, что представленное мнение о появлении и динамике распространения неолитических керамических традиций в Поволжье основывается на современном состоянии источников и уровне их изученности, а проведение дальнейших исследований позволит уточнить или поправить сделанные выводы [Васильева, Выборнов, 2016. С. 117].

Не решена также пока проблема дальнейшего культурного развития орловского населения. По этому вопросу в научной литературе высказываются различные точки зрения, решение которых напрямую связано с дальнейшими полевыми исследованиями.

С новыми изысканиями связывается и установление социальной структуры населения орловской культуры. Для этого необходимо иметь более полные представления о неолитических жилищах и погребальных памятниках. Неолитические жилища на «Орошаемом» обнаружены, но исследованы пока частично. Жилища Варфоломеевской стоянки раскопаны полнее, но котлованы разновременных построек перекрывают друг друга, что затрудняет проводить достоверные реконструкции. Имеется, правда, одна интересная особенность – окраска полов и стен, что можно сопоставить с традициями Центральной Азии и Ближнего Востока. Могильники орловской культуры пока не выявлены, если не считать пяти погребений Варфоломеевской стоянки, относящихся к разным этапам функционирования стоянки.

Есть и ряд частных вопросов, решение которых будет возможно после уточнения культурных контактов и взаимодействий орловского населения. Например, это появление керамики с широким внутренним напылом в двух, достаточно удаленных регионах – Нижнем Поволжье и Среднем Зауралье, что предполагает некий культурный импульс из одного центра [Юдин, 2016. С. 42–77]. С появлением новых материалов намечаются достаточно устойчивые культурные влияния на орловское население с широкой территории от Балкан до Передней Азии, что представляется достаточно перспективным для дальнейших исследований.

Литература:

- Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
- Барынкин П.П. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3.
- Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004.
- Васильева И.Н. Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009.
- Васильева И.Н. О древнейшем гончарстве Нижнего Поволжья // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии. Самара, 2011.
- Васильева И.Н., Выборнов А.А. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. 2016, № 3.
- Воробьев В.Б. Разведки на Узеньях // АО-1985. М., 1987.
- Выборнов А.А. О спорных моментах в изучении раннего неолита Среднего Поволжья // Первобытные древности Евразии. М., 2012.
- Выборнов и др.: Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Кулькова А.М., Кольцов П.М., Юдин А.И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Поссерт Г., Филиппсен Б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15, № 5, 2013. С. 254–260.
- Выборнов и др.; Выборнов А.А., Юдин А.И. Кулькова М.А., Гослар Т., Поссерт Г., Филиппсен Б. Радиоуглеродные данные для хронологии неолита Нижнего Поволжья // Радиоуглеродная хронология неолита Восточной Европы в VII–III тыс. до н. э. Смоленск, 2016.
- Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дюга Н.С., Попов А.С. Новые материалы исследований на поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 19, № 3, 2017. С. 185–190.
- Выборнов А.А., Юдин А.И. Раскопки поселения Орошаемое в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2014 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2015. Вып. 13.
- Выборнов А.А., Юдин А.И. Вопросы хронологии и производящего хозяйства на основе новых изысканий неолита-энеолита в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции. Элиста, 2016.
- Гасилин и др.: Гасилин В.В., Косинцев П.А., Саблин М.В. Фауна неолитической стоянки Варфоломеевская в степном Поволжье // Фауны и флоры Се-

верной Евразии в позднем кайнозое. Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. С. 25–100. (Биота Северной Евразии в кайнозое. Вып. 6).

Деревягин Ю.В., Третьяков В.П. Неолитическое поселение у с. Алтата Саратовской области // СА, 1974. № 4.

Дога и др.: Дога Н.С., Выборнов А.А., Юдин А.И., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Васильева И.Н., Попов А.С. Итоги изучения поселения неолита-энеолита Орошаемое в Нижнем Поволжье // Труды V (XXI) Всероссийского съезда в Барнауле-Белокурихе. Барнаул, 2017. Т. I.

Килейников В.В., Юдин А.И. Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // РАЕ. № 3, 2016.

Мамонтов В.И. Поздненеолитическая стоянка Орловка // Советская археология. 1974. № 4.

Манько В.А. Начало распространения технологии изготовления геометрических микролитов «со струганными спинками» // Самарский научный вестник, 2014. № 3 (8).

Юдин А.И. Новые энеолитические памятники на р. Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Юдин А.И. Варфоломеевская неолитическая стоянка (первые итоги исследования) // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С. 142–172.

Юдин А.И. Неолитические погребения Варфоломеевской стоянки // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 3–14.

Юдин А.И. Исследования Варфоломеевской стоянки в 1996 году (к характеристике материального комплекса слоя 2А) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 16–40.

Юдин А.И. Жилые постройки Варфоломеевской стоянки // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С. 10–11.

Юдин А.И. Костяные предметы искусства из коллекции Варфоломеевской стоянки // РА, 2003а. № 4.

Юдин А.И. Хозяйство населения орловской неолитической культуры // Археологические записки. Каменный век. Ростов-на-Дону, 2003б. Вып. 3. С. 90–96.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка – опорный памятник орловской неолитической культуры степного Поволжья // Археологические вести. СПб., 2004а. Вып. 11. С. 23–42.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004б.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка – уникальный неолитический памятник степей Евразии // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии (Матер. Всерос. научн. конф., посвященной 35-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2008а. С. 306–309.

Юдин А.И. Место и время доместикации лошади по данным Варфоломеевской стоянки в степном Заволжье // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008б.

Юдин А.И. Орнаменты костяных изделий Варфоломеевской стоянки как отражение культурных взаимодействий // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 1.

Юдин А.И. Периодизация и хронология энеолита степного Поволжья // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. СПб., 2013. С. 26–30.

Юдин А.И. Орловская культура в свете новых данных по хронологии неолита степного Поволжья // Самарский научный вестник. 2014, № 3 (8). С. 215–220.

Юдин А.И. О культурных взаимодействиях неолитического населения Степного Поволжья и Среднего Зауралья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2016. Вып. 14.

Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. 2016, № 3 (16).

Kovalyukh N., Skripkin V., Videiko M. Peculiarities Of Radiocarbon Dating Of Ancient Archaeological Pottery. In the Abstracts of The First World Congress “Trypillian Civilization” held in Kyiv, 7–11 October 2005.

Yudin A.I. The Varfolomeevka site in the steppe region of Volga River // C¹⁴ Archaeology. 7th International Symposium 8–12 April 2013, Ghent, Belgium. Ghent, 2013, p. 58–59.

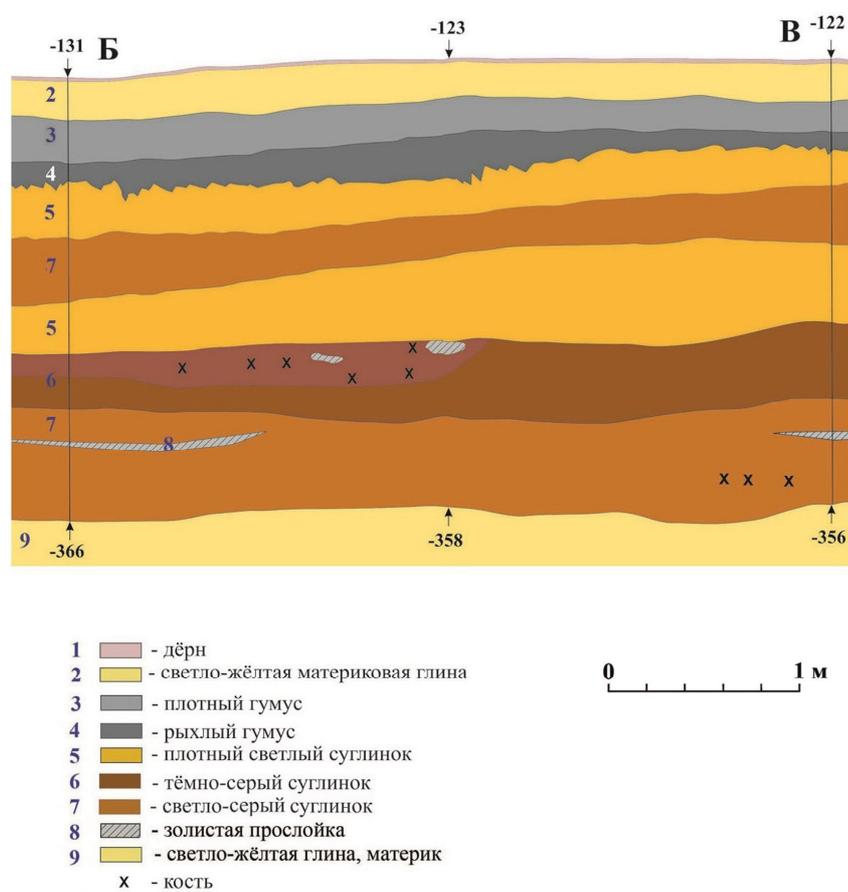

Рис. 1. Поселение Орошаемое. Стратиграфия северо-западной стенки раскопа «Алгай 2».

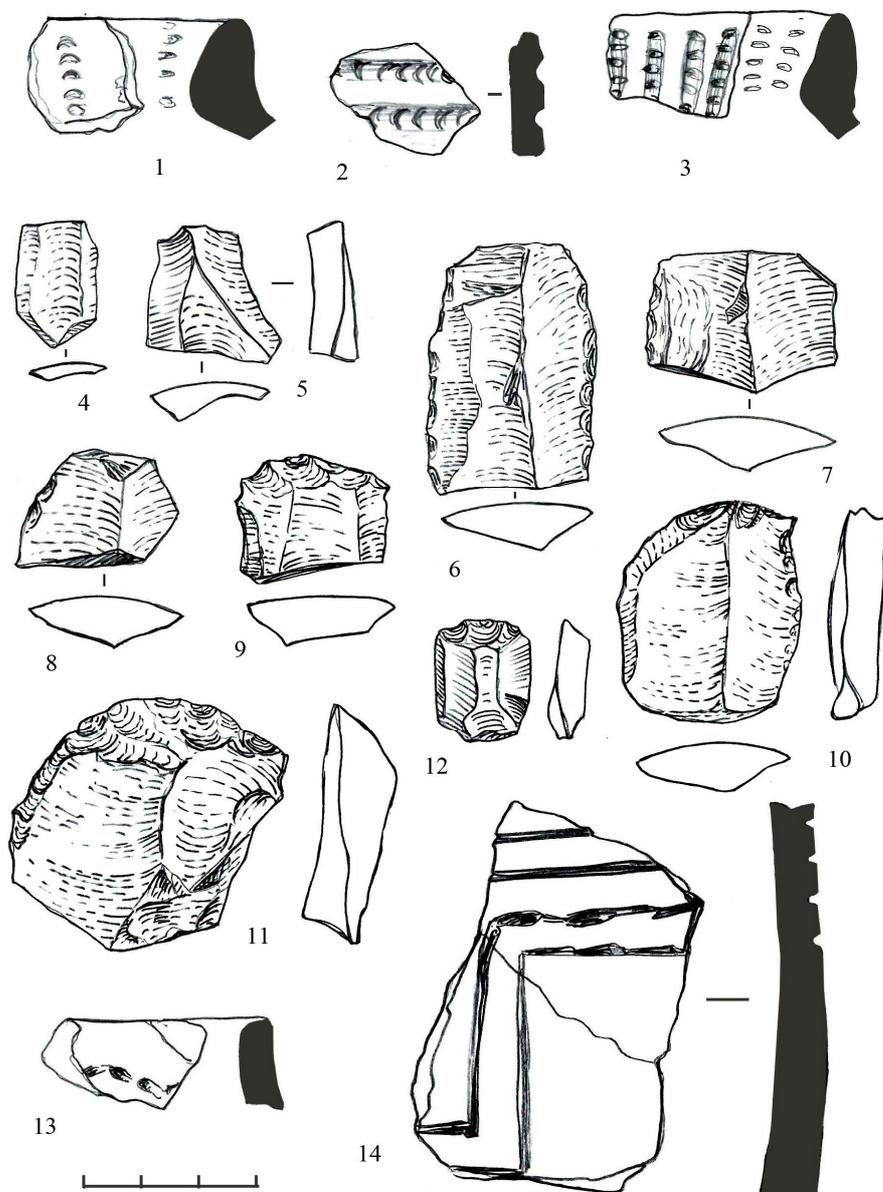

Рис. 2. Поселение Орошаемое, раскоп «Алгай 2». 1-3 - находки из слоя хвалынского слоя; 4-12 - находки из прикаспийского слоя; 13, 14 - находки из верхнего пласта неолитического слоя.

Рис. 3. Поселение Орошаемое, раскоп «Алгай 2». Керамика (1-13) и геометрические микролиты (14, 15) из нижнего пласта неолитического слоя.

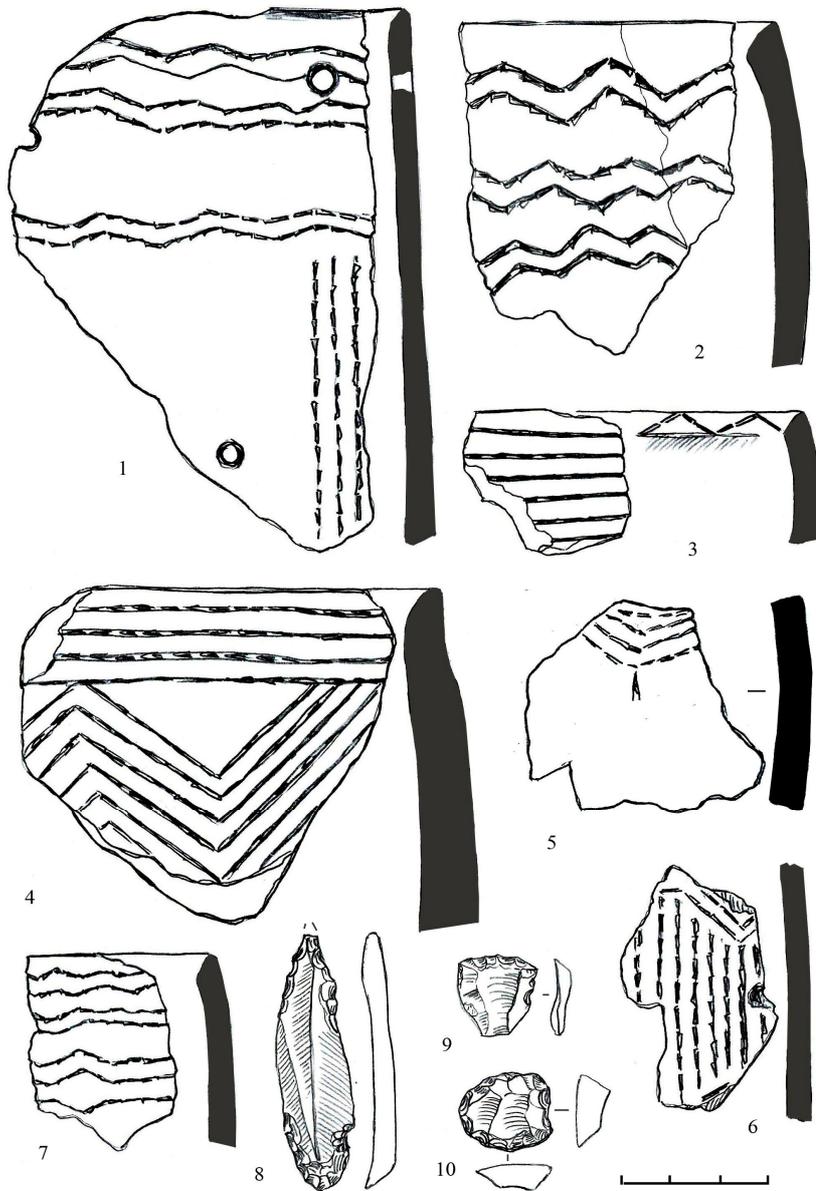

Рис. 4. Поселение Орошаемое, раскоп «Алгай 2».
Керамика (1-7) и каменные изделия (8-10) из заполнения котлована.

Малов Н.М.

ТУЕСКИ, БЕРЁЗОВАЯ КОРА И ДРЕВЕСИНА
В ПОГРЕБЕНИЯХ ПОКРОВСКОЙ И СРУБНОЙ КУЛЬТУР
ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Автор анализирует погребения покровской и срубной археологических культур позднего бронзового века Нижнего Поволжья, содержащие туески-коробочки, берестяное покрытие на костяках и подстилки на дне могил, берёзовую кору, плахи, бревна и бруски. Составлен каталог объектов с такими находками, обнаруженными на территории Саратовской и Волгоградской областей. Учен 21 погребальный комплекс и одно селище первой половины II тыс. до н. э. Туески цилиндрической формы чаще всего представлены в погребениях покровской культуры. Изделия из бересты и берёзовая кора известны также в материальной культуре абашевских, синташтинских, сейминско-турбинских и андроновских древностей Волго-Уралья и Сибири. В бронзовом веке получали берёзовый клей. Он применялся ремесленниками и служил для прочного соединения наконечников стрел с древком. В Северной Евразии обработка берёзовой коры достигла высокого мастерства в археологических культурах эпохи поздней бронзы лесной и лесостепной зон, а также на севере Нижнего Поволжья – на территории, прилегающей к пограничью между степью и лесостепью. В эпоху древних палеометаллов берёзовые колки занимали небольшие площади в самых влажных местах сухостепной зоны и полупустыни региона. Это подтверждают результаты споро-пыльцевого и палинологического анализов образцов с памятников позднего бронзового века.

Ключевые слова: курган, погребальный инвентарь, туески и береста, поздний бронзовый век, покровская культура, срубная культура, Нижнее Поволжье

*Malov N.M.***BIRCH-BARK BASKETS, BIRCH BARK AND BIRCHWOOD
IN THE BURIALS OF THE LATE BRONZE POKROVSK
AND TIMBER-GRAVE CULTURES FROM THE LOWER VOLGA REGION**

The author analyzes burials of the Pokrovsk and the timber-grave archaeological cultures of the Late Bronze Age from the Lower Volga Region; those contain box-like baskets, skeleton birch-bark covers and liners on the grave bottoms, birch bark, bars, blocks and logs. A catalogue has been compiled to list similar finds from the Saratov and the Volgograd regions. 21 burial complexes have been registered, as well as one settlement dated back to the second half of the II millennium B.C. Cylindrical birch-bark baskets occur mostly in the Pokrovsk-culture burials. Birch bark and objects made of birch bark are also known in material culture from the Abashevo, Sintashta, Seima-Turbino and Andronovo monuments from the Volga-Ural region and Siberia. Birch glue used to be manufactured in the Bronze Age. It was used by craftsmen and served to ensure solid connections of arrowheads and shafts. In Northern Eurasia, high skills of birch-bark processing are recorded in the Late Bronze archaeological cultures from the forest and forest-steppe zones and in the north of the Lower Volga region – in the area adjacent to the boundary between the steppe and the forest-steppe. During the epoch of ancient paleometals, birch groves used to occupy small areas in the moistest places of the arid steppe and semi-desert zones of the region. This is confirmed by the results of the spore-pollen and palynological analyses from the Late Bronze Age monuments.

Keywords: burial mound, burial equipment, birch bark and birch-bark baskets, Late Bronze Age, Pokrovsk culture, timber-grave culture, Lower Volga Region

I. Введение

Береста – наружная часть берёзовой коры – широко употреблялась в первобытных обществах для разных целей. Этот органический материал, обрабатывавшийся человеком с послеледниковой эпохи каменного века, требовал сравнительно небольшой предварительной подготовки [Кларк, 1953. С. 209–214, табл. XII]. Она использовалась при сооружении и обустройстве различных стационарных и легких кратковременных жилищ, свайных и других построек, землянок и полуземлянок. Существенную роль играло и то, что берёзовая кора изолировала деревянную конструкцию от влаги, предохраняла ее элементы от сырости и гниения. Поэтому с древнейших времен береста применялась при покрытии крыш и пола на деревянной или земляной основе, служила важным строительным гидроизоляционным материалом. Мелко-

лиственную берёзу с мягкой древесиной, наряду с другими видами деревьев и кустарников, использовали как топливо. Она горит долго и равномерно, при этом не выделяют вредных смол, но легко подвергается гниению. Кроме того, из бересты изготавливали туеса-туески, коробки, шкатулки, контейнеры и небольшие сосуды, футляры, циновки-коврики, обувь, светильники и факелы, рыболовные полавки и др.

Древесина широко употреблялась при сооружении жилищ, обустройстве захоронений, изготовлении повозок, колесниц, сосудов и других предметов различных культур эпохи ранней-поздней бронзы, распространенных в степях Восточной Европы. В ряде курганов Нижнего Поволжья обнаружена немногочисленная, но выразительная, серия захоронений эпохи поздней бронзы, содержащих туески, коробки-коробочки, другие изделия из бересты и берёзы. Погребения с берестяными туесками-коробочками или туесами представлены в покровской культуре начала позднего бронзового века бронзы [Малов, 1989. С. 88; он же, 1992. С. 13]. Встречены изделия из аналогичного материала и в погребениях срубной культуры региона. Кроме того, берестой иногда укрывали дно могил и погребенных, а березовые бревна и плахи использовали при сооружении перекрытия могильных ям. Однако не составлен каталог погребений с такими находками, обнаруженными на археологических памятниках Саратовской и Волгоградской областей. Они еще не учтены в полном объеме и не стали предметом специального рассмотрения и анализа, что и является основной целью данной работы.

II. Каталог памятников

1. *Суслы (бывш. Герцог)*. Курган 20, погребение 2. Срубная культура. Диаметр насыпи 10 м, высота 0,40 м. Располагался в центральной части могильника. Раскопан П.С. Рыковым колодцем 3 x 3 м [Рыков, 1924. Л. 39; Рыков, 1925]. Бассейн р. Большой Караман, Советский р-н Саратовской обл. Место хранения СОМК. Погребение основное, к востоку от центра насыпи. Яма длиной 1,7 м, шириной 1,12 м, глубиной 1,54 м. Во всех горизонтах могилы следы дерева от сруба, крупные плахи (дуб, хвойная порода). На дне могилы, под прикрытием из дубовых тонких дощечек и берёзовой коры ближе к западной стенке обнаружены остатки женского (?) костяка в скорченном положении, на левом боку, головой на ССВ. Верхняя часть скелета разрушена. Бедрa согнуты под острым углом. Берцовые кости согнуты под углом 45° и слегка перекрещиваются. В СВ углу большой орнаментированный горшок, с 5 бараньими астрагалами внутри. Рядом в гнезде сусликов бронзовый желобчатый браслет с отверстием на одном конце. Перед лицом, около кости крупного животного, фрагменты от разложившегося сосудика со слегка отогнутым тонким венчиком. Структура прикрытия представлялась автору раскопок в

следующем виде: внизу слой дубовых дощечек, лежавших поперек могилы; над ним слой таких же дощечек, вдоль их прикрывают два слоя бересты в таком же порядке. У восточной стенки плетение поднимается вверх на расстоянии 10 см от нее. Близ западной стенки оно не доходит до нее приблизительно 30 см, у восточной – 10 см.

2. Фриденберг (совр. Мирное). Группа 3-я (Западная). Бассейн реки Еруслан. Ровенский р-н Саратовской обл. Курган 4. Срубная культура. Раскопки П.С. Рыкова 1925 г. [Рыков, 1926. С. 127–128; Rikov, 1927. S. 56. Abb. 13]. Место хранения СОМК. Костяк человека, ориентированный к СВ, в скорченном положении на левом боку, правая рука согнута в локте – протянута к лицу, ноги согнуты в коленях. Кости были прикрыты берестяной корой. Округлобокий сосуд, «орнаментированный косыми крестами и ромбами – с крестами внутри» (по П.С. Рыкову), хранится в СОМК (№ 346610). Диаметр по венчику и или устью 16 см, по дну 8,5–9 см, высота 17 см (рис. 7, 6). В тесте примесь шамота. Венчик слегка отогнут, под ним горизонтальные полосы от заглаживания. По срезу венчика косые линии и ямочные вдавления. На плечиках прочерченный орнаментальный сюжет типа календарных «чисел» [Беседин, Сафонов, 1996. С. 24, рис. 2, 1] Он состоит из 8 ромбов с косыми крестами и линиями внутри, а также идущих друг за другом отдельных 5 косых крестов. При этом один ромб внутри «пустой».

3. Усатово (бывш. Эжгейм). Курганная группа на сырте к востоку от бывшего хутора Лебзак. Бассейн р. Еруслан. Курган G 5, погребение 8, основное. Диаметр насыпи около 27 м, высота в центре около 1,4 м. Покровская культура. Исследован П.Д. Рау, квадратным раскопом, состоящим из параллельных меридиональных траншей [Синицын, 1947. С. 97–134, рис. 59; 69, табл. VI, 4, 5]. Все 11 впускных могил относятся к сарматской эпохе. Краснокутский р-н Саратовской обл. Место хранения коллекции: Энгельсский краеведческий музей. Могила в центре кургана. Яма прямоугольная, ориентирована длинными стенками с СВС на ЮЗЮ. Размеры: длина 3,7 м, ширина 2,2 м, глубина 2 м, края скошены в виде покатой ступени, на которой следы от перекрытия из поперечных берёзовых бревен и камыша. На краю конский череп и фрагмент большого глиняного сосуда с широкими бороздками на наружной поверхности. В засышке птичья кость, скелет барашка и куски берёзового дерева. В центре ямы вертикальный берёзовый ствол, поблизости от него следы трех берёзовых брусков. В ЮЗ половине, на дне ямы – полоска красной охры. Погребение центральное – основное, мужское [Дебец, 1936. С. 78–79, приложение 3]. Костяк ориентирован головой на ССВ, на спине или слегка на левом боку, кисти рук на груди или у лица, правая нога вытянута, левая слегка согнута в колене. Инвентарь: костяной псалий [Малов, 1983. С. 205, рис. 1, 1] и два бронзовых ножа [Черных, 1970. С. 65, рис. 56, 26].

4. *Бородаевка (бывш. Боаро)*. Курган D 28 во второй группе за оврагом. Срубная культура. Раскопан П.Д. Рау, колодцем [Рау, 1927; Rau, 1927. S. 56–66; Памятники..., 1993. С. 24–25, № 57, С. 141–142, табл. 11, 27, 28, табл. 12, 1, 2]. Бассейн р. Малый Караман [Малов, 1986. С. 30, рис. 2, 40]. Село Бородаевка Марковского р-на Саратовской обл. Коллекция хранится в Энгельском краеведческом музее. Погребение парное (мужчина среднего возраста и подросток), в центре насыпи. Яма прямоугольной формы 1,45 x 1,3 м, глубина 1,65 м. Остатки деревянного перекрытия из продольных дубовых и берёзовых стволов, и плах. Судя по плану, костяки ориентированы черепами на восток. Скелет мужчины на левом боку, ноги согнуты в коленях, руки в локтях – кисти перед лицом. Подросток покоился на спине, ноги согнуты в коленях, затем распались в обе стороны – ромбом, правая рука на животе, левая перед лицом. На костяках слой бересты, волокнами поперек могилы. Остатки горизонтального слоя бересты отмечены также в засыпке на глубине 0,90 м. Инвентарь: четыре лепных сосуда, по два около каждого скелета. Под сосудами крупницы мела.

5. *Бородаевка*. Курган D 29 рядом с курганом D 28. Срубная культура. Раскопан П.Д. Рау, колодцем [Rau, 1927. S. 56–66; Памятники..., 1993. С. 24–25, № 58]. Погребение в прямоугольной яме под южной половиной насыпи. Могила ориентирована длинными сторонами по линии С–Ю. Перекрыта поперечными дубовыми плахами. На дне скорченный мужской костяк на левом боку, головой на север, кисти обеих рук перед лицом, правое бедро согнуто под прямым углом, левое под тупым углом. Два глиняных сосуда срубной культуры и две птичьих кости. Под раздавленным сосудом сохранились остатки подстилки: береста и на ней волокнистый органический перегной, напоминающий камыш. На костях лежало 4 слоя бересты, волокнами поперек, подстилаемых продольными дощечками толщиной 3 мм.

Чардымские курганы. Группа расположена на левом берегу одноименной реки, недалеко от ее впадения в Волгу [Малов, 1986. С. 30, рис. 2, 17]. Окрестности с. Чардым Воскресенского р-на Саратовской обл. Курган 1 раскопан П.С. Рыковым, колодцем [Рыков, 1930; Рыков, 1931; Рыков, 1933. С. 85, рис. 1], повторно исследован В.Г. Мироновым [Миронов, 1987; Миронов, 1994]. В.Г. Миронов отметил по поводу захоронений, исследованных П.С. Рыковым в кургане 1, что коллективные могилы №№ 3, 4, 9–11 (по П.С. Рыкову) имеют выкид [Миронов, 1987. Л. 6–11, 27, 35]. Можно полагать что, они были основными. Коллекция хранится в СОМК. Погребения покровско-срубной стадии 2.1 позднего бронзового века (ПБВ 2) [Качалова, 1976. С. 9, рис. 2, 17; Малов, 2012. С. 96–97].

6. *Чардым*. Курган 1 погребение 7. В СВ углу колодца большая могильная яма прямоугольной формы. Длина могилы 3,4 м, ширина 2,25 м, глубина 1,9 м. Погребение коллективное. На дне останки 4 покойников: на левом бо-

ку, за исключением второго, считая слева, который лежал на правом боку. Все в скорченном положении, черепом к СВ. Пол одного из погребенных определен как мужской, зрелого возраста [Фирштейн, 1957. Л. 1]. Инвентарь: глиняный сосуд, фаянсовые (пастовые) бусы, фрагменты бронзовых желобчатых подвесок, бронзовый нож [Черных, 1970. С. 129, табл. 1, № 1722]. Около головы женщины *остатки берестяной коробочки размером 15 x 20 см.*

7. *Чардым.* Курган 1 погребение 9. Крупная прямоугольная могила длиной 5,4 м, шириной 2,7 м, глубиной 2 м. В яме 5 скелетов покойников. Они были положены скорченными, на левом боку, на подстилку из стеблей растений, ориентированы головой к СВ. *Остатки берестяной коробочки*, по мнению П.С. Рыкова, относились к детскому скелету. Остальной инвентарь: 5 глиняных сосудов, один из которых маленький остросеберный [Рыков, 1931. С. 32, 34]; три бронзовые пластинчатые подвески от наконечника; два бронзовых браслета и две бронзовых височных подвески [Малов, 1992а. С. 29, рис. 1, 15, с. 33, рис. 3, 20, 21, 28–31].

8. *Чардым.* Курган 1 погребение 11. Могильная яма около восточной стенки первоначального колодца, ориентированная по линии СВ-ЮЗ. Длина 1,70 м, ширина 1,55 м, глубина 2 м. Погребение парное: мужчины (слева) и женщины (справа) в скорченном положении, лицом друг к другу, ориентированных головой к СВ. Против тазовых костей и коленных сочленений покойников найдены бронзовые пронизки и маленькое бронзовое острие. Близ восточной стенки ямы около СВ угла глиняный «баночно-вазообразный горшок», около ступни левой ноги покойницы нижняя челюсть свиньи. В отчете о повторном исследовании (погребение № 5 по В.Г. Миронову) отмечено: «4) Там, где на плане могилы должен быть череп левого захоронения, нами обнаружено плохой сохранности (законсервировать не удалось) *днище берестяного туческа диаметром до 12 см*, стоявшего на полу могилы вплотную к северной стенке» [Миронов, 1987. Л. 18].

9. *Бородаевка.* Группа около плантации «Рунталь», на левобережной террасе р. Малый Караман. Курган 6 погребение 2. Диаметр насыпи 10 м, высота 40 см. В кургане всего две грунтовых могилы, относящиеся к *срубной культуре*. Раскопки И.В. Сеницына [Сеницын, 1947. С. 122, 141, табл. VII, 4]. К ЮЗ от центра насыпи четырехугольная могила, длиной 90 см, шириной и глубиной 60 см. В засыпке куски дерева и хвороста. На дне костяк ребенка 2–3 лет в позе адорации, на левом боку, ноги согнуты, руки перед лицом – кистями к подбородку. *Перед лицом стояла берестяная коробочка из берестовой коры. Она имела овальную форму. Ее длина 9 см, ширина 5 см, высота до 7 см.* Рядом два керамических сосуда.

10. *Иловатка.* Курган 3 погребение 2. *Покровская культура* [Качалова, 1976. С. 9, рис. 2–18]. Курганы на краю надпойменной террасы левого бе-

рега Волги. Группа на СВ окраине села Иловатка Старополтавкинского р-на Волгоградской обл. Раскопки К.Ф. Смирнова [Смирнов, 1957. С. 216–217; Смирнов, 1959. С. 226–228, рис. 9, 3–6; Смирнов, 1961. С. 50–69, рис. 3, 1, рис. 13, 1]. Взрослый, вероятно, мужчина лежал на левом боку, слабоскорченно, головой на север. *Дно могилы выложено корой или берестой.* Инвентарь: развал керамического сосуда с примесью толченых раковин в тесте, две костяные бляхи от конской узды, бронзовое шило.

11. *Ровное (бывш. Зельман).* Курган 3 погребение 10. Покровская культура. Раскопки И.В. Сеницына [Сеницын, 1966. С. 29–33, рис. 5; 7, 5]. Поселок Ровное, районный центр Ровенского р-на Саратовской обл. Левый берег Волги [Малов, 1986. С. 30, рис. 2, 54]. В СОМК хранится лепной сосуд (СОМК 45483) и фрагменты от берестяного туеска (НВСП 203006). Захоронение впускное в центре кургана, врезалось в основное погребение № 11 ямной культуры. В прямоугольной материковой могиле скелет ребенка 2–3-х лет, в позе адорации, головой на восток, на дне подстилка из травы. Около черепа стоял сосуд с наклоненным во внутрь венчиком, выраженной шейкой и плечиками (рис. 5, 6; рис. 7, 5). В тесте примесь толченых раковин. Край венчика скошен наружу и орнаментирован косыми отгисками зубчатого чекана с поперечными мелкими линзовидными зубцами. На шейке и одной стороне придонной части косые полосы от заглаживания поверхности. Между заглаженными частями поверхности, зубчатым штампом нанесены косые кресты. *Рядом находилась берестяная коробочка – туесок цилиндрической формы. Нижняя часть и дно расслоились. Верхняя часть имела высоту до 10 см, диаметр устья до 12 см.* «По краям, с двух противоположных сторон, расположены по два отверстия, проколотые круглым инструментом, диаметром до 0,5 см.» (По И.В. Сеницыну). Представленные в музейных фондах фрагменты стенок туеска сохранились на высоту до 4 см (рис. 5, 7, 8; 7, 7). Скорее всего, это придонная часть, прошитая по краю двумя швами выше и ниже днища, для его скрепления со стенками. Она изготовлена из однослойной бересты. Интервал между сквозными проколотыми отверстиями нижнего ряда составляет 0,8–1,3 см. Выше нижних отверстий на 0,3–0,4 см, что указывает на толщину днища туеса, по краю расположен второй ряд отверстий, но с меньшим интервалом 0,4–0,6 см.

11. *Красноармейск (бывш. Голый Карамыш, Бальцер).* Курганная группа в 5 км к СЗ от города, на пахатном поле. Курган 3, высотой 0,37 м, диаметром 37 м. Раскопки Е.К. Максимова [Максимов, 1969. С. 30–31]. Красноармейский р-н Саратовской обл. Бассейн р. Голый Карамыш. В центре кургана могила прямоугольной формы, длиной 2,1 м, шириной 1,3 м, глубиной 1,7 м, ориентированная длинными стенками по линии С–Ю. Срубная культура. *Могильное перекрытие поперечное из дуба и берёзы.* Дно посыпано мелом, затем лежала травянистая подстилка. Вдоль западной стенки лежал костяк взрослого чело-

века на левом боку с согнутыми под острым углом ногами, ориентированный черепом на север. Положение рук не прослеживалось. Против груди – черепки лепного баночного сосуда, высотой 15 см, диаметр по венчику 16,5 см, по дну – 9,5 см. Около этой банки лежал бронзовый нож с остатками деревянной рукоятки. В ЮВ углу стоял второй сосуд баночной формы с орнаментом. Его высота 19,5 см, диаметр по венчику 17 см, по дну 10 см.

12. *Короли*. Курган 4 погребение 4. Могильник около заброшенного хутора Королевский (Короли). Бассейн р. Бузулук – приток Хопра. Новоаннинский р-н Волгоградской обл. Раскопки В.И. Мамонтова [Мамонтов, 2001. С. 112–113, 118, 119, 124, рис. 3, 2, 3, 8, 10, 11]. Покровская культура. Прямоугольная могильная яма, ориентированная длинными стенками по направлению С–Ю. Ее длина 2 м, ширина 45 м, глубина 1,2 м. Перекрыта плахами по направлению З–В. На дне скелет мужчины возрастом 50–55 лет, на левом боку, черепом на С, левая рука согнута в локте, направлена кистью к лицу, правая согнута в локте, кисть у таза. Под костяком тонкий слой бересты. Инвентарь: фрагмент деревянной чаши с бронзовыми обкладками, подвеска из зуба хищника, бронзовый нож, фрагмент грубоотканной материи, низка пастовых бус, костяное колечко, фрагменты глиняного сосуда с вкраплениями битой ракушки и четырьмя круговыми бороздками ниже устья.

13. *Короли*. Курган 5 погребение 1 в насыпи, на глубине 2,1 м от 0 отметки [Мамонтов, 2001. С. 113, 118, 119, 124, рис. 3, 2, 3, 8, 10, 11]. Покровская культура. Погребенный на левом боку в скорченном положении, головой на С, на подстилке из куги, посыпанной мелом. Руки согнуты в локтях – направлены к лицу. За головой погребенного фрагменты бересты от двух туесков цилиндрической формы, диаметром 11,2 см, и высотой 6,5 см. Остальной инвентарь: керамический орнаментированный сосуд биконической формы с отогнутым венчиком и примесью дробленой ракушки; фрагменты крупного лепного сосуда с добавлением толченой раковины в тесте; височные бронзовые подвески; бронзовые пронизки с рифленой поверхностью.

Натальинские курганы. Вторая группа на месте строительства АЭС к северу от с. Натальино Балаковского р-на Саратовской области. Расположена на высокой террасе небольшой степной речки Березовки, которая до затопления протекала здесь, впадая в Волгу [Малов, 1986. С. 30, рис. 2, 37]. Раскопки Н.М. Малова. Экспресс-определение пола и возраста скелетов было выполнено антропологом А.В. Шевченко в Археологической лаборатории СГУ. Коллекция вещей хранится в СОМК. Насыпи курганов и материк представляли собой коричневую глину, погребенная почва – плотный светло-серый суглинок мощностью 10–15 см, поэтому материковые выкиды не прослеживались.

14. *Натальино II*. Курган 10. Погребение единственное в кургане. Покровская культура. Диаметр кургана 14 м, высота 26–17 см. Прямоугольная мате-

риковая могильная яма с закругленными углами располагалась к ЮЗ от центра кургана, ориентирована длинными стенками по линии СЗ-ЮВ [Малов, 1980. С. 153; Малов, 1991. С. 18-22; Памятники..., 1993. С. 20-21, № 23, с. 133, табл. 3, 19-27]. Ее размеры 2,2 x 1,6 м, глубина в материке 0,9 м. Яма заполнена материковой глиной с прослойками сажи. На южном краю могилы, на уровне погребенной почвы (глубина 38 см от «0R»), компактно лежали две нижние челюсти коровы, много альчиков и обрубленные по колени кости конечностей, вероятно крупного рогатого скота. На дне могилы, вдоль западной стенки, в скорченном положении на левом боку лежал костяк мужчины возрастом около 25 лет, черепом на СЗ. Руки были согнуты в локтях – кисти перед лицом. Ноги согнуты в коленях под острым углом, в бедрах почти под прямым. Дно могилы посыпано мелом, затем в некоторых местах красной охрой, поверх которой лежал растительный тлен от подстилки или покрывала. Против коленей костяка пятно красной охры диаметром 30-45 см. Она также фиксировалась на теменной части черепа, костях правого плеча и кистей рук. Около южной стенки лежали кости: лопатка барана и череп кабана (?), по обе стороны от которого пара обрубленных по колено ног животного. К востоку от локтей располагались остатки от круглого днища берестяного тусека диаметром около 35 см из 5-6 слоев. Под берестой был тонкий слой древесины округлой формы такого же диаметра. Таким образом, нижняя часть днища тусека был деревянная, на которую и крепилась берестяная основа. Недалеко от тусека сохранился скелет маленького зверька с клыками. Остальной инвентарь: два бронзовых ножа, низка из 42 рубчатых сурьмяных и 8 белых пастовых (фаянсовых) бусин, маленький заполированный каменный предмет, два костяных и один кремневый наконечники стрел, навершие серпентинитовой булавы, округлобокий лепной сосуд с примесью толченой раковины. Ножи изготовлены из меди химико-металлургической группы ЕУ-ВУ (Лаборатория спектрального анализа Институт археологии РАН, Шифры 30116, 30126).

15. *Натальино II*. Курган 14. Покровская культура. Насыпь кургана сильно уплощена и практически незаметна на поверхности поля. Диаметр 14 м, высота от южного края полы 15 см [Малов, 1980. С. 153; Памятники..., 1993. С. 22-23, № 28, С. 133, табл. 3, 1-13]. Курган содержал одно центральное материковое погребение (рис. 1). Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ, глубиной 1,8 м, размеры 2 x 1,4 м. Стенки и дно могилы в некоторых местах потревожены сурчиными норами. В южной половине ямы встречены остатки деревянного перекрытия из бревен диаметром 20-25 см. Дно могилы посыпано мелом и устлано растительной подстилкой. На дне могилы, вдоль западной стенки лежал в скорченном положении на левом боку, грудью и лицом вниз, костяк муж-

чины возрастом 45–50 лет. Погребенный был ориентирован головой на ССВ, руки согнуты в локтях, кисти прижаты к лицу. Дно могилы вокруг покойника посыпано красной охрой. Около коленей лежал в обломках округлободий сероглиняный сосуд, с плоским дном и примесью толченых раковин в тесте (рис. 5, 6; 7, 5). Венчик с внутренним уступом, слегка отогнут наружу. Диаметр сосуда по венчику 16,5–17 см, высота не менее 15 см. В СВ углу рядом находились остатки круглых днищ от двух туесов в виде щитов на деревянной основе, обшитых сверху берестой в 5 слоев (рис. 4, 3). По краю они были прошиты и в некоторых местах имели следы от тиснения. Поверх бересты фиксировался светло-коричневый тлен от волокон из кожи (?). Береста имелась только с внешней – верхней стороны, а нижнюю основу составлял тонкий деревянный щит. Состоял ли он из цельного куска древесины, или был набран из узких реек, установить невозможно, поскольку он истлел и не представлял собой цельную массу. Толщина деревянного каркаса была не более 0,5 см. Края берестяной обкладки и нижней части стенок туеска прошивалась между собой и этой же прошивкой скреплялась с деревянной основой. Центральная часть щитообразных днищ туесов была выгнута наружу вверх. Диаметр днища туеска, лежавшего ближе к СВ углу, около 35 см. На нем были 4 наконечника стрел из твердого кремня и один костяной. Кремнёвые наконечники тщательно обработаны, по краю у них зубчатая ретушь. Два, с черешковым насадом и боковыми острыми шипами, изготовлены из минерала темного цвета (рис. 4, 4; 6, 3, 4). Два других треугольной формы и с прямым основанием из кремня темного и светлого окраса (рис. 6, 5, 7). Параметры наиболее крупного черешкового наконечника с прямым концом: длина 6,8 см, длина и ширина черешка 1 см, ширина в основании пера 1,6 см. Другой наконечник с овальным концом черешка имел такие же параметры, но был короче – 4,9 см. Длина наконечников треугольной формы 4–4,2 см, ширина основания 1,2 и 1,5 см. Костяной наконечник трехгранный с жальцами и со скрытой втулкой (рис. 6, 6). Его длина от концов жальцев до острия 4,5 см. Втулка диаметром 0,4 см. и глубиной 0,5 см. Диаметр сохранившейся части днища другого туеска 32 см (рис. 4, 2; 6, 1). Он располагался ближе к покойнику. На этом днище слабо просматривались пятна красной охры и лежали три предмета: бронзовые нож и шило, камень-гольш. Длина ножа 12,5 см, рукояти 3,5 см, максимальная ширина пера и перекрестия 1,8 см. В профиле нож изогнут, лезвия острые, перо тоньше рукояти сужающейся к закругленной пятке. Шило из четырехгранного прутка 0,6 x 0,6 см. Один конец острый другой – тупой со следами от деревянной рукояти. Орудие из плоского светло-коричневого камня-гольша размером 6,5 x 3,5 x 2 см, с гладкой поверхностью. Бронзовая обойма с острыми концами согнута из тонкого прутка в виде прямоугольника могла быть креплением от крышки или составной частью ременной гар-

нитурсы туска. Обойма, шило и нож изготовлены из меди одной мышьяковой или сурьяно-мышьяковой химико-металлургической группы ВК (Лаборатория спектрального анализа Институт археологии РАН, Шифры 30112, 30113, 30126). Из этой группы меди чаще всего изготовлены металлические предметы в покровской культуре [Малов, 1993. С. 14; Малов, 2012. С. 96]. В 15 см к ЮВ от обоймы, ближе к остаткам древесной рейки, находилось кольцо из трубчатой кости животного [Малов, 1992. С. 40, рис. 4, 14]. Внешняя поверхность кольца заполирована. Его диаметр 2,5 см, толщина стенок 1,4 см, диаметр отверстия 1 см. В СВ углу могилы, за первым туском фиксировались параллельно длинным сторонам с интервалом в 1–2 см остатки от трех деревянных дощечек шириной 2–3 см. Одна деревянная рейка лежала в том же положении в стороне от днища туска.

16. *Натальино II*. Курган 16 погребение 2. Срубная культура. ЮВ часть кургана была под пашней, по остальной его половине проходила грунтовая дорога. Диаметр 23–26 м, высота 0,27–0,67 м. Содержал два материковых погребения срубной культуры [Малов, 1981. С. 138; Памятники..., 1993. С. 22–23, № 39. С. 134, табл. 1, 17, 18]. Погребение 2 парное, в 1,5 м к ССВ от центра кургана. Квадратная могильная яма с равными сторонами длиной 1,7 м, глубиной от «0R» 2,45 м, ориентирована сторонами на СВ–ЮЗ и СЗ–ЮВ (рис. 2). Над покойниками, на расстоянии 10–20 см выше дна лежали остатки рухнувшего деревянного перекрытия из тонких и слабо обгорелых жердей. Под этим перекрытием фиксировались остатки от двух практически истлевших погребальных берестяных покрывал или «циновок-ковриков» (рис. 5, 1). От перекрытия сохранились мелкие куски жёной древесины и один крупный фрагмент жерди, лежавшие под берестяным покрытием на костях скелетов. Стенки и дно могилы, а также верхняя часть некоторых костей закопчены и покрыты тонким слоем сажи. Кроме того, в могильной засыпке, на дне и под берестяными покрывалами встречались отдельные древесные угольки от кратковременно горевшего перекрытия. Сверху на бересте сохранились отпечатки от стеблей травы или травянистого покрытия. Деревянное надмогильное перекрытие и берестяные покрывала располагались по линии СЗ–ЮВ. Одна циновка-коврик частично перекрывала своим углом другую. Центральная часть этих покрывал почти совсем прожжена. Основу каркаса каждой из них составляли две длинные и тонкие деревянные жерди, которые были обернуты двумя цельными вставленными одно в другое плотными берестяными полотнищами (рис. 5, 3). Расстояние между жердями 50–70 см. Вероятно, они были длиннее берестяных полотнищ и за их выступающие концы-рукоятки можно было держаться. Внутреннее (нижнее) полотнище имело меньшую ширину, прослежен только обхват около одной жердины. Противоположный длинный край бересты не сохранился, обрываясь около второй

жерди. Остатки верхнего, более крупного полотнища фиксировались несколько лучше. Им были обернуты обе жердины. Концы его заходили один за другой внахлест и заканчивались у противоположных жердин. Способ соединения и крепления полотнищ между собой не фиксируется, следы швов отсутствуют. Вероятно, они были склеены. Можно полагать, что первоначально яму перекрыли накатником из тонких жердей, на котором развели небольшой костер, горевший короткое время. Затем на перекрытие и тлеющий костер положили берестяные покрывала и траву. Вскоре древесный накатник рухнул вниз вместе с берестяными циновками-ковриками. Дно могилы посыпано мелом, на котором отмечен тлен растительной подстилки. На дне могилы скелеты двух мужчин возрастом более 55 лет, в сильно скорченном положении, на левом боку, черепами на СВ. Костяк вдоль ЮВ стенки завалился на грудь, кисти направлены к лицу, правое плечо на запястье левой руки. Ступни ног поджаты вплотную к тазу. Второй костяк находился за спиной первого, вплотную к нему, в аналогичной позе, но с завалом на спину. На дне могилы стояли два глиняных сосуда. Округлобокий светло-коричневый сосуд с серыми пятнами стоял около ЮВ костяка вплотную к правому колену и запястью этой же руки (рис. 5, 5; 7, 1). Диаметры: по венчику 15–15,5 см, по плечу 17 см, по дну 8,5–9 см. Его высота 12,5 см. Дно с небольшим технологическим поддоном диаметром 4,5–5 см. В глине примесь шамота и красной охры, на тонком слое которой на дне могилы стоял сосуд. На шейке и плечиках гладким ребристым инструментом нанесен геометрический орнамент из двойных параллельных линий, образующих зигзагообразный сюжет. Внешняя поверхность сосуда шероховатая. Между покойниками, около коленей второго костяка, лежал в обломках – вверх дном баночный сосудик грубой выделки и без орнамента (рис. 7, 3). Диаметр по прямому срезу венчика 9,5–10 см, по дну 10 см, высота 4,5–5,5 см. Банка относится к типу закрытых, с наибольшим расширением на середине тулова, днище с закраиной. Цвет грубо заглаженной поверхности светло-коричневый, в глине примесь шамота и красной охры.

17. *Натальино II*. Курган 18 погребение 5. Покровская культура. Высота насыпи 16–18 см, диаметр 15–16 м. Выявлено 5 захоронений, а на уровне древнего горизонта несколько серо-глиняных сосудов покровской культуры [Памятники..., 1993. С. 22–23, № 39. С. 134, табл. 1, 17, 18]. Погребения №№ 1–4 покровской культуры, индивидуальные, младенческие и детские, содержат керамику с примесью толченых раковин. Погребение 5 на расстоянии 2 м, южнее центра кургана. Крупная материковая могильная яма прямоугольной формы существенно потревожена норами, частично разрушившими ее стенки (рис. 3). Ориентирована длинной осью по линии СВ–ЮЗ, длина 1,9–2 м, ширина 1,2–1,3 м, глубина 1,23 м. В верхней части ямы, ниже уровня матери-

ка, поперек могилы лежали в анатомическом порядке кости туши теленка. Череп отсутствовал, но сохранилась нижняя челюсть. Кости черепа животного с зубами верхней челюсти, а также обрубленные до колен передние ноги, были компактно уложены на древнем горизонте, на расстоянии 75–100 см от ЮЗ края могилы (рис. 3, 4). Ниже остова, в заполнении могилы и на дне встречались плахи от поперечного деревянного перекрытия. Таким образом, туша была положена сверху на перекрытие, вместе с которым затем рухнула в могилу. На дне остатки костяка, существенно разрушенного норами: отсутствовали кости черепа, кисти рук, части таза и ног. Пол и возраст: мужчина (?), 18–19 лет. Покойник находился в скорченном положении на левом боку, головой на СВ, руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Ноги подогнуты в бедрах под тупым, а в коленях под острым углом. Дно посыпано мелом, присутствовали невыразительные остатки растительного тлена от подстилки. Около левого колена лежал фрагмент венчика от серо-глиняного округлобочного сосуда колоколовидной формы с обильной примесью толченых раковин (рис. 7, 4). Венчик высотой 2 см, отогнут наружу и с внутренним уступом, где есть горизонтальные рельефные борозды от заглаживания поверхности. Они же имеются с внешней его стороны, а также на шейке и плечиках. Диаметр сосуда по венчику мог быть 20–26 см, максимальное расширение приходилось на тулово. Против лица находились два предмета: *остатки плохо сохранившегося днища от берестяного туюска диаметром 15–18 см*, а также пряслице из эпифиза трубчатой кости крупного рогатого скота с отверстием в центре (рис. 3, 2; 5, 4; 7, 2). На днище туюска сверху лежал фрагмент упавшего деревянного перекрытия (рис. 3, 1). Пряслице срезано с двух сторон. Диаметр его основания 4,8 см, по верхнему срезу 3,5 см. Высота предмета 1,6 см, диаметр отверстия 0,7 см. По краю основания вырезаны 8 углублений, расположенных с интервалом от 1 до 2 см. Около правого колена лежала низка из 39 рубленых металлических сурьмяных бусин цилиндрической формы (СМК 500059).

18. *Терновка*. Курган 4 погребение 21. *Покровская культура*. Группа близ с. Терновка, на второй надпойменной террасе левого берега Волги. Энгельский р-н Саратовской обл. [Малов, 1986. С. 30, рис. 2, 48]. Курганы вытянуты цепочкой вдоль грунтовой дороги и края запахиваемого поля. Ранее они распахивались, но на момент раскопок были слабо задернованы. Раскопки Н.М. Малова [Кочерженко, Малов, 1985. С. 155–156; Памятники..., 1993. С. 36–38, № п/п 211. С. 136, табл. 6, 7, 8, 10–12]. Коллекция из курганного могильника хранится в Энгельском краеведческом музее. Курган 4 диаметром 25 м, 25 погребений. Из них 19 впускных относятся к ранней покровской культуре (№№ 1–18, 21). Захоронения 22 и 25 совершены в эпоху средней бронзы. Две древнейшие могилы принадлежат ямной культуре эпохи ранней бронзы (№№ 23, 24). Погребение 21 расположено в центре кургана на глубине 1,5 м

от «0R» отметки, в материковой яме размером 2,6 x 1,7 м, ориентированной длинными сторонами по линии С-Ю. Оно частично прорезало верхнюю часть более древней могилы № 22 и перекрывало захоронение № 23. В заполнении погребения 21 встречались фрагменты деревянного продольного перекрытия, а одна узкая деревянная плашка лежала поперёк ямы. Дно и стенки в некоторых местах потревожены норами. На дне могилы сохранилась растительная подстилка в виде тлена тёмного цвета, на котором есть посыпка мелом. На южном краю могилы положены кости ног и череп барана. Вдоль западной стенки в скорченном положении, на левом боку, сильно завалившись на спину, лежал костяк женщины возрастом около 25 лет, черепом на север. Он наклонён лицевой частью к левому плечу. Левая рука согнута в локте, кисть её помещалась на нижней челюсти. Правая рука согнута под прямым углом, лежала поперёк туловища, кисть её помещалась под локтем левой руки. На запястье правой руки бронзовый широко-желобчатый пластинчатый браслет с разомкнутыми концами [Малов, 1992. С. 25–29, разряд У-3, рис. 1, 12]. Судя по окислам на запястье левой руки, здесь был аналогичный браслет. Его фрагменты были встречены при выборке заполнения могилы. Ноги согнуты в коленях и бёдрах. Под черепом бронзовая широкая желобчатая подвеска в 1,5 оборота, округлой формы [Малов, 1992. С. 44–47, рис. 5, 13, 14]. Обломок такой же второй подвески найден около черепа в норе. Между черепом и северной стенкой, в СЗ углу частично сохранились *фрагменты от днища тусека округлой формы и диаметром 18–20 см. из однослойной бересты* (рис. 5, 2). По внешнему краю были заметны зубчатые следы маленьких отверстий – прошивки днища тусека. Против локтя левой руки бронзовый двулезвийный черешковый нож, длиной 13,5 см. Максимальная ширина пера 3,3 см. Пятка закруглена. Черешок имел деревянную рукоять, от которой сохранились её отпечатки в длину 4,5 см. На дне встречено 146 сурьмяных и 96 пастовых (фаянсовых) целых белых и голубых бусин [Малов, 1992. С. 25–29, разряд У-3, рис. 1, 12]. Учитывая фаянсовые обломки, всего первоначально могло быть около 280 бусин. Форма бусин цилиндрическая. Внешний диаметр 2–5 мм, высота 1–4 мм. Диаметр отверстия около 2 мм. Большая их часть концентрировалась в пятне красной охры, ближе к СВ углу могилы. Восточнее ножа находились 34 бусины. Против колен около восточной стенки стоял треснувший округлобокий керамический сосуд колоколовидной формы с бронзовой скрепкой по краям трещины. Его шейка и верхняя часть тулова украшена двумя горизонтальными желобчатыми линиями. На внешней поверхности вертикальные полосы заглаживания. Диаметр по венчику 20 см, по дну 8 см, высота 18 см. Захоронения эпохи поздней бронзы кургана 4 по обрядовым показателям и инвентарю относятся к ранней покровской культуре (фаза ПБВ 1). Их можно датировать в калиброванном значении, по

результатам радиоуглеродного анализа древесины из могилы 21, первой четвертью II тыс. до н. э. [Малов, 2012. С. 96].

19. *Мурманское*. Первая группа около совхоза «Луговского». Бассейн р. Еруслан. Курган 1 погребение 4. Срубная культура. Раскопки В.А. Лопатина [Лопатин, Малов, 1988. С. 134]. Ровенский р-н Саратовской обл. Могила с подбоем Детское захоронение на меловой подсыпке, в позе адорации, головой к ССВ. Инвентарь: керамический сосуд, пастовые и сурьмяные бусы, обломки бронзовых пластинчатых браслетов. Возле тазовых костей лежал бесформенный кусочек бересты.

20. *Кочетное*. Курган 5 погребение 9. Срубная культура. Левый берег Волги. Село Кочетное Ровенского р-на Саратовской обл. Раскопки А.И. Юдина [Юдин, Матюхин, 2006. С. 10, 90, рис. 5]. Могила подпрямоугольной формы, размером 1,65 x 0,85 м и глубиной 1,1 м, ориентирована длинными сторонами по линии ЮЗ-СВ, с поперечным бревенчатым перекрытием. Скелет взрослого человека в скорченном положении на левом боку, головой на СВ, завалившись на грудь, руки согнуты в локтях – кисти перед лицом. На дне циновка из камыша и крупное ребро животного. Судя по набору украшений погребение, вероятно, женское. Перед лицом остатки берестяного туеска круглой формы и диаметром около 15 см. Туесок изготовлен из двух слоев бересты. При этом верхний слой лежал поперек нижнего. По всему периметру слои сшиты – парные отверстия проходили через 1 см. На внешней поверхности бессистемная штриховка и зигзаг, на обратной стороне – зигзаг. Рядом и под туеском – берестяной ремешок шириной 1,6 см. Он мог крепиться к крышке. На одном его крае резные треугольные зубчики, ближе к другому двузубые вдавления через 1,5 см. На запястьях желобчатые бронзовые браслеты, на конце одного отверстие. Остальной инвентарь: три бронзовых пронизки цилиндрической формы, одна из трубчатой кости, белые пастовые бусины, лепной сосуд баночной формы.

21. *Кочетное*. Курган 5 погребение 11. Срубная культура. Раскопки А.И. Юдина. [Юдин, Матюхин, 2006. С. 11, 91, рис. 6]. Яма подквадратной формы, размером 1,5 x 1,25 м, глубиной 0,95 м. Ориентирована длинными сторонами по линии ЮЗ-СВ. На дне могилы остатки трупосожжения, совершенного на стороне, и камышовой циновки. Центральная часть дна могилы и остатки трупосожжения перекрыты сверху полосками бересты. В южном углу на дне могилы бронзовая обкладка деревянного сосуда.

22. *Мокрая Песковатка*. Селище. Срубная культура. Бассейн р. Медведицы. Село Большие Копены Лысогорского р-на Саратовской обл. Раскопки В.А. Лопатина [Лопатин, 2005. С. 22–23]. На дне котлована, в заполнении ямы-колодца № 1 обнаружены обрывки бересты.

III. Интерпретация и заключение

Можно полагать, что вошедшие в каталог материалы достаточно информативны для изучения и моделирования погребальной и материальной культур, освоения сырьевых ресурсов природных зон и бытовых условий жизни, деревообрабатывающего ремесла и строительного дела, в которых мастера позднего бронзового века использовали бересту и мелколиственную берёзу. Подавляющее большинство учтенных памятников расположено около берега Волги и её притоков (Бородаевка, Иловатка, Мирное, Мурманское, Натальино, Кочетное, Ровное, Терновка, Чардым). Единичные из них исследованы в Донском речном бассейне (Красноармейск, Мокрая Песковатка, Короли). В каталог вошли 21 погребальный комплекс и одно селище (Мокрая Песковатка). Учтенные памятники поровну распределились между покровской и срубной культурами. Погребения индивидуальные и коллективные, взрослые и детские, обычно основные – материковые, но иногда и впускные. Захороненные в могилах индивидуумы принадлежали к разным половозрастным и социальным стратам, что отразилось в похоронной культуре и инвентаре.

Фрагменты бересты, покрывала, подстилки и берёзовая древесина обнаружены на памятниках покровской и срубной культур. Обрывки бересты были в колодце срубного селища Мокрая Песковатка. Покрывала и подстилки реже отмечены в покровских (Иловатка, к. 3, п. 2; Короли, к. 4, п. 4), чем в срубных могилах (Суслы, к. 20, п. 2; Фриденберг, к. 4; Бородаевка, к. D 28, D 29; Натальино II, к. 16, п. 2; Мурманское, к. 1, п. 4; Кочетное, к. 5, п. 11). В Натальинском кургане 16 для соединения покрывал мог использоваться берёзовый клей. Он применялся для замазывания трещин в посуде, крепления кремневых лезвий составных серпов и ножей, прочного соединения наконечников копий и стрел с древками [Круглов, Подгаецкий, 1933. С. 61; Кларк, 1953. С. 211–212]. Судя по сохранившимся фрагментам, два крупных покрывала из погребения 2 Натальинского кургана 16 были изготовлены из цельных, длинных и широких пластов бересты. Они заготавливались методом, так называемой, непрерывной ленты. Можно полагать, что ремесленники срубной культуры вполне овладели этим способом снятия бересты, позволявшим получать наиболее длинные ленты. В Натальино оба покрывала, положенные наружным белым слоем бересты вверх, выполняли функцию погребальных балдахин.

Берёзовые бревна на перекрытии, столб и бруски в погребальной конструкции зафиксированы трижды (Усатово, к. G 5, п. 8; Бородаевка, к. D 28; Красноармейск, к. 3). Исследователи подметили некоторые черты сходства в конструктивных особенностях домостроительства, возведении жилищ и погребальных камер бронзового века [Круглов, Подгаецкий, 1933. С. 133–134]. Этим объясняется присутствие берестяных покрывал, подстилок и древесных

конструкций из березы в могилах, поскольку эти же материалы применялись при сооружении жилых землянок и полуземлянок со столбовой основой деревянного каркаса, а также ям-колодцев в них.

Подтверждают такую связь новые полевые археологические исследования. Например, в жилище № 1 укрепленного поселения Алданское синташтинской культуры зафиксированы участки, выстланные корой берёзы [Зданович Г.Б. и др., 2007. С. 106]. Фрагменты не ошкуренных берёзовых стволов, ветвей и углей встречены на укрепленных поселениях: Синташта, Аркаим, Алданское, Берсуат и Куйсак [Гайдученко, 2010. С. 99]. Береста есть на дне могил средневожских абашевских захоронений, где она также применялась и в качестве покрывал. Дно абашевских могил выстилалось берестой, а иногда берестяное покрытие находилось и поверх погребенного [Евтюхова, 1961. С. 31]. Остатки бересты, служившей в качестве подстилки, покрытия или перекрытия, обнаружены в 20 ямах могильника Сатыга XVI таежной зоны Западной Сибири [Сатыга XVI..., 2011. С. 22].

Туески-коробочки служили контейнерами для продуктов и вещей. Их чаще всего ставили на дно покровских (Чардым, к. 1, п. 7, 9, 11; Ровное, к. 3, п. 10; Короли, к. 5, п. 1; Натальино, к. 14, к. 18, п. 5; Терновка, к. 4, п. 21), а не срубных могил (Кочетное, к. 5, п. 9). Независимо от половозрастного состава погребенных, обычно туеса ставились около головы или перед лицом (Чардым, Бородаевка («Рунталь»), Ровное, Короли, Натальино, Терновка, Кочетное), и только однажды у локтей (Натальино, к. 10). Закономерная специфика местоположения туесков заключалась в том, что они предусмотрительно ставились в непосредственной близости от погребенного и вместе с их содержимым предназначались конкретно данному человеку.

Берестяные коробочки впервые были обнаружены П.С. Рыковым (первый Чардымский курган) и И.В. Синицыным (Бородаевка, к. 6, п. 2) в 1930-е годы. Их форма овальная, размеры 5 x 9, 15 x 20 см, высота до 7 см. Туеса имели цилиндрическую форму и более крупные размеры. Они сохранились на высоту до 10 см, диаметр круглых днищ от 12 до 35 см. Для их изготовления использовалось от 1 до 6 слоев бересты.

Иногда основу или каркас днища туесков составляли круглые «щиты» из древесины. У некоторых экземпляров сохранилась прошивка, посредством которой стенки крепились между собой и к днищу туесов. Для разметки отверстий и орнаментации могли применяться бронзовые шилья, а прошивка осуществлялась металлическими иглами. Обычно в могиле был один туесок, по два экземпляра были только в Натальино II, к. 14 и Королях, к. 5, п. 1. Иногда туеса имели ремешки (Кочетное, к. 5, п. 19) и были украшены тиснёным орнаментом в виде зигзага (Натальино, к. 14, Кочетное, к. 5, п. 9), широко распространенного на керамике эпохи бронзы не только в Волго-Уралье. Для

выполнения тиснёного орнамента требовался особый инструмент – чекан. Остатки коробочек и туесков оказались «пустыми». Вероятнее всего, в них могли быть не сохранившаяся пища и продукты (грибы, ягоды, травянистые растения и др.), также истлевшие вещи (изделия из шерсти, растительных волокон, ткани др.). По этому показателю выделяется могила покровской культуры из Натальинского кургана 14, где в два туеска положили наборы различных вещей. В одном был колчаный набор наконечников стрел, в другом – бронзовый нож, шило и камень-голыш. Этот воинско-охотничий набор, необходимый и пастухам-скотоводам, позднего бронзового века подчеркивает значимость социального статуса погребенного.

Известны туески и другие берестяные изделия в абашевских древностях. Фрагменты от берестяного туеса были найдены К.В. Сальниковым на Мало-Кизыльском селище [Сальников, 1954. С. 80]. Он состоял из двух слоев бересты, прошитых насквозь вдоль края. Кроме того, имелись четыре сквозных отверстия, а еще три проколоты снизу-вверх четырехгранным шилом. К.В. Сальников полагал, что последние три отверстия служили для подвешивания. В средней части стенки туеска есть геометрический орнамент из двойных и одинарных прочерченных-пересекающихся линий, образующих сетку ромбов. По мнению исследователя, находка свидетельствовала о проникновении к абашевцам Зауралья элементов лесной культуры: «степняки не знали берестяной посуды» [Сальников, 1954. С. 92].

Остатки донной части берестяного туеска, с деревянной палочкой внутри, сохранились в нартасском кургане 5 абашевской культуры Волго-Вятского междуречья [Халиков, 1961. С. 211, 215, табл. VII, 15]. Днище состояло из двух пришитых друг к другу мелким швом берестяных кусков. По нижнему краю стенки туеска шилом был проколот орнамент в виде горизонтального зигзага. А.Х. Халиков верно подметил аналогию данному изделию в туеске с Мало-Кизыльского селища.

В погребении 4 кургана 1 Селезни 2 две бронзовые скрепки обнаружены вместе с фрагментом от берестяного изделия типа коробки [Пряхин и др., 1998. С. 19, рис. 10, 5; Пряхин и др., 2001. С. 73]. Кроме того, в данном погребальном комплексе было бронзовое шильце с притупленной рабочей частью и остатками футляра из бересты [Пряхин и др., 1998. С. 19, рис. 10, 3; Пряхин и др., 2001. С. 73–74, рис. 21, 2]. В парном погребении 6 могильника Верхняя Алабуга, содержащем сосуды, близкие уральским абашевским, найдены фрагменты туеска с тисненым орнаментом и следами прошивки по верхнему краю [Потемкина, 1985. С. 183–192, рис. 81; 82]. Внутри короба лежали бронзовые украшения, клыки кабана и кремневый наконечник стрелы треугольной формы, аналогичный натальинскому экземпляру из кургана 14.

В ограбленном коллективном андроновском погребении № 34 могильника из Улуса Орак найдено дно и обрывки от берестяного туеска [Комарова, 1961. С. 73, табл. XV, 26]. Туесок из бересты был в захоронении кургана 1 близ укрепленного поселения Степное [Гайдученко, 1910. С. 101]. В погребении 31 могильника Сатыга XVI находился берестяной сосуд в виде цилиндрического короба диаметром около 15 см и высотой до 26 см, на дне которого сохранился лист брусники [Сатыга XVI..., 2011. С. 58].

Туески, коробочки, футляры, покрывала и подстилки из бересты представлены не только в погребальной и материальной культуре Нижнего Поволжья, но и в сопредельных регионах, в абашевских, сейминско-турбинских и андроновских древностях начальной фазы Волго-Уральского очага культурогенеза. Более раннее изготовление берестяных коробочек и применение берёзовой древесины отмечено и в погребальных памятниках эпохи средней бронзы Поволжья и Подонья. Обкладка стен циновками из коры и бересты встречаются в полтавкинских могилах Среднего Поволжья [Васильев и др., 2000. С. 34]. В погребении-кенотафе 12 из кургана 1 могильника «Киреевка 4» в Ростовской области на северо-восточном краю подстилки расчищены остатки желтого тлена, вероятно, от берестяного короба, скрепленного тонкими бронзовыми пластинами и скобами [Сергеева, 2009. С. 152–153]. Бересту и берёзовую древесину скотоводы-кочевники Нижнего Поволжья продолжали применять в последующие времена вплоть до золотоордынской эпохи. Этот материал служил им для изготовления древков наконечников стрел, колчанов, головных уборов типа бокки и других вещей. Природная среда обеспечивала, проживавшие здесь древние и средневековые племена необходимым ресурсом и сырьевой базой.

Присутствие берёзы и бересты на поселениях и в погребениях бронзового века региона (колодец, перекрытие, деревянные конструкции, на костяках, на дне могил) подтверждаются результатами споро-пыльцевого и палинологического анализа. С древнейших времен не окультуренная мелколиственная берёза была известна и до сих пор произрастает на севере Нижнего Поволжья. Сейчас здесь частично проходит южная граница ее ареала [Галалыева, 1984]. В эпоху древних палеометаллов позднего голоцена колки неприхотливой берёзы бородавчатой или повислой занимали небольшие площади в самых влажных местах и на песчаных почвах, по нагорным берегам и долинам рек, в понижениях сухостепной зоны и полупустыни Нижнего Поволжья. На это указывают результаты споро-пыльцевого и палинологического анализа образцов из погребений бронзового века в Бережновских (Волгоградское Заволжье) и Белогорских (с. Белогорское, Красноармейский р-н) курганов, а также селища «Мокрая Песковатка» [Чигуряева, 1960. С. 282–284; Чигуряева, Терешкова, 1991. С. 58–94; Лопатин, 2005. С. 55–57].

Одновременно с деревообработкой, нижеволжские мастера овладели сложным ремесленным процессом снятия бересты, её обработки, последующим изготовлением туесков, коробочек, футляров и других предметов материальной культуры. Заготовка исходного материала осуществлялась весной, когда береста хорошо отслаивается от ствола [Махнюк, 2008]. После этого следовало снять самый верхний и тонкий слой бересты, отделить остальные слои и нарезать ленты. Мастера использовали для изготовления туесков специальные орудия-инструменты: особые бронзовые ножи, резцы, шилья, пробойники, иглы и чеканы для нанесения орнамента, которые заслуживают специального рассмотрения и изучения. Нижнюю часть туеска укрепляло и сдерживало круглое деревянное днище, для разметки которого требовался циркульный инструмент. Обработка бересты, берёзовой коры и древесины, изготовление туесков достигло высокого специализированного деревообрабатывающего мастерства не только в археологических культурах эпохи поздней бронзы лесной и лесостепной зон России, но и на севере Нижнего Поволжья – на территории, прилегающей к пограничной зоне между степью и лесостепью.

Литература:

- Беседин В.И., Сафонов И.Е.* Числа в орнаментации керамики срубной культуры // РА. № 1. 1996.
- Гайдученко Л.Л.* Биологические остатки из укрепленных поселений «СТРАНЫ ГОРОДОВ» Южного Зауралья // Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч. 1. Челябинск: Изд-во Челяб. Гос. ун-та, 2010.
- Дебец Г.Ф.* Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // Антропологический журнал. № 1. 1936.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А.* Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: центр «Интеграция», 2000.
- Евтюхова О.Н.* К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры // МИА, № 97. М., 1961.
- Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г.* Материалы к исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укрепленное поселение Аландское) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). – Курган: Изд-во Курганского университета, 2007.
- Качалова Н.К.* Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АСГЭ. Вып. 17. 1976.
- Кочерженко О.В., Малов Н.М.* Раскопки в Саратовском Заволжье // АО 1983. М.: «Наука», 1985.

Кларк Дж. Г. Д. Доисторическая Европа. Пер. с английского М.Б. Граковой-Свиридовой. Ред. и предисловие А.Я. Брюсова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1953.

Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСЭГ. № 3. 1961.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Европы. Изв. ГАИМК. Вып. 119. М.-Л.: ОГИЗ, 1933.

Лопатин В.А., Малов Н.М. Срубные погребения в подбоях на Еруслане // СА. № 1. 1988.

Лопатин В.А. Отчет об охранных раскопках поселения «Мокрая Песковатка» в зоне строительства газопровода «Починки-Фролово-Ставропольское ПХГ» на территории Саратовской области. Саратов, 2005 // Архив Лаборатории Нижневолжской археологии СГУ.

Максимов Е.К. Отчет об археологических раскопках в Саратовской области летом 1969 г. // Научный архив СОМК. № 561. 1969.

Малов Н.М. Исследование памятников эпохи меди и бронзы в Саратовском Поволжье // АО 1979. – М.: «Наука», 1980. С. 153.

Малов Н.М. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во СГУ, 1986.

Малов Н.М. Конструктивные особенности псалия из Краснополя // СА. № 4. 1983.

Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // АВЕС. Вып. 1. – Саратов: Изд-во СГУ, 1989.

Малов Н.М. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // АВЕС. Вып. 2. – Саратов: Изд-во СГУ, 1991.

Малов Н.М. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (памятники покровского типа). Автореф. дис. ИИМК РАН. – СПб., 1992.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // АВЕС. Вып. 3. – Саратов: Изд-во СГУ, 1992а.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Изв. СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 12. Вып. 1. 2012.

Мамонтов В.И. Курганный могильник «Короли» // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. – Волгоград: Изд-во ВГУ, 2001.

Мамонтов В.И. Короли // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

Махнюк В.И. Береста: Техника. Приемы. Изделия. Энциклопедия. – М.: АСТ-Пресс. 2008.

Миронов В.Г. Отчёт о раскопках кургана эпохи бронзы у с. Чардым Воскресенского района Саратовской области Воскресенской экспедицией СГУ и СОМК в 1987 г. // Научный архив СОМК.

Миронов В.Г. Предварительные итоги 10 лет работы Воскресенской археологической экспедиции СГУ (1983–1922 гг.) // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. – Саратов, 1994.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // Археология России. САИ. Ред. Н.К. Качалова, Н.М. Малов. Коллектив авторов. – Саратов: Изд-во СГУ, 1993. Вып. В 1-10.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Изд-во «Наука», 1985.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни 2. Курган доно-волжской абашевской культуры. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. (Археологические памятники донского бассейна. Вып. 3).

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свицова Е.Б. Доно-волжская абашевская культура. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001.

Рыков П.С. Отчет об археологических разведках и раскопках, произведенных летом 1924 года по течению рек Медведицы, Еруслана, Терсы, Б. Карамана, Торгуна, Саратовки и в окрестностях города Покровска в Саратовской губ. и Респ. Нем. Поволжья // Архив ИИМК РАН. Ф. № 2, 1924. Оп. 1. Арх. № 178.

Рау П.Д. Раскопки П.Д. Рау в Республике Немцев Поволжья // Архив ИИМК РАН. Ф. № 2. 1926. Описание 1, Дело 147.

Рыков П.С. Суловский курганный могильник // Уч. зап. СГУ. Т. 4. Вып. 3, 1925.

Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (предварительный отчет) // Известия Краеведческого Института изучения Южно-Волжской области при Саратовском гос. ун-те. Т. I. – Саратов, 1926.

Рыков П.С. Раскопки П.С. Рыкова в Нижнем Поволжье. Переписка и отчет за 1930 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. № 2, 1930. Арх. № 221. Л. 55–69.

Рыков П.С. Археологическая экспедиция по Хопру // Сообщения ГАИМК. № 8. 1931.

Рыков П.С. Чардымское городище // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения. Т. 6. – Саратов, 1933.

Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА, № 21. 1954.

Сергеева О.В. Охранные исследования курганного могильника «Киреевка 4» в Октябрьском районе Ростовской области в 2008 г. // Археологические записки. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 2009.

Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Уч. зап. СГУ. Т. XVII. Выпуск исторический. Саратов, 1947.

Синицын И.В. Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. – Саратов: Изд-во СГУ, 1966.

Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. – Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2011.

Смирнов К.Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // СА. № XXVII, 1957.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА, № 60. – М., 1959.

Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. № 1, 1961.

Талулаева Л.В. Эколого-биологические особенности видов рода *Betula* L, интродуцированных в сухостепной зоне Нижнего Поволжья. Автореф. дис. Кишинев, 1984.

Фирштейн Б.В. Саратовская область. Раскопки П.С. Рыкова // ГАСО. Архив И.В. Синицына. Фонд № Р-3712; Описание 1; Дело № 147.

Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА, № 97. М., – 1961.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА, № 172. – М.: Изд-во «Наука», 1970.

Чигуряева А.А. Растительность Заволжья эпохи бронзы // МИА, № 78. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. – Саратов: «Научная книга», 2006.

Rau P. Prähistorische Ausgrabung auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets in Jahre 1926. – Pokrowsk, 1927.

Rukov P. Die Chvalynsker kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga (Хвалынская культура бронзовой эпохи на Нижней Волге) // ESA. В. I. – Helsinki, 1927. S. 51–84.

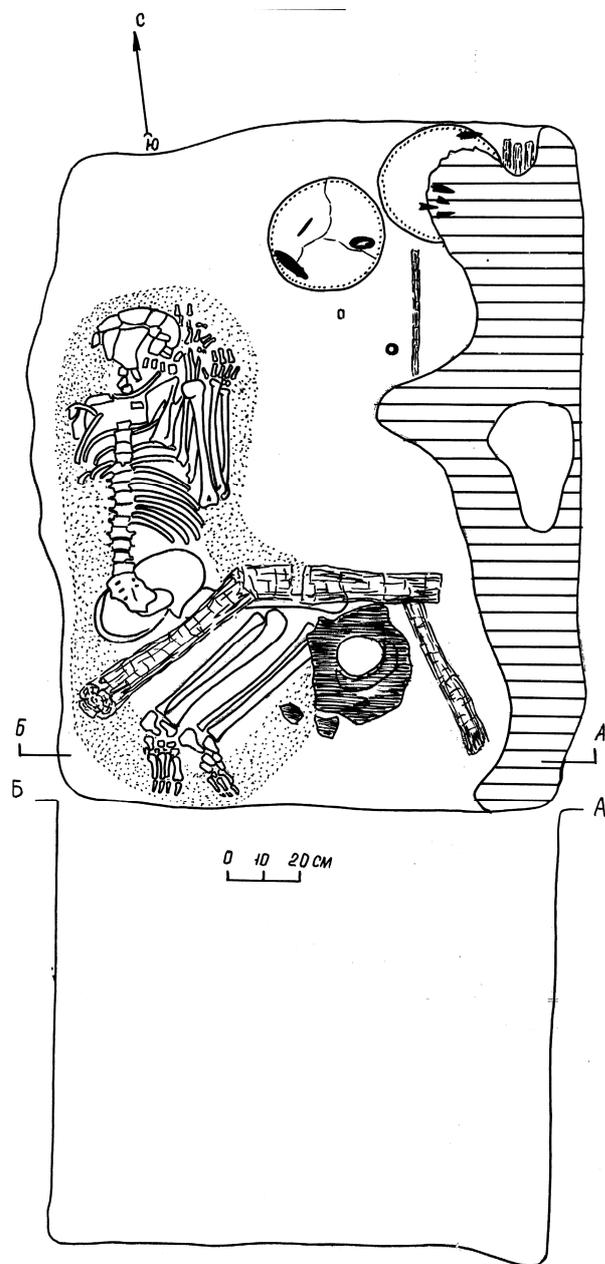

Рис. 1. Натальино II. Курган № 14. План погребения.

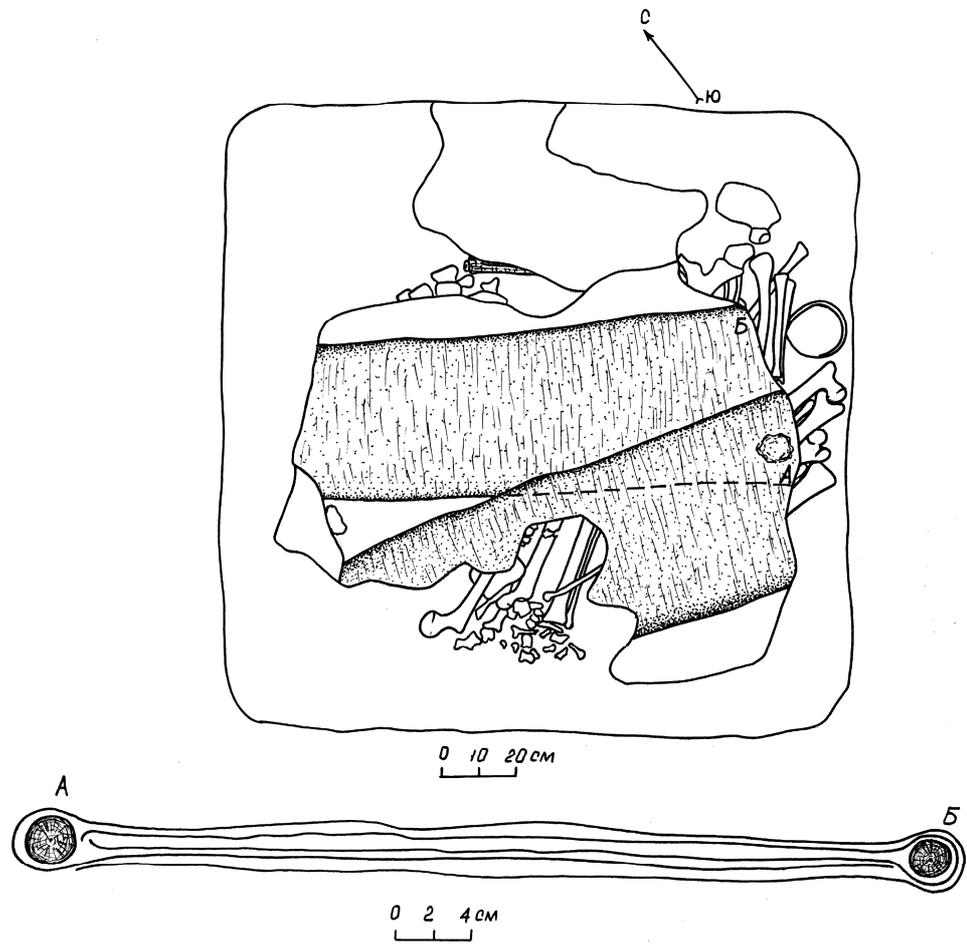

Рис. 2. Натальино II. Курган № 16. План погребение № 2 с «покрывалами» из бересты.

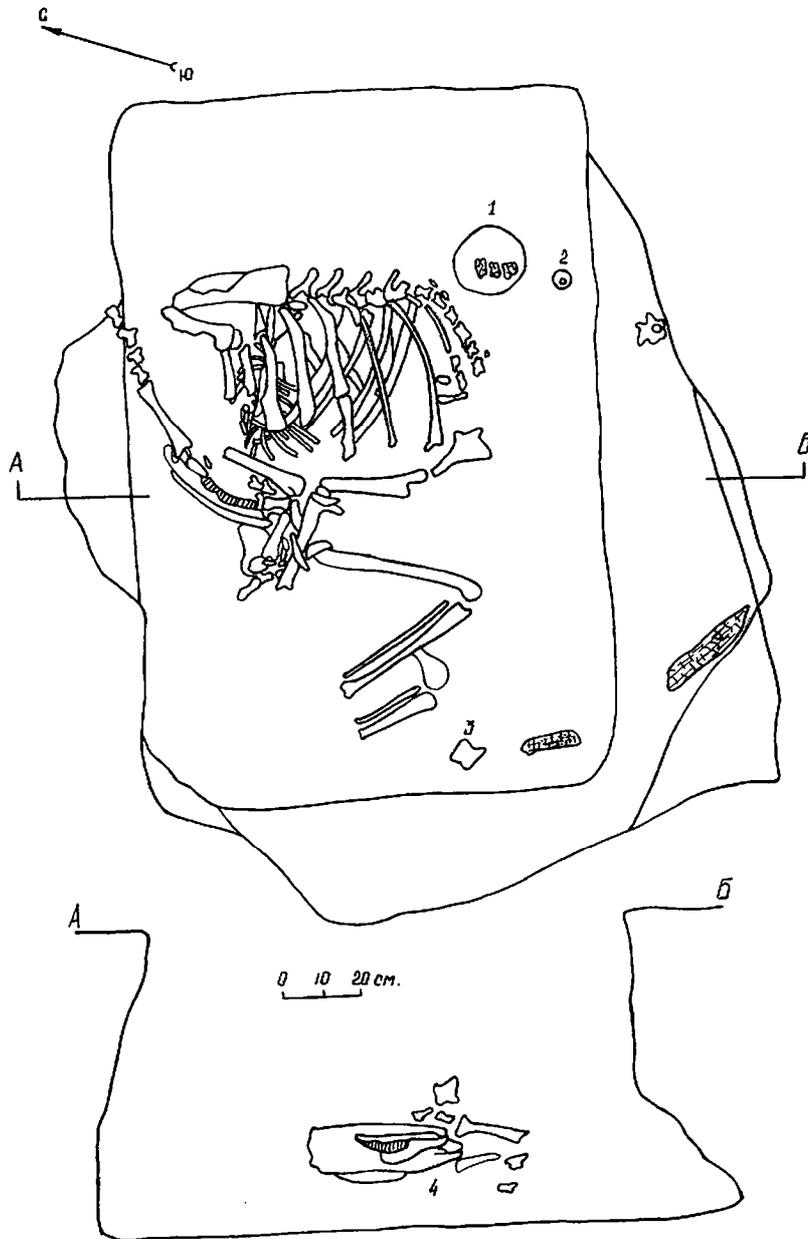

Рис. 3. Натально II. Курган № 18. План погребения № 5.

Рис. 4. Натальино II. Курган № 14. Общй вид погребения (1), днища туюсков с вещами (2, 3), наконечники стрел из кремня (4).

Рис. 5. Находки из погребений. Натальино II курган 16 п. 2. Берестяное покрывало (1, 3), керамический сосуд (5). Натальино II курган 18 п. 5. Костяное пряслице (4). Ровное курган 3 п. 10. Керамический сосуд (6), фрагменты берестяного туеса (7, 8). Терновка курган 4 п. 21. Днище от берестяного туеса (2).

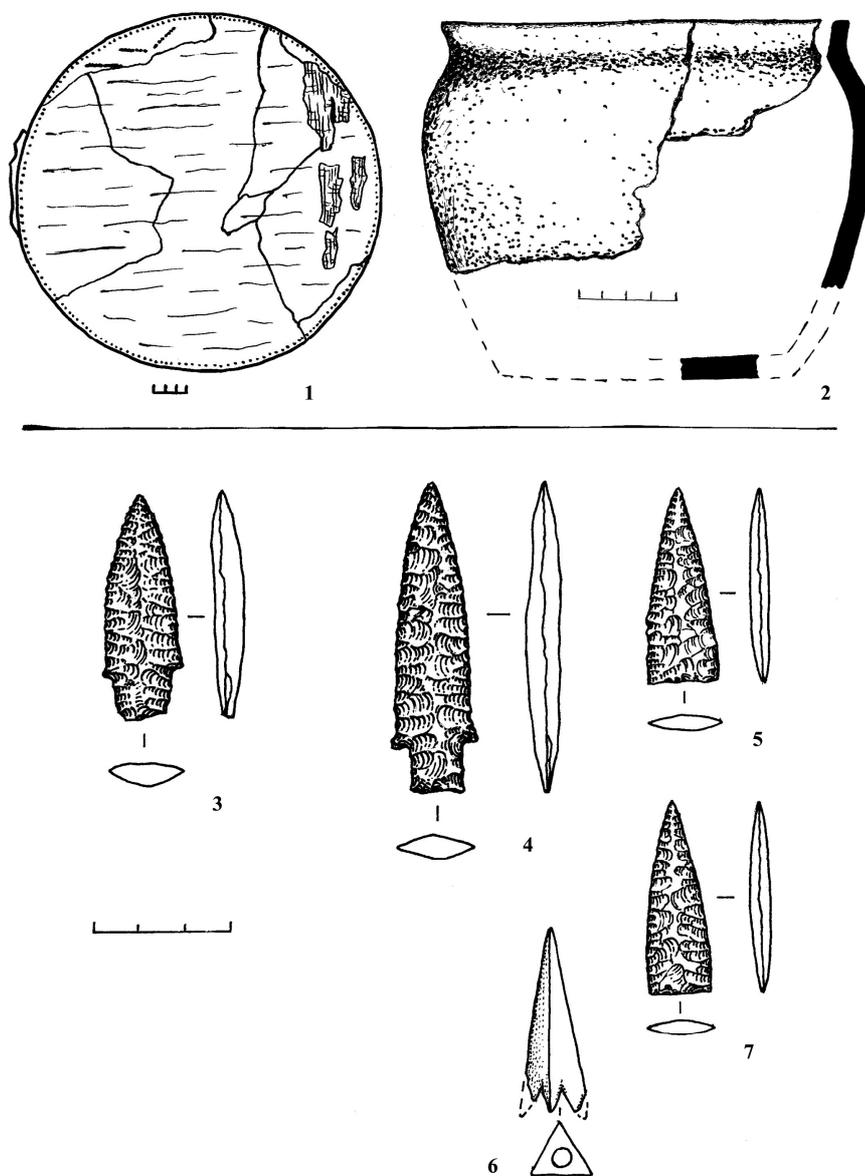

Рис. 6. Находки из погребения в кургане 14 могильника Натальино II.
 Днище берестяного твеса (1), керамический сосуд (2),
 наконечники стрел из кремня (3-5, 7) и кости (6).

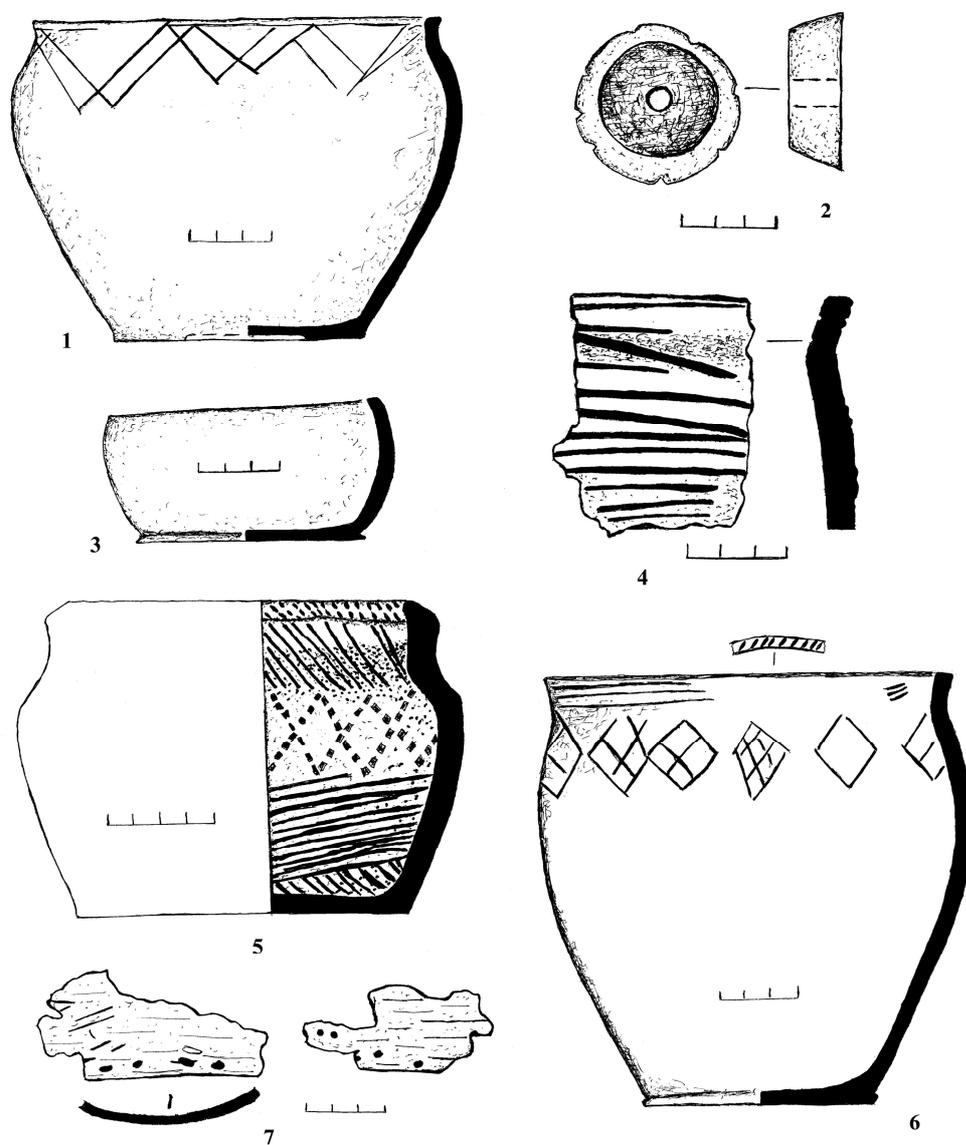

Рис. 7. Вещи из погребений. Натальино II, курган 16 п. 2. Керамические сосуды (1, 3).
 Натальино II, курган 18 п. 5. Венчик керамического сосуда (4) и костяное пряслице (2).
 Ровное к. 3 п. 10. Фрагменты берестяного теска (7) и глиняный сосуд (5).
 Фриденберг к. 4. Керамический сосуд (6).

Лопатин В.А.

СЕВЕРНАЯ ПЕРИФЕРИЯ НИЖНЕКРАСАВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2014–2015 гг.)

В 2014–2015 гг. раскопками на северном участке поселения частично исследован построечный комплекс № 3 – котлован полуземлянки, скопление хозяйственных ям, открытый очаг с развалами сосудов, фрагментированная керамика, кости животных, различные предметы из камня, кости, глины, бронзы. Анализ материалов показал присутствие в комплексе значительной доли керамики переходного характера от покровского типа к раннесрубному. Данное обстоятельство указывает на непрерывность развития и трансформации на одном поселении двух традиций эпохи поздней бронзы, когда на основе позднепокровских материалов происходило становление раннесрубной культуры.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, поселение, Нижняя Красавка, покровская культура, срубная культура, материалы переходного типа

Lopatin V.A.

NORTHERN PERIPHERY OF THE NIZHNYAYA KRASAVKA SETTLEMENT
(BASED OF THE 2014–2015 EXCAVATIONS)

In 2014–2015, excavations in the northern part of settlement have led to partial examination of the structure complex № 3 – a ditch for a half-dugout, assemblage of household pits, an open hearth with broken vessels, fragmented ceramics, animal bones, various items of stone, bone, clay and bronze. Analyses of the materials show substantial portion of transitional type ceramics in the complex: from the Pokrovsk type to the early timber-grave one. This is indicative of continuous evolution and transformation of two traditions of the Bronze Epoch in one settlement,

when the early timber-grave culture was developing on the basis of the late Pokrovsk materials.

Keywords: Lower Bronze Age, settlement, Nizhnyaya Krasavka, Pokrovsk culture, timber-grave culture, transition type materials

По итогам двух полевых сезонов, когда раскопки проводились на северном участке памятника (рис. 1), исследованная здесь площадь составила 432 кв. м, а всего за 2007–2010, 2012–2015 гг. было вскрыто 1856 кв. м. В 2014–2015 гг. исследован разрушающийся край высокой террасы левого берега р. Медведицы, ограниченный двумя древними балками и приподнятый над поймой на 5–6 м. Площадка террасы задернована, на ней произрастает луговинная растительность, а в ближних пойменных и овражных низинах развиты древесно-кустарниковые виды. Местными жителями данная территория используется в качестве пастбища.

Все раскопы на поселении Нижняя Красавка 2 ориентированы по сторонам света, выборка грунта осуществлялась послойно (0,2 м) и поквратно (2 x 2 м) с оставлением стратиграфических бровок через каждые 4 м. На вскрытом пространстве северного участка Нижнекрасавского поселения наблюдения за стратиграфией велись по широтным и меридиональным бровкам, которые являлись естественными продолжениями тех профилей, которые в рабочем порядке фиксировались в предыдущих полевых сезонах.

Характер верхнего гумусированного слоя неоднороден. В его составе нередко заметны включения материковых глинистых фракций и перемещенных в ходе полевых исследований В.А. Фисенко 1973 года поверхностных и микшированных грунтов. Толщина чистого гумуса – рыхлой темно-серой супеси – в пределах раскопа составляет от 0,1 до 0,2 м. Дерновина сухая, спрессованная, плотно армирована корневищами травяного покрова.

Ниже залегают культурные напластования – серые рыхлые суглинки с вкраплениями супесчаных фракций из нор землероев. Мощность культурного слоя 0,3–0,5 м на межземляночном пространстве, а его максимум в земляночном котловане постройки № 3, расчистка которой начата в 2014 г., составляет 1,35 м. На западном участке раскопа культурный слой перекрыт мощной линзой материкового выкида из котлована зенитной батареи времен ВОВ. По своему составу этот глинистый грунт ничем не отличается от коренного материкового.

Северная, юго-западная и юго-восточная части раскопа переотложены траншейными раскопками 1973 года. Как правило, траншеи не доводились до уровня материка, но в отдельных местах он перекопан на 0,2–0,3 м. Массив перекопа заполнен пестрыми суглинками с включениями глыб материковой глины и гумусированных фракций.

Коренной материковый грунт, подстилающий культурные отложения, – это различной плотности запесоченная глина светло-коричневого цвета. Она легко прокапывается и подвергается горизонтальной зачистке, правда, в связи с большим содержанием гипса, при высыхании материковая глина, а также прочие местные грунты подвержены быстрому затвердеванию и глыбообразованию. По верхнему уровню материка и обнажениям песка, подстилающего глинистый пласт, которые были выявлены раскопками 2008 года в центре котлована постройки № 2, установлено, что мощность материкового пласта глины составляет 0,8–1 м.

Таким образом, стратиграфия вскрытого участка с литологическими и культурно-хронологическими характеристиками в целом представляется как последовательное чередование: гумуса (до 0,2 м); культурного слоя, который не разделяется на составляющие горизонты, микшированного и содержащего керамику и предметы катакомбной, покровской, срубной, и золотоордынской культуры (от 0,3 м до 1,35 м); и материковой глины (до 1 м).

Постройка № 3 представляет собой полуземляночный котлован, продольной осью ориентированный с юго-запада на северо-восток, точно так же, как и котлованы построек 1 и 2 (рис. 2). В течение двух сезонов исследована только его юго-восточная часть. Выявлен неровный отрезок юго-восточного борта котлована, уходящий под северный край восточного борта раскопа. Его аморфность, вероятно, связана с неоднократными подправками этой части стены, подводками под край кровли дополнительных столбовых опор, которые не зарывали в грунт, а связывали жесткостью самого каркаса.

Максимальная глубина котлована отмечена в центре раскопа – до -430 от «0R»¹. Юго-восточный оплывший контур котлована довольно крут и понижается прерывистыми уступами практически на 1 м, от -271 до -370. Но в юго-западной части постройки наблюдается постепенное повышение пола, и здесь контур котлована выклинивается на уровень общей материковой подошвы. Еще одна особенность этой части постройки – необычно плотная концентрация хозяйственных ям и развалов сосудов (рис. 2). Ямы были предназначены для хранения, или служили мусоросборниками, и только одно обширное углубление в центре скопления ям по всем признакам являлось домашним очагом открытого типа. В заполнении отмечены очажные массы спрессованных угольков и мелкодисперсной золы, участки прокаленного грунта и куски печины, а также остатки не менее шести крупных сосудов корчажного типа. Наиболее полно сохранившийся развал крупной корчаги с

¹ Нулевой репер в Нижней Красавке постоянный с 2007 года. Это опора ЛЭП 1015/247, находящаяся в юго-восточной части террасы между раскопом и грейдером (рис. 1).

каннелюрами на покато́м плечике частично отреставрирован и графически реконструирован (рис. 4, 15).

На уровне пола постройки, среди ям, выявлены развалы отдельных сосудов, которые также, очевидно, представляли элементы приочажного пространства. Особенно любопытен комплекс, в котором небольшая банка закрытой профилировки (рис. 6, 16) была прикрыта, как крышкой, реберчатым сосудом несколько более крупных размеров (рис. 6, 17).

В центральной, наиболее глубокой части котлована хозяйственных ям нет, но здесь зафиксированы врытая в пол крупная корчага (рис. 5, 7) и неполные развалы сосудов в скоплении керамики (рис. 6, 1, 5). Обычно плотные локализации таких комплексов в постройках приурочены к приочажным пространствам. Вероятно, дальнейшие раскопки на крайнем северо-западе высокой террасы позволят выявить противоположный борт полуземляночного котлована постройки № 3. Предполагается, что эта стена сооружения будет значительно повреждена котлованом зенитной батареи.

Материалы исследованного участка включают керамику и вещевой инвентарь (рис. 3–7). Керамика систематизирована и условно разделена на три хронологических блока: покровский (рис. 3), переходный к раннесрубному (рис. 4) и раннесрубный (рис. 5; 6).

Покровская посуда представлена исключительно обломками, но на основе некоторых крупных фрагментов проведены графические реконструкции, позволяющие частично смоделировать формы и основные параметры сосудов (рис. 3, 2, 8, 12, 16, 18, 23). Здесь выделяются некоторые архаичные экземпляры покровского керамического комплекса, в которых заметны классические абашоидные признаки – общая колоколовидность и округлое тулово, резко обозначенная внутренняя реберчатость на отгибе желобчатых венцов, рельефные расчесы на внешней поверхности, отсутствие орнаментов, примесь толченой раковины в глиняной фактуре (рис. 3, 1, 2, 5, 8). Весьма архаичны также экземпляры с массивными венчиками, украшенные рядами зерновидных наколов на шейке и плоских обрезах устья (рис. 3, 4, 20). Указанную группу сосудов можно предположительно отнести к раннепокровскому типу.

Прочие сосуды покровского блока несколько более поздние. Они разнообразны, в них уже нет канонической колоколовидности, некоторые устья сужены относительно максимального расширения тулова (рис. 3, 18, 22, 23), присутствуют реберчатые (рис. 3, 16, 23) и чашевидные формы (рис. 3, 14, 15). Сосуды этой позднепокровской выборки, как правило, орнаментированы, причем, весьма сложным декором, выполненным зубчатыми штампами. Это парные зигзаги и горизонтальные линии с аранжировками в виде наклонных оттисков короткого штампа (рис. 3, 14–18, 23). Есть и упрощенные варианты

орнамента – горизонтальные ряды косых чеканных оттисков на венце или плечике (рис. 3, 11, 23).

Особо отметим миниатюрный ритуальный сосудик с коротким, резко отогнутым наружу венчиком и внутренним ребром на обратной стороне отгиба, покатым, слегка выпуклым плечиком и реберчатым расширением тулова (рис. 3, 16). Вся верхняя половина сосуда выше максимального расширения орнаментирована крупнозубчатым штампом. Декор – парный зигзаг между двойными горизонтальными линиями. В комплектах с крышками такие ритуальные сосудики более всего типичны для абашевских и покровских погребальных комплексов, в которых они выполняли сакральные функции [Пряхин, Беседин, 1988; Кузьмина, 1995].

Обращают на себя внимание фрагменты крупных чашевидных сосудов баночного типа, которые имеют примесь толченой раковины и также отнесены к покровскому блоку (рис. 3, 14, 15). У них массивные утолщенные закраины с плоским обрезом, а зубчатые орнаменты почти одинаковы – парный зигзаг и двойной ряд косых оттисков короткого штампа.

По общим характеристикам покровская керамика, выявленная раскопками 2014–2015 гг., идентична уже представленным в печати сосудам, которые были обнаружены в Красавке в предыдущие годы [Лопатин, 2010а; он же, 2014. С. 277, рис. 37]. В сигнальных публикациях указывалось также, что стратифицированный участок был зафиксирован только на крайнем юго-западе памятника, где золистая линза покровского времени перекрыта более поздним срубным слоем с отличающейся литологией. Все прочие участки содержали перемешанные фракции слоя и рассеянную дисперсию покровских материалов.

Срубная керамика представлена в раскопах последних двух лет фрагментами преимущественно баночных и слабопрофилированных сосудов, а реберчатые формы буквально единичны (рис. 5; 6). Обычно малый процент острореберных сосудов расценивается специалистами как один из признаков раннесрубного комплекса. В нашей коллекции только один фрагмент явно можно считать обломком реберчатого сосуда (рис. 6, 14). Это был горшок средних размеров с коротким, слабо отогнутым наружу венчиком и вогнутым плечиком. Прочие формы довольно условны, поскольку выполнены небрежно, зачастую они асимметричны, а их реберчатые максимальные расширения заглажены (рис. 6, 4, 17).

Один из таких сосудов, зафиксированный в комплекте с неорнаментированной закрытой банкой, имеет архаичный орнамент, в котором каноническим элементом является горизонтальный ряд подтреугольных вдавлений по ребру (рис. 6, 17). Здесь он сочетается с парными крестами, косо прочерченными по венчику и плечу, что нередко встречается в раннесрубном декоре. Но в позднепокровском втором стандарте Смеловского могильника и дру-

гих синхронных памятников подтреугольные оттиски, выполненные специальным орнаментиром, жестко канонизированы в сочетаниях с несколькими горизонтальными линиями [Лопатин, 2010. С. 238, рис. 42], и это воспринимается как закреплённый некой традицией изобразительный инвариант.

Другой подреберчатый сосуд ярко не стандартен (рис. 6, 4). На его расчесанной внешней поверхности коротким штампом оттиснуты три ряда крупноячеистых личиночных вдавлений. Такой декор чрезвычайно редок и, по всей вероятности, это также архаичная реплика, возможно, проистекающая из средней бронзы.

Заметна также миниатюрная биконическая баночка, у которой подреберчатое максимальное расширение тулова в верхней трети общей высоты несколько сглажено (рис. 5, 1). Орнамент ее весьма любопытен: на плечике два ряда полуовальных оттисков, а ниже ребра небрежно прочерчены кривые линии в три ряда. В срубном комплексе это несомненная архаика, поскольку криволинейные орнаменты более типичны для некоторых покровских сосудов, а полуовальные вдавления близки подтреугольным оттискам.

Абсолютное большинство среди срубных сосудов представлено баночными формами различных профилей и размеров. Как правило, банки совсем не орнаментированы (рис. 5, 7, 9, 10, 12, 13), либо украшены весьма скромно одним-двумя рядами насечек или оттисков коротких штампов (рис. 5, 2-6, 8, 11, 14). Среди сосудов этого типа своими размерами выделяется крупная корчага, вкопанная в пол третьей постройки (рис. 5, 7). У нее стандартно закрытый профиль, отдельные участки внешней поверхности косо или горизонтально расчесаны, в примеси заметны песок и шамот.

Не вполне обычна широко открытая баночная форма миниатюрного сосуда, близкого малым чашам (рис. 5, 8). На его внешней поверхности заметен прочерченный орнамент, по-видимому, косой крест.

Слабопрофилированные сосуды орнаментированы гораздо чаще, чем баночные, некоторые композиции довольно сложны (рис. 6, 1, 10, 12). Очень интересен один сосуд, реконструированный графически по двум крупным фрагментам, в нерегулярном декоре которого имеются элементы пиктографии (рис. 6, 5). Это абстрактная комбинация, состоящая из мелких наколов, крестов и угловых фигур.

Слабопрофилированные (округлобокие) сосуды, полученные раскопками третьей постройки, несомненно, представляют раннесрубный керамический комплекс. Это преимущественно высоковенчиковые экземпляры, у которых высота плавно отогнутых наружу венцов примерно равна высоте плечика (рис. 6, 5, 8, 9, 12). Для поздних комплексов более типичны коротковенчиковые типы такой посуды.

Блок керамических материалов переходного типа ярко эклектичен (рис. 4). Подобные сосуды встречались здесь и прежде, в микшированном состоянии они дисперсно распределялись в слое вместе с покровскими и срубными фрагментами. Их промежуточная позиция в хронологической шкале памятника воспринималась лишь умозрительно. Но обнаружение в очаге постройки № 3 крупной корчаги с канелированным плечиком (рис. 4, 15), показало, что переходный интервал имеет в Красавке свой строительный период. Это намечает также некоторую хронологическую иерархию между построечными комплексами поселения.

В переходную группу включены сосуды, которые наглядно отражают культурно-генетическую поликомпонентность. Некоторые из них содержат признаки нивелирующегося «покровска» в виде расчесов и сглаживания внутреннего ребра (рис. 4, 4–8, 10–13). В других сочетаются покровские и воронежские реминисценции – еще уловимая колоколовидность и ряды пальцевых защипов и оттисков (рис. 4, 3, 9). Как отдаленная реплика средней бронзы и взаимодействия катакомбников с воронежцами воспринимается сочетание в едином декоре зубчатых и прочерченных линий с однорядной елочкой, выполненной гладким штампом (рис. 4, 2). Елочное построение воронежских оттисков гладкого штампа может сочетаться с нивелирующимся покровским профилем (рис. 4, 1). Именно в этот период появляются выразительные высокие раструбовидные профили раннесрубных сосудов восходящие к покровской колоколовидности (рис. 4, 7, 11, 12).

Только в Нижней Красавке мне известна группа оригинальных сосудов плавных профилей, с горизонтально расчесанной как внешней, так и внутренней поверхностью (рис. 4, 5). Особенностью этой керамики является наличие в бороздках расчесов бессистемных оттисков зубчатого штампа. Это не орнамент, а специфика обработки внешней поверхности сосудов, нигде более не встречающаяся. Не исключено, что эта керамика, наряду с прочими признаками, может стать индикатором переходного времени и формирования раннесрубного комплекса.

Особое внимание привлекает крупный сосуд с каннелюрами из большого очага постройки № 3 (рис. 4, 15). Вполне возможно, что к нему может относиться фрагмент венчика с таким же внешним рельефом (рис. 4, 14). Примечательно, что в том же очаге зафиксированы развалы еще пяти обычных срубных корчаг баночных форм. На поселениях срубной культуры этого времени керамика с рельефной орнаментацией (каннелюрами или наlepными подтреугольными в сечении валиками) встречается нечасто, и это всегда признак архаики, связанной с внешней трансляцией. Подобная посуда, правда, изготовленная весьма небрежно, известна на раннесрубном поселении «Мокрая Песковатка» и в его кургане-некрополе [Лопатин, 2014. С. 272, рис. 32, 1, 3]. Разме-

ры и пропорции нижнекрасавского и песковатских сосудов довольно близки, но последние в большей степени выглядят как местные репликаны.

Нижнекрасавский сосуд с каннелюрами изготовлен более тщательно, у него подреберчатая форма, тип венчика не вполне ясен, заметно лишь, что он, скорее всего, был отогнут наружу, четыре широких каннелюры занимают все пространство плеча до максимального расширения тулова, под которым размещается короткошаговый зигзаг, нанесенный в прочерченной технике.

По поводу каннелированной керамики автор уже высказывался в печати в связи с анализом керамического комплекса из первого кургана Калмыцкой Горы, где в покровских комплексах присутствуют миниатюрные биконические баночки с каннелированным плечиком [Лопатин, 2009. С. 62–63]. Тогда было отмечено, что по указанной линии наиболее вероятна связь заволжских памятников покровского типа и раннесрубных комплексов с уральскими традициями каннелирования посуды в синташтинской, петровской и раннеалакульской культурах. Внешняя инкорпорация отмеченного признака в покровско-срубную среду Заволжья, скорее всего, могла происходить из непосредственных контактов с восточным металлоносным регионом.

Факт обнаружения каннелированного сосуда в Нижней Красавке – памятнике Волго-Донского междуречья – представляется проблемой, комментировать которую пока можно только на узком круге аналогий. Каннелюры иногда встречаются на абашевских сосудах, как крупных, так и миниатюрных ритуальных формах. Особенно интересен экземпляр из среднедонского Подклетного, на котором отмечен архаичный стиль каннелирования при помощи орнамента (частыми оттисками короткого штампа) [Пряхин, Беседин, 1998. С. 64, рис. 4, 6].

В целом традиция рельефной орнаментации в средней и начале поздней бронзы является некоей единой парадигмой, в рамках которой каннелюры и налепные (треугольные в сечении) валики близки друг другу по смысловому значению. Налепные валики получили большее распространение к западу от Волги, в среде позднекатакомбной и бабинской культур, а во II тыс. до н. э. они переходят в некоторые лесостепные локализации раннесрубных памятников правобережья и даже в ближайшие районы Заволжья. К примеру, сосуды с гладкими, треугольными в сечении валиками известны в погребениях могильника Подгорное-2, исследованного в лесостепном Подонье, [Матвеев, 2006. С. 126, рис. 3, 3, 5, 10], а также в материалах заволжских поселений Преображенка-2, Тонкошуровка и Березовка [Лопатин, 2002. С. 105, рис. 2, 17, 30, 32, 34; С. 115, рис. 12, 17]. В Красавке известна более ранняя валиковая керамика, предположительно относящаяся к бабинскому типу или поздней среднедонской катакомбной культуре.

Вещевой инвентарь северного участка и постройки № 3 представлен разнообразными изделиями из камня, кости, глины и бронзы (рис. 7).

Каменные орудия можно систематизировать по их функциональности (абразивы, ударные, скребки, скобель, пластины, нуклеус), а также по петрографическим характеристикам (песчаник, кварцит, кремль, диорит, сланец). Наиболее многочисленны в Красавке орудия абразивного действия, изготовленные из песчаника (рис. 7, 12–20, 31, 32). Среди них самая массовая группа – так называемые «пирамидки», очевидно, предназначенные для деревообработки, удобные для захвата при шлифовании плоских поверхностей (рис. 7, 12–17). Один такой предмет имеет просверленное отверстие для ношения в подвешенном состоянии (рис. 7, 12). Есть также три оселка плиточных форм, два из песчаника (рис. 7, 18, 19) и один мергелевый (рис. 7, 20) для тонкой шлифовки. Своими размерами выделяются фрагменты двух крупных полировальников плиточного типа (рис. 7, 31, 32), изготовленные из серого среднезернистого песчаника.

Два орудия ударного действия (молотки) изготовлены из темно-серого тяжелого диорита: один подпрямоугольный, брусковидный, тщательно заполированный по всей поверхности (рис. 7, 33), второй – овальный с боковыми выемками-перехватами, очевидно, для привязывания к деревянной рукояти (рис. 7, 34).

Из кварцита изготовлены: одноплощадочный нуклеус для снятия укороченных пластин (рис. 7, 23), две пластинки без вторичной обработки (рис. 7, 21, 22), часть крупной пластины с боковой ретушью со стороны спинки (рис. 7, 26) и скребок на сегментовидном пластинчатом отщепе (рис. 7, 25).

На четырех кремневых отщепах изготовлены аморфные скребки, причем, один предмет сохраняет часть желвачной корки, указывающей на галечное сырье (рис. 7, 24, 27–29).

Скобелевидное орудие с широкой, но не глубокой выемкой оборудовано на треугольной сланцевой плитке (рис. 7, 30). Рабочее лезвие инструмента выработано ретушью с обеих сторон.

Большая часть глиняных изделий – это фрагменты вотивных колесиков: три выточены из стенок лепных сосудов (рис. 7, 1–3) и одно колесико было вылеплено специально, с показом утолщенного обода и условной штриховки внутреннего пространства колесного диска (рис. 7, 4). Предполагается, что такие колесики были деталями деревянных или соломенных ритуальных повозочек, украшавших домашние алтари [Лопатин, 2013. С. 144–145, 150, рис. 3].

Оливковидный глиняный предмет, тщательно заглаженный и обожженный в очаге (рис. 7, 5) вероятнее всего является пробником, так называемым «хлебцем». Такие обожженные комочки глины встречаются на поселениях, и обычно считается, что по ним определяли оптимальный состав глины при изготовлении посуды.

Фрагмент глиняной литейной формы (рис. 7, 6) обнаружен на полу третьей постройки. Это часть массивной створки с фрагментом глубокой ячейки. Предполагается, что форма предназначалась для отливки вислообушного топора. Свидетельства бронзолитейных занятий в Красавке и изготовления именно топоров уже отмечались исследованиями 2009 года, когда были найдены фрагмент подобной формы и глиняная цилиндрическая вставка для проушины [Лопатин, 2010а. С. 154, рис. 7, 13, 15]. Отметим также, что на поверхности ячейки заметны следы каолиновой обмазки.

Два костяных предмета различны по своей функциональности. Проколка, изготовленная из малой берцовой косточки МРС (рис. 7, 7), относится к производственной сфере домашнего кожевенного дела, она использовалась в пошиве одежды и обуви. А лошадиная путовая кость (Ph I) предназначалась для ритуалистики, посвященной культу предков, и была частью алтарного интерьера. Такие кости весьма нередки в культурных отложениях поселений эпохи бронзы, но особенностью данного артефакта является наличие на дорсальной поверхности гравированных знаков неясного значения (рис. 7, 8). Две крестообразные фигуры и три коротких прямых отрезка изображены на уровне диафизального сужения фаланги, почти горизонтальный парный штрих нанесен на край дорсала около дистального окончания, а на противоположном краю, возле проксимального окончания, имеются два косых отрезка.

Своей необычной формой первая лошадиная фаланга напоминала людям родового общества сидячую женскую фигурку [Юдин, 2003. С. 48]. Особенно ярко это отразилось в степном микропластическом искусстве Евразии нео-энеолитической эпохи [Лопатин, Порхунова, 2011. С. 12-29], когда орнаментированные и антропоморфизированные конские фаланги ассоциировались с образом богини-праматери. В позднем бронзовом веке вотивные фигурки переходят в несколько иной пласт ритуалистики и действуют в рамках предковых культов. В этот период нередко погребальные комплексы (преимущественно детские), в которых наряду с керамикой и прочим инвентарем имеются конские путовые кости, в контексте похоронной практики олицетворяющие образы ушедших предков [Лопатин, 2010б. С. 130-148]. На поселениях такие фигурки, вероятно, использовались в домашней ритуалистике, посвященной умершим пращурам. Заметим, что в материалах срубной культуры находка из Нижней Красавки – первая, имеющая граффити.

Два бронзовых предмета, представленные фрагментами, относятся к категории мелкого производственного инструментария. Один из них, вероятно, обломленный черешок ножа волго-уральского типа (рис. 7, 10). У него прямое окончание пятки и прямоугольное сечение. Второй – половинка шила, также прямоугольного сечения (рис. 7, 11). Такие вещи типичны для срубной культуры эпохи поздней бронзы.

Бронзовый наконечник стрелы, втульчатый, с трехгранной головкой (рис. 7, 9), относится к раннему железному веку, возможно, к савроматскому периоду. В нижней части головки выделены короткие жальца, на втулке, длина которой равна боевой части стрелы, заметны литейные швы. Присутствие данного предмета на Нижнекрасавском поселении, возможно, связано с группой артефактов первой половины I тыс. до н. э., выявленных в ходе раскопок 2007 года. Тогда были обнаружены фрагменты лепных сосудов с гребенчатым орнаментом и глубокими вдавлениями, образующими на обратной стороне выпуклости «жемчужины», определенные как керамика бондарихинского типа, а также железный однолезвийный нож, близкий скифским аналогам [Лопатин, 2008. С. 86, рис. 1, 12, 15, 16, 19].

Практически все предметы вещевого инвентаря, кроме последнего, связаны с хозяйственной инфраструктурой скотоводческого хутора эпохи поздней бронзы, жизнь которого начинается в покровское время, а завершается в срубный период. Обилие орудий труда, изготовленных из камня, с одной стороны – свидетельство дефицита металла, а с другой (особенно преобладание абразивов) – отражение определенной специализации, возможно, связанной с деревообработкой. Очевидно, нехваткой бронзовых инструментов объясняется также живучесть технологии изготовления кремневых и кварцитовых орудий пластинчатых типов, как первичного скола с призматического нуклеуса, так и последующих доработок обивкой и ретушью.

Традиционно на скотоводческих хуторах поздней бронзы занимались кожевенным делом и шерстопрядением. В слое Красавки неоднократно были зафиксированы костяные тупики, а также различные пряслица.

Признаков металлообработки выявлено не так много, но находки плавленного тигля, фрагментов литейных форм и вкладыша под проушную втулку свидетельствуют о том, что мастера Нижнекрасавского поселения в домашних условиях могли производить мелкий бронзовый инструментарий (шилья, ножи, тесла) и даже вислообушные топоры [Лопатин, 2010а. С. 154–156, рис. 7–9].

В ближайшие полевые сезоны планируется завершение исследований в Нижней Красавке. Предстоит уточнить очертания третьей постройки, которая предположительно может относиться к промежуточному переходному горизонту между поздним покровским и раннесрубным комплексами. Отчасти об этом может свидетельствовать, кроме своеобразной керамики, и неразвитость строительной традиции. Вне всяких сомнений материалы, полученные раскопками этого интересного памятника, значительно расширят представления о специфике культурогенеза на границе степи и лесостепи в эпоху поздней бронзы.

Литература:

Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002.

Лопатин В.А. Поселение у с. Нижняя Красавка (по раскопкам 2007 года) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Лопатин В.А. Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2009. Вып. 7.

Лопатин В.А. Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка-II (по материалам исследований 2007-2009 годов) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010а. Вып. 8.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.). Саратов, 2010б.

Лопатин В.А., Порхунова А.С. Орнаментированные путовые кости лошади в искусстве неолита-энеолита степной Евразии // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2011. Вып. 9.

Лопатин В.А. О бесшипных дисковидных псалях покровского типа // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10.

Лопатин В.А. Начало эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья. Саратов, 2014.

Матвеев Ю.П. Керамика с валиковым орнаментом срубной культуры лесостепного Подонья // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 2006. Вып. 20.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Острореберные абашевские сосуды Доно-Волжского региона // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 11. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998.

Юдин А.И. Неолитическое искусство населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2003. Вып. 5.

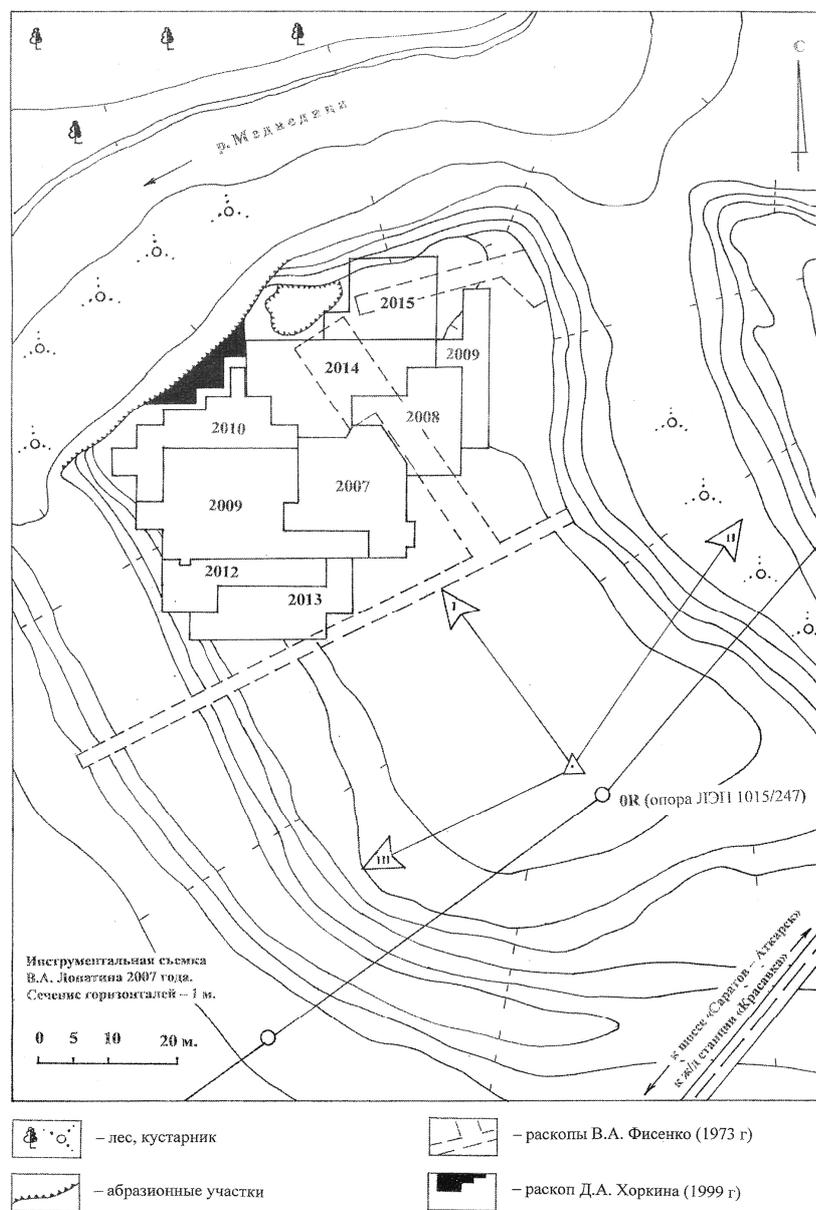

Рис. 1. План поселения Нижняя Красавка 2. Привязки на местности: I - г. Аткарск (4 км); II - ж/д станция Красавка (2 км); III - с. Нижняя Красавка (1 км).

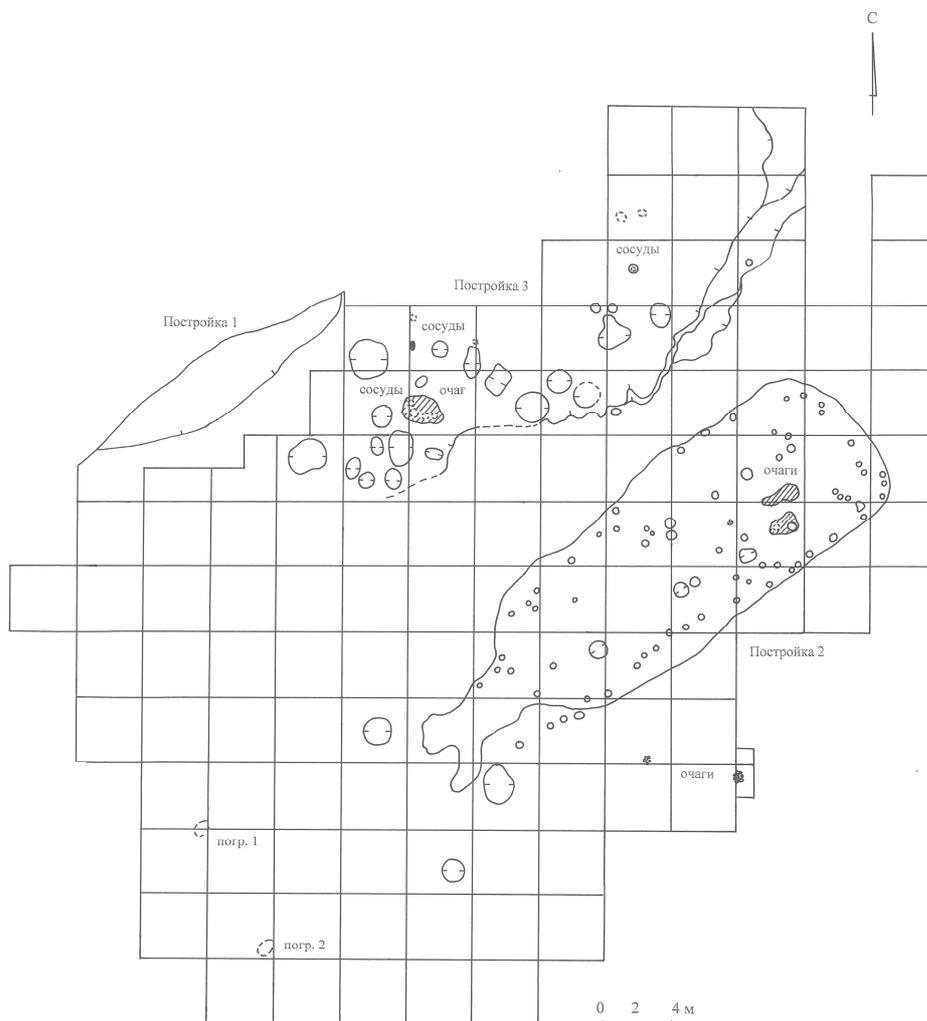

Рис. 2. План раскопа на поселении Нижняя Красавка 2.

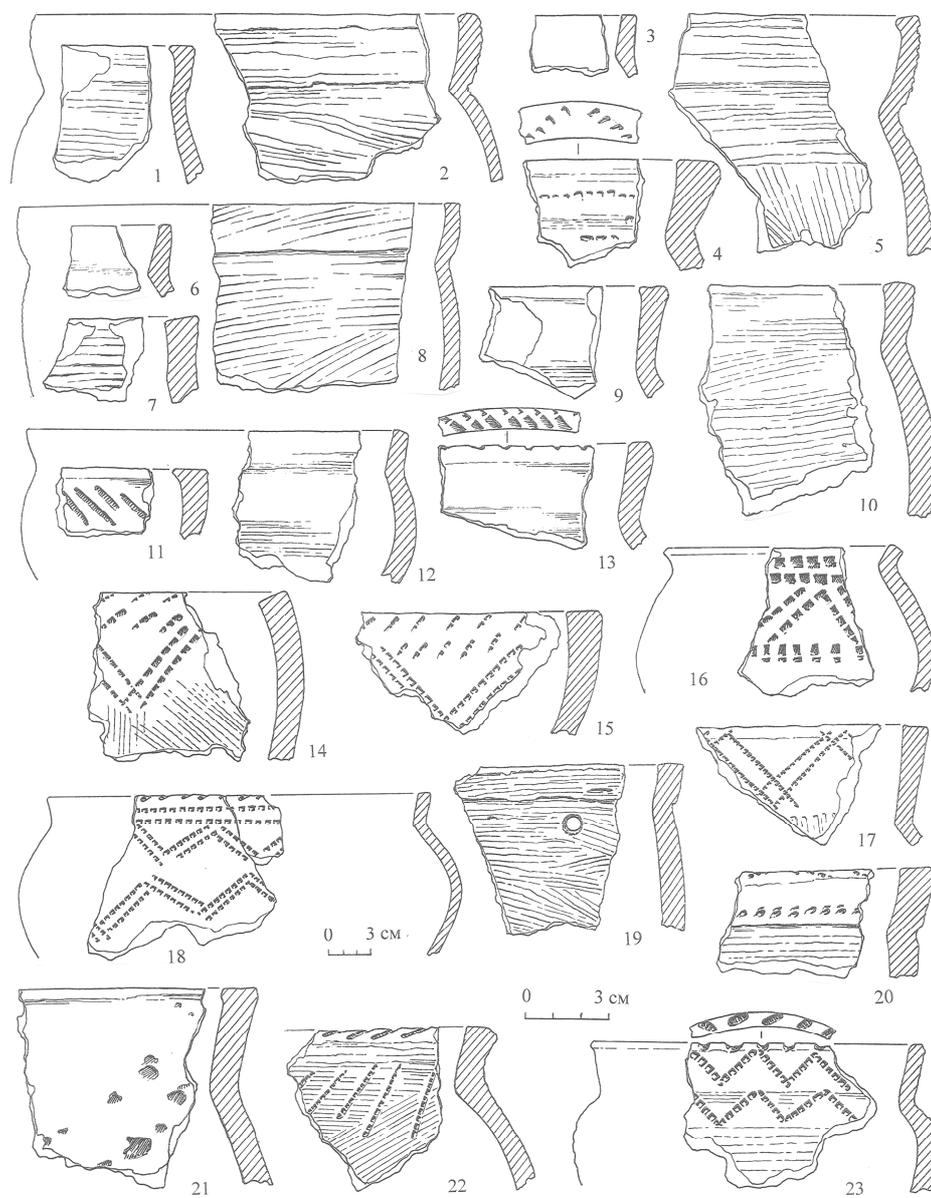

Рис. 3. Керамика покровского типа из раскопов 2014–2015 гг.

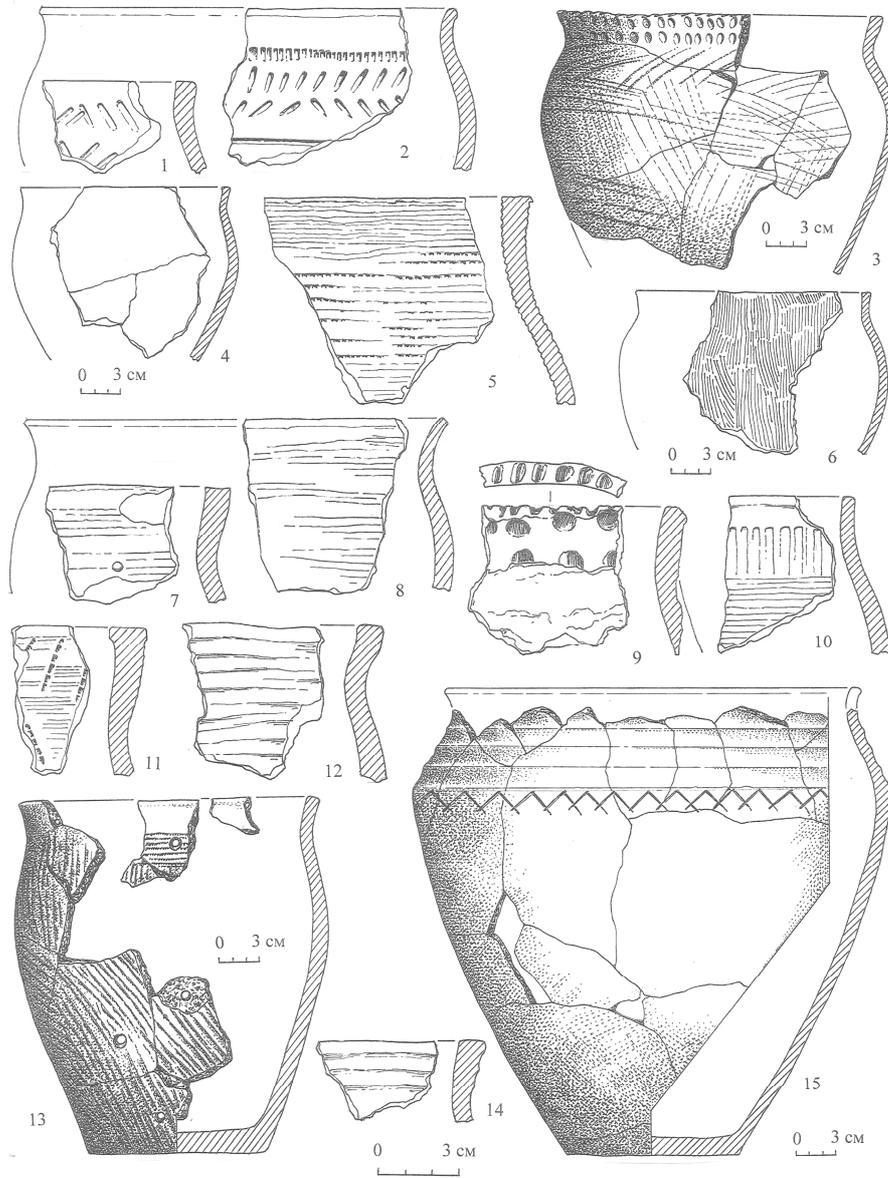

Рис. 4. Керамика переходного предсрубного типа с катакомбными, воронежскими и покровскими реминисценциями из раскопов 2014–2015 гг.

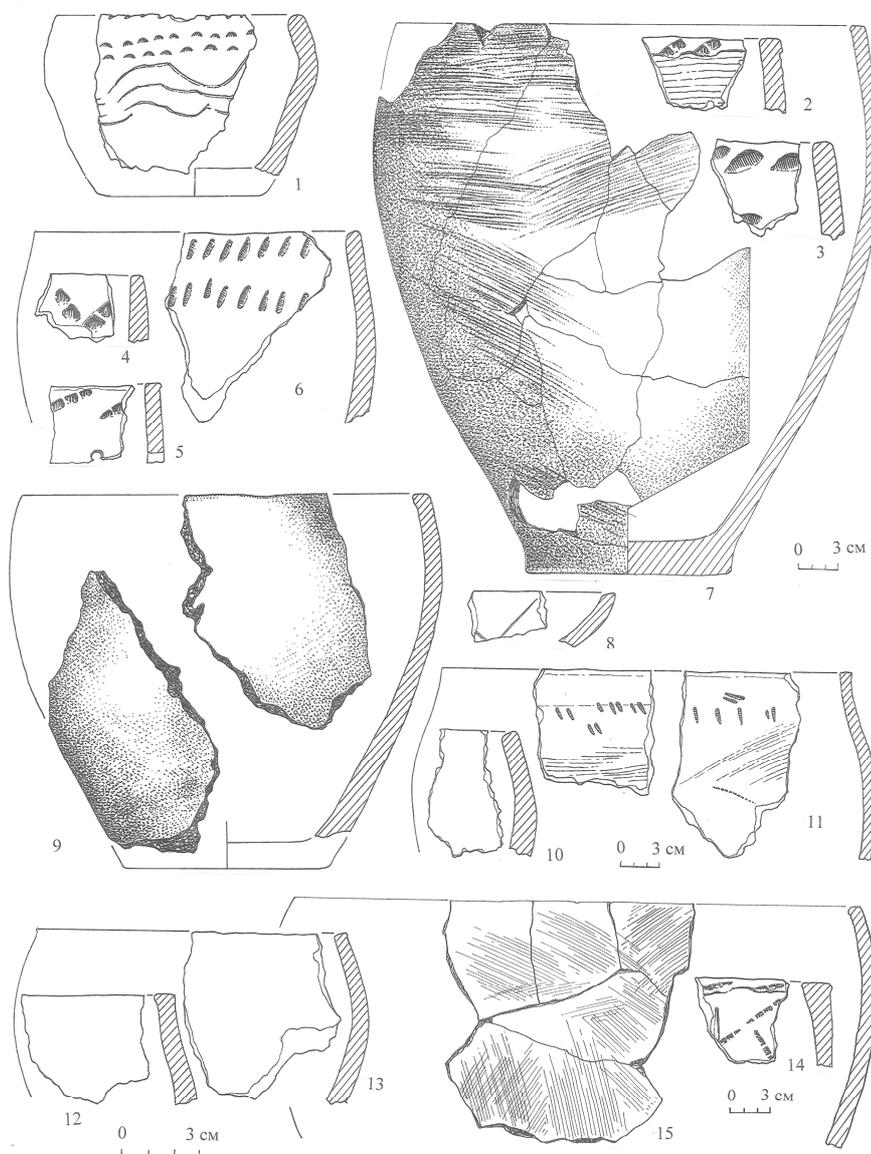

Рис. 5. Баночные сосуды срубной культуры из раскопов 2014–2015 гг.

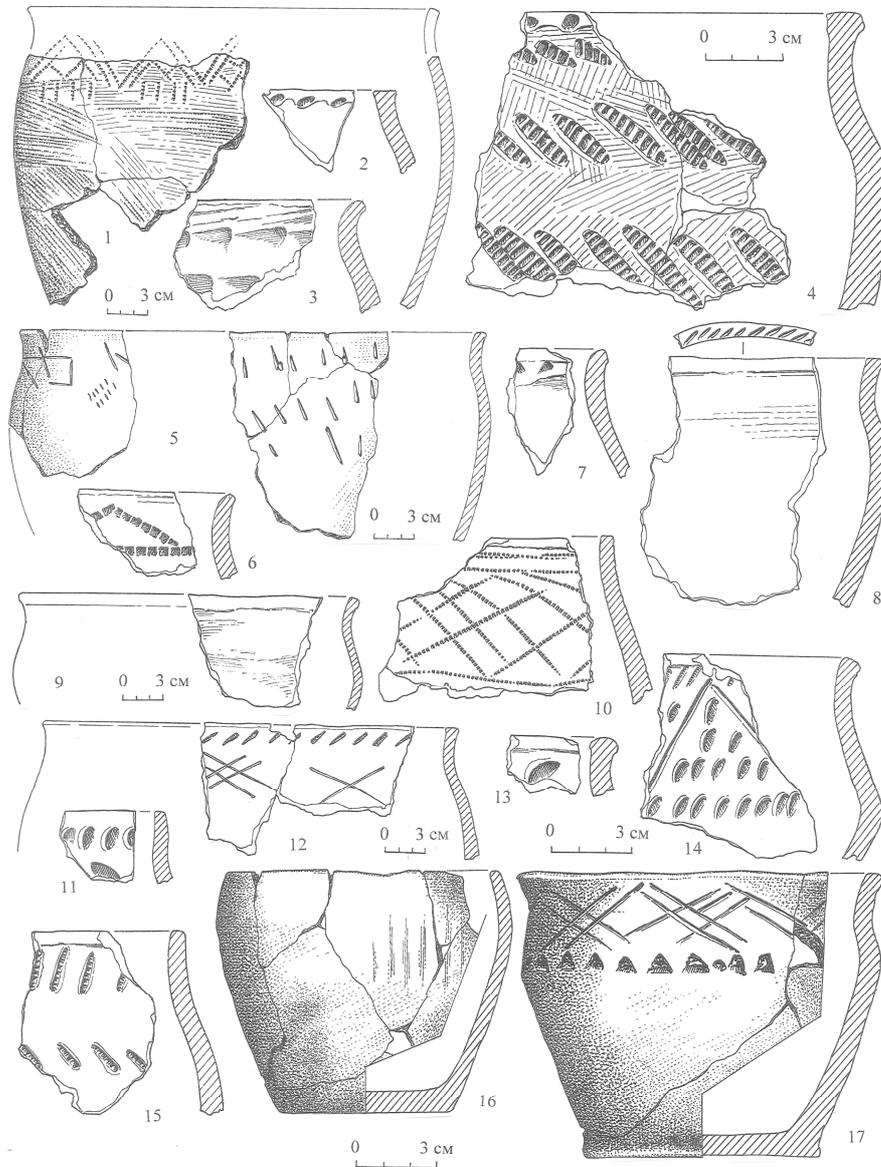

Рис. 6. Округлобокие и реберчатые сосуды срубной культуры из раскопов 2014–2015 гг.

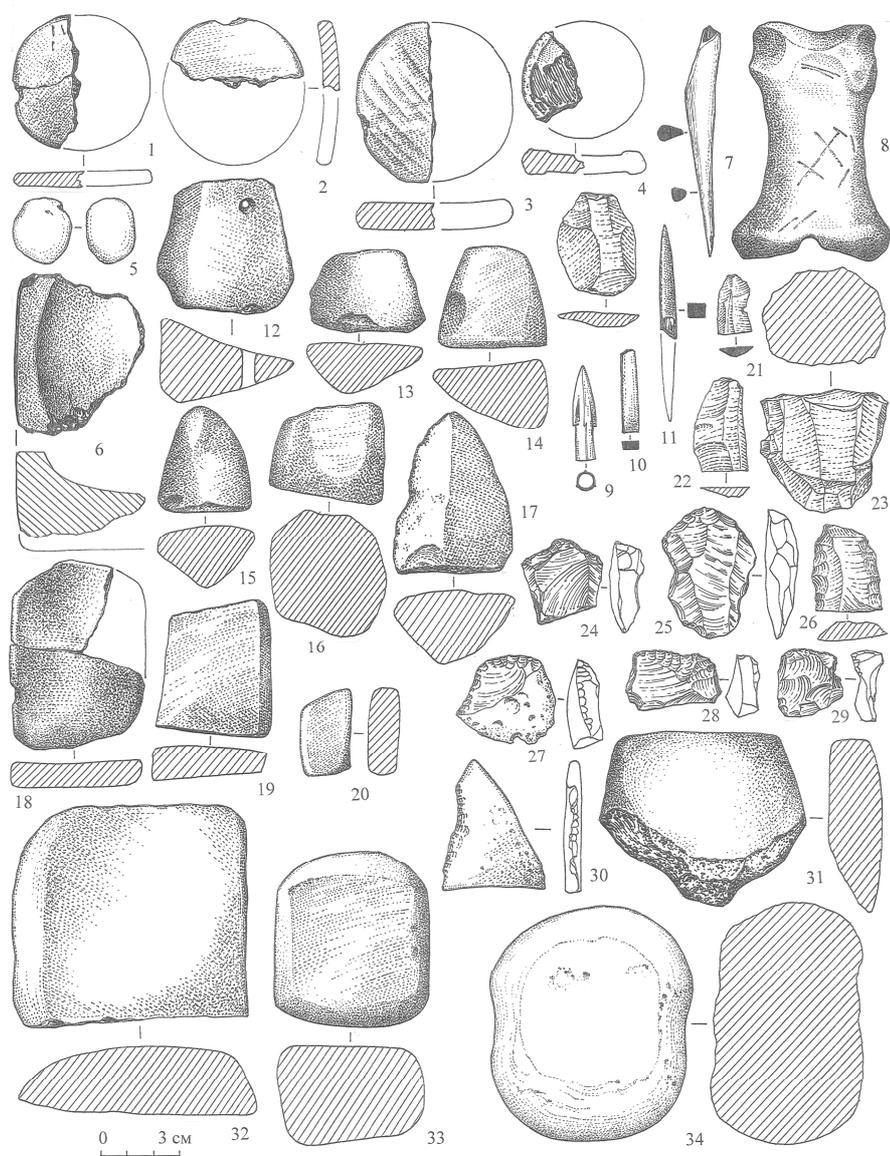

Рис. 7. Вещевой материал из раскопов 2014-2015 гг.: 1-6 - глина; 7, 8 - кость; 9-11 - бронза; 12-19, 31, 32 - песчаник; 21-23, 25, 26, 35 - кварцит; 24, 27-29 - кремнь; 20 - мергель; 33, 34 - диорит.

Бочкарёв В.С.¹, Кашуба М.Т.²

ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ: СКАЧОК ИЛИ ПОЭТАПНЫЙ ПЕРЕХОД
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И КАРПАТО-ДУНАЙСКОГО РЕГИОНА)³

В статье рассматривается проблема перехода от бронзового века к железному на территории Северного Причерноморья и Юго-Восточного Прикарпатья в XII–X вв. до н. э. Это время характеризуется противоречивыми данными. С одной стороны наблюдается упадок традиционного бронзолитейного производства, а с другой – фиксируется начало процесса местного изготовления изделий из рудничного железа. Из нового материала делались разнообразные предметы (украшения, утварь, оружие и т. д.), которые получили сравнительно широкое распространение. Вместе с тем основная масса металлического инвентаря отливалась еще из бронзы. Учитывая эти обстоятельства, а также технологические данные о железе того времени (кричное или так называемое мягкое железо), предлагается выделить время перехода от бронзы к железу в особый период. В формате «системы трех веков» Томсена он может быть назван *фетраэниум* (лат. *Ferrāeneum*) или *биметалликум* (лат. *Bimetallicum*). Настоящий железный век на указанной территории начался в VIII в. до н. э., когда появилась технология цементации железа и качественная сталь.

Ключевые слова: Юго-Восточная Европа, Северное Причерноморье, финал эпохи бронзы, белозерская культура, кризис, инновации, железные изделия, «система трех веков» Томсена, переходный период – *фетраэниум* (лат. *Ferrāeneum*) или *биметалликум* (лат. *Bimetallicum*)

¹ АУП, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

² АУП, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Исследование проведено в рамках выполнения программы ГАН по теме государственной работы: № 0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

Bochkarev V.S., Kashuba M.T.

FROM BRONZE TO IRON: A LEAP OR A GRADUAL TRANSITION
(ON THE MATERIALS OF THE LATE BRONZE AGE – EARLY IRON AGE
OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION
AND THE CARPATHIAN-DANUBE REGION)

The article discusses the problem of transition from the Bronze to Iron Age in the Northern Black Sea region and the South-eastern Carpathian region in the 12–10th centuries BC. That time had conflicting features. On one hand, decadence of traditional bronze-casting production is obvious, on the other, the beginning of the process of mine iron goods local production is noted. New material was used in different objects (garment pieces, utensils, weapons, etc.) that were relatively widespread. At the same time, the majority of metal goods were cast bronze. Taking into account these circumstances and technology process data about iron from that time (refined or so called soft iron), it is suggested to single out the transition time from the Bronze Age to the Iron Age into a distinct period. From the point of Thomsen's "Three-Age system" it can be called *Ferräeneum* or *Bimetallicum*. The true Iron Age in indicated territories started in the 9th century BC along with the technology of iron cementation and quality steel

Keywords: South-Eastern Europe, Northern Black Sea Region, Late Bronze Age, Belozersk culture, crisis, innovations, ironware, Thomsen's "Three-Age system", transition period – *Ferräeneum* or *Bimetallicum*

Одним из самых интересных и значимых периодов древнейшей истории Северного Причерноморья и Восточного Прикарпатья было время перехода от бронзового века к железному. Тогда произошла великая технологическая революция, сменились культуры, этносы и хозяйственные уклады. Этот период также интересен с точки зрения глобальной археологической периодизации («системы трех веков» Томсена). Одни исследователи относят его к концу эпохи бронзы, другие – к началу железного века. Но возможен и другой вариант решения этого вопроса⁴.

⁴ Авторы настоящей статьи понятие «переходный период» и его обоснование представили на суд широкой научной общественности за рубежом и в России в двух докладах. Один был сделан в июле 2016 г. в Берлине (Германия) на Международной научной конференции «Инновации в технологии древнейшего стекла», второй – в октябре 2016 г. в Санкт-Петербурге (Россия) на Круглом столе, посвященном юбилею А.А. Иессена. Тексты и слайды обоих докладов широко разошлись среди зарубежных и отечественных коллег.

Северное Причерноморье в конце бронзового века – культуры и артефакты. Наш обзор мы начнем с Северного Причерноморья. Это обширная зона северопонтийских степей, которая занимает южную часть современных Украины и Молдавии. В конце бронзового века эта территория была занята белозерской культурой. Ей предшествовала сабагиновская культура, а сменила ее так называемая киммерийская культура. Соседями белозерской культуры на востоке были бондарихинская и марьяновская культуры, на севере – белогрудовская, на западе и юго-западе – культуры Кишинэу-Корлэтеңь и Бабадаг I. В литературе она обычно рассматривается как некое целое и не разделяется на этапы и локальные варианты. Ее принято датировать XII–X вв. до н. э. [Отрощенко, 1986. С. 148–150; он же, 2001. С. 178; Ванчугов, 1990. С. 110; Агульников, 2005. С. 77].

Как показали новые исследования, металлопроизводство позднего бронзового века южной половины Восточной Европы и в частности Северного Причерноморья имело длительную историю. В своем развитии оно прошло семь периодов [Bochkarev, 2013. Ф. 69; Бочкарёв, 2017]. Каждый из них представлен оригинальной и устойчивой комбинацией нескольких типов металлических изделий, например, периоды IV–VII (рис. 1).

В состав двух самых поздних VI и VII периодов входят около 20 типов (рис. 2). Они принадлежат белозерской культуре, что подтверждается их находками в погребениях и на поселениях. Благодаря этому обстоятельству большинство белозерских материалов удастся также разделить на две хронологические группы. Первая из них, или раннебелозерская, по времени соответствует в целом VI периоду, а вторая, или позднебелозерская, – VII. Они датируются, соответственно, XII – первой половиной XI и второй половиной XI–X вв. до н. э. Эталонными памятниками раннебелозерской группы являются клад и поселение «Дикий Сад» (г. Николаев, Украина), Ново-Александровская «мастерская» (Херсонская обл., Украина), а позднебелозерской – могильники Широцанский (Херсонская обл., Украина), Кочковатовский (Одесская обл., Украина) и Казаклийский (район Чадыр-Лунга, Молдавия), а также Завадовский комплекс литейных форм (Херсонская обл., Украина).

С точки зрения заявленной темы наибольший интерес вызывает позднебелозерская группа и VII период. Начнем с последнего. Металлопроизводство этого времени отличается противоречивыми характеристиками. С одной стороны, хорошо видны признаки его упадка. Это подтверждается резким уменьшением количества кладов, единичных случайных находок металлических изделий. Сокращается также ассортимент продукции. Некоторые очень важные ее виды, как например металлические серпы и короткие мечи, уже больше не выпускаются. Происходит также процесс миниатюризации изделий. Все это указывает на дефицит сырья. Одним словом, металлопроизводство VII периода переживало состояние кризиса.

С другой стороны, оно отличалось целым рядом **новшеств** [Бочкарёв, 2017. С. 176; Кашуба, 2017. С. 139]. В это время появилось 10 новых типов металлических изделий, больше половины из которых имеют западное происхождение (рис. 3). Среди них особенно следует отметить *фибулы*. Это самые древние застежки такого рода, найденные на территории Восточной Европы. Они представлены несколькими типами, среди которых имеются односпиральные и двуспиральные изделия (рис. 4). Среди односпиральных изделий отметим две бронзовые застежки с дуговидной спинкой, найденные в достоверных белозерских комплексах: Казаклия, погребение 1 и Степной, курган III, погребение 1. Особенно любопытны смычковые фибулы: односпиральная треугольная, изготовленная из железа, с гладкой спинкой (тип VBF I.3.A) из Казаклия, погребение 55; а также бронзовые и железные двуспиральные фибулы «северопонтийского типа». Последние четырехугольные, с прямой или слегка вогнутой гладкой спинкой (тип VBF II.1.A) и треугольные с гладкой спинкой (тип VBF II.3.A) – это изделия из погребений Лукьяновка; Широкое, курган II, погребение 2; Первомаевка, курган V, погребение 1; Алкалия, курган II, погребение 1; Струмок, курган VII, погребение 1; Казаклия, погребение 14. Новая классификация смычковых фибул из Северного Причерноморья при сопоставлении их с подобными изделиями из Средиземноморья, Балкан и Дунайского бассейна (рис. 5) показала их идентичность с треугольными фибулами из мастерских северо-восточной Италии (нижнее течение р. По – местонахождение возле Фратта Полезине, в том числе Фраттезина). Последние относятся к ведущим типам периода «финальная бронза 2» (BF2; около 1060–1035/10 гг. до н. э.), который синхронизируется с периодом позднеэлладским/позднеминойским IIIС поздним (LN IIIС Late / SH IIIС Spät; 1100–1085/80 гг. до н. э.) и субмикенским периодом (1070/40–1000 гг. до н. э.) эгейской хронологии [Jung, 2006. S. 216, Abb. 24; Weninger, Jung, 2009. Fig. 14]. Эти синхронизации дают возможность датировать смычковые фибулы «северопонтийского типа» в пределах второй половины XI в. до н. э. (рис. 5). Типология северопонтийских фибул, а также карта их распространения ясно указывают на балкано-дунайские связи, которые простирались вплоть до нижнего течения р. По в северо-восточной Италии [Kašuba, 2008. Abb. 15; 18].

Новый вектор внешних контактов позднебелозерской культуры подтверждается находками изделий других категорий. Среди них, прежде всего, следует назвать *украшения из настоящего стекла* (рис. 6, 3). Они происходят из 14 позднебелозерских памятников и представлены тремя типами [Kaiser, Kašuba, 2016. Abb. 1; там же, библиография]. Абсолютное большинство составляют миниатюрные бусы кольцевидной формы, бирюзового, глухого белого и красного цветов, диаметр которых 0,4–0,8 см. Они изготовлены из тонкой круглой нити способом намотки на круглый стержень. В основном, они

одновитковые, но есть и двухвитковые. Другие типы бусин более крупные и представлены единичными экземплярами – рубчатая, полихромная и глазчатая. Стекланные бусы чаще всего найдены в самых богатых белозерских погребениях. Иногда они сочетались с золотыми височными кольцами, янтарными бусами, фибулами.

Химический состав миниатюрных бус, установленный более чем 70-тью анализами [Галибин, 2001. С. 418; Островерхов, 2001. С. 3; он же, 2003. С. 406], показал его близость к смешанно-щелочным стеклам (*mixed-alkali glass*), известным в позднем бронзовом веке Средней Европы. Тогда же в северо-восточной Италии (Фраттезина, нижнее течение р. По) функционировала мастерская по производству стекол подобного химического состава [Angelini et al., 2004; Bellintani, 2011; 2015. F. 17].

Вместе с тем, В.А. Галибин и А.С. Островерхов, проанализировав доступные материалы, высказали плодотворную идею о существовании в Северном Причерноморье местной «белозерской» школы стеклоделия [Галибин, 2001. С. 74–75; Островерхов, 1986. С. 48; он же, 2001. С. 3]. Очевидно, она возникла в результате внешнего, западного влияния и просуществовала не менее 150–200 лет. В то время стекланные украшения, наряду с бусами из янтаря и золотыми височными кольцами, стали в белозерском обществе наглядными знаками высокого социального статуса (рис. 6).

Еще более важным технологическим достижением, чем стеклоделие, стало возникновение в Северном Причерноморье *местного железодельного производства*. Археологически оно представлено сравнительно небольшой, но выразительной серией находок железных и биметаллических изделий [Никитенко, 1998. С. 36; Паньков, 2014. С. 87–88] (рис. 7, 1–14; 8, 1–10)⁵. Сейчас известны 15 экз., которые происходят из достоверных белозерских комплексов и, главным образом, из погребений. Это одна фибула и 14 ножей. Фибула происходит из погребения 55 могильника Казакия (район Чадыр-Лунга, Молдавия) (рис. 6, 2).

Фибула, как отмечено выше, была отнесена к типу VBF I.3.A и с большой вероятностью может датироваться еще второй половиной – концом XI в. до н. э. [Kašuba, 2008: F. 199, Abb. 6]. В этом же погребении, помимо двух сосудов (рис. 6, 4, 5), находились стекланные и раковинные бусы (рис. 6, 3). На территории современной Молдавии известны еще две железные фибулы, но они принадлежат другому типу, названному «северопонтийский» (или VBF II.1.A) и датируются несколько более поздним временем [Ibid.: F. 204, Abb. 9, 14, 20].

⁵ Сомнения в принадлежности к белозерской культуре вызывает лишь найденное на поселении Дикий Сад шило, анализ которого показал высокое качество его изготовления и содержание марганца [Паньков, 2014. С. 87, рис. 58; Горбенко, Гошко, 2010. С. 77].

Из 14 ножей только один найден на поселении. Остальные происходят из погребений. Они подразделяются на три типа. В первый входят однолезвийные ножи: Похребя, курган III, погребение 2 (район Дубэсарь, Молдавия); Первомаевка, группа I, курган 5, погребение 3 и Брилевка, погребение 47 (Херсонская обл., Украина) (рис. 8, 1, 2). Из трех экземпляров два имеют заклепки для крепления накладных рукояток (рис. 8, 2). Ко второму типу отнесены небольшие черенковые ножи, отличительными признаками которых являются прямые плечики и клинки с параллельными лезвиями (рис. 8, 3-5). Это комплексы Казаклия, погребение 54 (район Чадыр-Лунга, Молдавия); Кочковатое, курган 29 погребение 2 (Одесская обл., Украина); «Кутаревы Могилы» (Каиры), курган III, погребение 4 (Херсонская обл., Украина); Облои (Херсонская обл., Украина); Будуржель (Плавни), курган XIV, погребение 4 (Одесская обл., Украина). В литературе их нередко называют ножами широчанского типа [Voşkarov, Leskov, 1980. S. 59, Taf. 10, 83c, 84b]. Третий тип составляют биметаллические ножи (рис. 8, 6-10). Они известны в шести экземплярах: Хаджиллар, курган I, погребение 3 (район Штефан Водэ, Молдавия); Широкий курган (Херсонская обл., Украина); Степной (Заповитне), курган V, погребение 2 и остров «Хортица», поселение (Запорожская обл., Украина); Збурьевка (Кучугуры), курган (Херсонская обл., Украина); Кочковатое, курган 31 погребение 1 (Одесская обл., Украина). Это черешковые ножи с кольцевидным упором для рукоятки и клинком с параллельными лезвиями. Черенок, упор и верхняя часть клинка отлиты из бронзы, а его нижняя часть выкована из железа. Биметаллический нож входил в состав инвентаря погребения Степной, курган 5, погребение 2 (рис. 8, 9), для которого имеется уточненная 14C-дата **Ki 982: 1087 ± 78 BC** [Otroshchenko, 2003. SS. 343, 349, 361, fig. 10, 7].

Большинство изделий этих трех типов были отлиты из бронзы, и только некоторые являются железными аналогами. В совокупности они датируются VI и VII периодами. Друг от друга эти ножи отличаются не только по морфологическим признакам, но и по частоте находок. Реже всего встречаются изделия первого типа. Их найдено всего восемь экземпляров. Видимо, они были мало популярны у местного населения, которое традиционно использовало двулезвийные ножи. Но зато однолезвийная форма ножей широко распространена в Средней и Юго-Восточной Европе. Возможно, именно оттуда они и попали в Северное Причерноморье.

Самую большую серию находок составляют ножи широчанского типа. Сейчас известно около 50 экземпляров и 16 литейных форм для их производства. Эти ножи принадлежат к местному северопричерноморскому типу, который появился в VI периоде и продолжал активно использоваться в VII периоде. Он может считаться культурно-хронологическим индикатором бело-

зерской культуры. Больше половины таких ножей (27) были найдены в погребениях. В их число входят и пять железных экземпляров.

Ножи третьего типа также имеют местное происхождение. Но они не получили такого широкого распространения, как изделия широчанского типа. Они учтены в количестве 14 экземпляров и одной литейной формы. Почти половина из них происходит из погребений. Шесть таких ножей оказались биметаллическими.

Если отбросить находки литейных форм, то общее количество ножей всех трех указанных типов составит 71 экз., в том числе 14, которые откованы из железа (рис. 8, 1-10). На первый взгляд, это последнее число кажется весьма незначительным. Однако оно означает, что в белозерской культуре уже 19,7% ножей изготавливалось из железа. Если подойти к нашим источникам более дифференцированно, то получим еще более выразительную картину. В белозерских погребениях были найдены всего 37 ножей, 13 из которых сделаны из железа. Это составляет 35%. Получается, что каждый третий нож в белозерских погребениях был уже железным.

О сравнительно широком распространении железа в VII периоде свидетельствуют и некоторые *косвенные данные*. Конечно, в то время оно было еще достаточно дорогим материалом. Изделия из него, впрочем, как и из бронзы, встречаются только в так называемых богатых погребениях. Нередко они бывают ограбленными. Далее следует подчеркнуть, что все эти железные изделия, за исключением фибулы, имеют утилитарное назначение. Это особо ничем не примечательные столовые ножи. Однако на их производство уходило *не так уж и мало* железа. На самом деле из этого количества можно было изготовить несколько десятков мелких украшений.

Еще одним косвенным указанием на распространение в VII периоде нового материала могут указывать находки в белозерских погребениях каменных точильных брусков. Эта категория изделий крайне редко входит в состав погребального инвентаря степных культур эпохи бронзы. Напротив, в погребальных памятниках раннего железного века они встречаются регулярно. Оселки играли не только практическую, но и важную знаковую роль. Их рассматривали как своего рода символ оружия из нового металла.

Наконец, следует сказать, что железо, кроме белозерской культуры, также было хорошо известно в ряде соседних восточных культур – бондарихинской, марьяновской [Шрамко, Буйнов, 2012. С. 309, рис. 1; Археология..., 1985. С. 517, рис. 110, 3, 4] и белогрудовской [Berezanskaja, Kločko, 1998. S. 34, 42-44, Taf. 61, 3, 6; 69, 1; 73, 2]. Но лучше всего железо было известно западным соседям белозерской культуры. Есть основания полагать, что именно от них оно попало в Северное Причерноморье. В частности, на это могут указывать типы односторонних ножей и фибулы. Вместе с тем, можно уверенно утверждать,

что большинство белозерских изделий из железа были сделаны в северопричерноморских мастерских. Об этом, прежде всего, говорят их формы. По сути дела они являются копиями бронзовых изделий, распространенных в VII периоде. Конечно, можно допустить, что сырье для них было привозным. Но это предположение кажется маловероятным.

В пользу западных или юго-западных источников происхождения белозерского железодельного производства говорят не только соображения общего порядка, но и некоторые конкретные факты.

Карпато-Подунавье / Восточное Прикарпатье в конце бронзового века – культуры и артефакты. Взаимные связи Северного Причерноморья и Карпато-Подунавья в течение бронзового века имели важное значение для обоих регионов. Их роль особенно возросла в позднем бронзовом веке. В XV–XIII вв. до н. э. на указанных территориях возник блок родственных культур (Ноуа, Сабатиновка и Косложень). Одним из проявлений их общности стала единая зона металлопроизводства, которую составили дичевский, рышештский и красномаяцкий очаги. Это был своего рода общий рынок, где относительно свободно циркулировали карпатская и балканская медь, богемское олово, готовая продукция металлообрабатывающих мастерских, другие виды сырья и товаров (соль, золото и др.). В этой зоне могли без особых препятствий передвигаться не только торговцы, но и группы мастеров. Как раз на это время приходится расцвет северопонтийской металлообработки. Он произошел благодаря тесным связям с западными культурами и за счет обильных поставок карпато-дунайской меди [Бочкарёв, 2010. С. 168].

Однако на рубеже XIII–XII вв. до н. э. или в самом начале XII в. до н. э. ситуация резко изменилась. В результате экспансии так называемых раннегаллштаттских культур в пределы Восточного Прикарпатья прекратили свое существование культуры Ноуа и Косложень. Их территория была занята культурами Гава-Голиграды-Грэничешть (Верхнее Попрутье и Верхнее Поднестровье) и Кишинэу-Корлэтенъ (Молдова). Несколько позднее в юго-восточное Прикарпатье проникает население культуры Козия-Сахарна (Кашуба, 2013. С. 234–237, рис. 1; там же, библиография). Эти события привели к распаду блока Ноуа-Косложень-Сабатиновка. Две первые культуры погибли, а третья – трансформировалась в белозерскую культуру. Одним из следствий произошедшей смены культур стал сильный спад металлопроизводства во всем Карпато-Дунайском регионе. Начиная с НаА1 и далее, от периода к периоду, в указанном регионе сокращалось количество кладов, единичных находок, остатков металлопроизводства и т. д. [Petrescu-Dîmbovița, 1977. 51 ș.u.]. Очевидно, вместе с исчезновением традиционных культур очень сильно пострадал и горно-металлургический промысел. Часть рудников была, видимо, разрушена или заброшена, а горняки и металлурги эмигрировали или погибли. Этот кризис,

как уже говорилось, сильнее всего сказался на белозерской металлообработке. Она по-прежнему основную массу сырья получала с запада, поставки которого в VI и особенно, в VII периодах сильно сократились.

Однако вместе с новыми культурами в Карпато-Дунайском регионе появился и новый металл – железо (рис. 9). По неполным данным только на территории современной Румынии для XII–IX вв. до н. э. зарегистрировано 60 экземпляров железных изделий. Они происходят из 32 местонахождений. Это главным образом поселенческие памятники [Stoia, 1989. 52 ff.]. Самые ранние из них датируются временем HaA или даже BrD. Согласно старой сводке А. Ласло [László, 1977. 53–58, Abb. 1; 2], их было известно не менее шести экземпляров (рис. 9, Б). Сейчас к ним можно добавить около 20 находок из Восточного Прикарпатья [László, 1985; 1989. Fig. 1; Кашуба, 2013. С. 242; Niculiă et. al., 2016. Fig. 44, 4; 65; 1, 2; 114, 1]. Эти ранние материалы открыты, как на западе и северо-западе Румынии, так и вблизи ее восточных границ (рис. 9, А, 25–28).

В последующие два периода HaB1–HaB2/V3 количество находок железных изделий заметно возрастает [László, 1977. Abb. 2; Кашуба, 2013. Рис. 4]. Если к ним добавить материалы из Молдавии и Прикарпатской Украины, то их общее количество превысит 45 экземпляров.

О местном производстве всех этих изделий говорят не только их формы, но и другие данные. На ряде поселений, которые датируются периодами HaA–HaB, найдены следы железоделательного производства. Это главным образом находки шлаков (Сусань, Чернат, Бабадаг, Телица и Хыршова). Особенно интересны три последних поселения. Они расположены в непосредственной близости от крупнейшего месторождения железа в Алтын Тепе в Добрудже [Zah, 1971. 191 ff.].

Как во всей карпато-дунайской выборке, так и в отдельных ее территориальных частях, резко преобладают находки ножей. Так, например, из 18 железных изделий, обнаруженных в Юго-Восточном Прикарпатья, 11 – ножи. Это однолезвийные небольшие ножи, которые можно отнести к предметам бытовой утвари. В состав указанной выборки входит и немного оружия: меч (Банат), кинжал (Тирол), боевой нож (Корнь), топор-кельт (Лэпуш). Есть также украшения из железа: браслет (Бобда), две булавки (Банат и Сахарна Маре) и несколько фибул (Сахарна I – Цыглэу). Из орудий труда можно назвать серп из Бабадага, но его датировка остается не вполне определенной [László, 1977. Abb. 2].

Приведенные данные не оставляют сомнений в том, что в раннегаллштатский период (HaA–HaB) на территории Карпато-Подунавья рудничное железо было уже хорошо известно, и оно сравнительно широко использовалось для производства различных изделий. Этот вывод не нов. Он был сделан А. Ласло почти 40 лет назад [László, 1977. 53 ff.], а в настоящее время подтвер-

ждается новыми данными. В этой связи еще раз упомянем находки железных шлаков на раннегалльских поселениях, в том числе находящихся вблизи крупнейшего месторождения легко обрабатываемого пирита в Алтын Тепе в Добрудже [Zah, 1971. 191 ff.]. Из этого же региона происходят и 23 железных предмета, среди которых имеются изделия X–IX вв. до н. э., обнаруженные в закрытых комплексах культуры Бабадаг II [Jugănaru, 2005. 68 ff., 79 ff.; 2008. 135; Ailincăi, 2009. 9].

Многие румынские археологи полагают, что железоделательное производство могло возникнуть самостоятельно на территории Трансильвании, северо-западной балканской и восточно-альпийской областей уже в XII–XI вв. до н. э. [Horedt, 1964. 129; László, 1977. 70–71; Rusu, 1974. 349 ff.; Stoia, 1986. 11 ff.; 1989. 58]. Отсюда оно распространилось в другие европейские регионы. Однако Н. Бороффка убедительно показал, что технология производства железа проникла в Карпато-Дунайский регион извне. Она была заимствована из Анатолии и Эгеиды [Boroffka, 1991. 6]. На наш взгляд, быстрому распространению нового металла способствовали два обстоятельства. В XII–XI вв. до н. э. были установлены прямые контакты между населением Карпато-Подунавья и Восточным Средиземноморьем. Это произошло в результате вторжения «северных варваров» в Троаду и, возможно, в материковую Грецию. Вместе с военными трофеями эти варвары принесли на родину технологию производства железа. Она была быстро освоена местными мастерами, так как позволяла выйти из того затяжного кризиса, который испытало тогда карпато-дунайское бронзолитейное производство. Кроме того, этот новый материал имел весьма важное социальное значение и открывал широкие перспективы дальнейшего производства благодаря дешевизне сырья.

Сравнительный анализ карпато-дунайской и северо-причерноморской серий железных изделий конца II – начала I тыс. до н. э. показывает явное превосходство первой из них. Она не только в 4–4,5 раза больше северопонтийской, но и гораздо разнообразнее ее в функциональном отношении. Есть у нее и временной приоритет – в Карпато-Дунайском регионе железо появилось на 100–150 лет раньше, чем в Северном Причерноморье. Эти и многие другие данные позволяют утверждать, что навыки железоделательного производства в Северном Причерноморье были инспирированы карпато-дунайскими влияниями. Это кажется вполне закономерным, так как, начиная с IV периода карпато-дунайский фактор во многом определял развитие северопонтийского металлопроизводства.

* * *

В связи с новыми материалами, указывающими на раннее появление железоделательного производства в Карпато-Подунавье и в Северном Причерноморье, вновь возникает вопрос о времени начала железного века на указанных территориях. По мнению многих румынских археологов, это событие было приурочено к НаА, т. е. к XII–XI вв. до н. э. [László, 1977. 53 ff.; Stoia, 1986; 1989. 43 ff.; Ailincăi, 2009. 9; и др.]. Но их восточноевропейские коллеги относят его к VIII в. до н. э. [Паньков, 1994. С. 48; 2014. С. 112, 120; Gershkovich, 2011. 168 ff.]. Ни одна из этих точек зрения не может быть принята безоговорочно. Находки железных изделий конца II – начала I тыс. до н. э. сейчас уже столь многочисленны и представительны, что их нельзя просто игнорировать или говорить о зарождении железной индустрии в недрах бронзового века. С другой стороны, как в Карпато-Подунавье, так и в Северном Причерноморье, железо еще не являлось ведущим материалом. По-прежнему основная масса оружия и орудий были изготовлены из бронзы.

Выход из этой противоречивой ситуации может быть найден в том, что раннегалльские памятники Карпато-Подунавья / Восточного Прикарпатя и позднебелозерские материалы Северного Причерноморья следует отнести к отдельному периоду. Чтобы быть таковым, он должен обладать соответствующими характеристиками. С точки зрения общей археологической периодизации («системы трех веков» Томсена) – это, прежде всего, особая технология производства. Другими словами, нужно ожидать, что ранние железные изделия, о которых речь шла выше, были изготовлены в иной технологии, чем изделия более позднего времени. Эти ожидания оправдываются. Металлографический анализ железных ножей из Кочковатовского могильника белозерской культуры (рис. 8, 5, 8) показал, что «они изготовлены из сильно окислившегося металлургического кричного железа» [Ванчугов, 1990. С. 99]. Аналогичные результаты были получены при исследовании шила из поселения Ташлык I сабаатиновской культуры (Николаевская область, Украина) и ножей из поселений Любовка, Оскол и Червонный Шлях 1 бондарихинской культуры (Харьковская область, Украина) [Бидзиля и др., 1983. С. 15, 18; Радзівська, Шрамко Б., 1980. С. 100–103; Буйнов, 2003. С. 6, рис. 2, 1; Шрамко И., Буйнов, 2012. С. 311]. В частности, характер распределения углерода ножа с Оскольского поселения обычен для кричной (горновой) стали. Само изделие было отковано из пакетного металла, а качество проковки показывает, что кузнец обладал достаточно высоким уровнем обработки железа, правильно соблюдая интервал ковочных температур и не допуская перегрева [Бидзиля и др., 1983. С. 18; Шрамко, Буйнов, 2012. С. 313]. Как было установлено другими исследователями, настоящая сталь в Северном Причерноморье появляется только в VIII–VII вв. до н. э. (Шрамко Б. и др., 1977. С. 63, 72; Тер-

хова, Эрлих, 2002. С. 134; Корякова и др., 2011. С. 12). В рассматриваемом нами случае речь может идти о самой ранней стадии технологии железа, а именно, так называемое *мягкое железо* или так называемая сырцовая сталь [Завьялов, Терехова, 2016. С. 206].

Еще одной отличительной чертой этого периода было появление техники производства биметаллических изделий. С ее помощью изготавливались железно-бронзовые или железно-медные предметы. Одна их часть (обычно со сложной конфигурацией) отливалась из бронзы, а другая – отковывалась из железа (рис. 8, 6-10). Они соединялись с помощью специальных приемов. Биметаллические изделия изготавливали и немного позднее, когда уже была открыта настоящая сталь.

Появление в конце II тыс. до н. э. в Карпато-Дунайском регионе, а затем и в Северном Причерноморье, рудничного железа и изделий из него было революционным событием. Оно открывало совершенно новые перспективы. Постепенно, с течением времени железо становилось все лучше и дешевле, что позволяло ему конкурировать с бронзой. Первоначально из него могли делать только некоторые категории изделий (ножи, украшения). Но и они играли достаточно важную практическую и социальную роль. Новый этап наступил после изобретения приемов цементации железа и кузнечной сварки. Это позволило начать серийное производство оружия и орудий. Только тогда и наступил *настоящий железный век*.

Отрезок времени, называемый нами «между бронзой и железом», может быть обозначен термином или *феллаэнеум* (лат. *Ferräeneum*), или *биметалликум* (лат. *Bimetallicum*) (рис. 10). По смыслу он сродни эпохе энеолита, когда совершался переход от камня к настоящей бронзе. Орудия из меди играли примерно такую же технологически важную роль, как изделия из кричного железа в конце II тыс. до н. э.

Кроме Карпато-Подунавья/Восточного Прикарпатья и Северного Причерноморья указанный период прослеживается на Центральном Кавказе (кобанская культура), Центральной Азии (Яз I), Южной Сибири (тагарская культура) и т. д. В зависимости от географического положения региона и особенностей его культурно-исторического развития длительность этого периода может несколько варьировать. Например, в Северном Причерноморье он был короче, чем в Карпато-Подунавье, а в Анатолии – длиннее, чем в обоих этих регионах.

Наше предложение относительно выделения еще одного подразделения в общей археологической периодизации носит гипотетический характер. Для его более полного обоснования нужны новые факты и, особенно, новые технологические анализы. Но и в таком виде, как нам представляется, оно заслуживает обсуждения.

Литература:

Агульников С.М. Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья // *Revista Arheologică* s. n. I/1, 2005.

Археология Украинской ССР: В 3-х т. / Артеменко И.И. (гл. ред.). Т. 1: Первобытная археология / Телегин Д.Я. (отв. ред.). Киев: Наукова Думка, 1985

Бидзиля В.И., Вознесенская Г.А., Недопако Д.П., Паньков С.В. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э. – III в. н. э.). Киев: Наукова Думка, 1983.

Бочкарёв В.С. Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы // *Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы*. СПб.: ИИМК РАН; «Инфо Ол», 2010.

Бочкарёв В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus* 2, 2017.

Буйнов Ю.В. Поселення бондарихінської культури біля с. Червоний Шлях на Харківщині // *Вестник ХГУ* 594. Серія Історія 35, 2003.

Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова Думка, 1990.

Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: ИИМК РАН (Труды ИИМК РАН IV; *Archaeologica Petropolitana* XI), 2001.

Горбенко К.В., Гошко Т.Ю. Металеві вироби з укріпленого поселення доби фінальної бронзи «Дикий сад» // *Археологія* 1, 2010.

Завьялов В.И., Терехова Н.Н. К проблеме перехода от эпохи бронзы к эпохе железа (технологический аспект) // *КСИА* 242, 2016.

Кашуба М.Т. «Ускользящее» железо, или переход к раннему железному веку в Восточном Прикарпатье // *РАЕ* 3, 2013.

Кашуба М.Т. Идеи и материалы на исходе бронзового века на западе Северного Причерноморья // Вишняцкий Л.Б. (отв. ред.). *Ex Ungue Leonem*: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб.: Нестор-История, 2017.

Корякова Л.Н., Кузьминых С.В., Бельтикова Г.В. Переход к использованию железа в Северной Евразии // Алексеев А.Ю. и др. (ред.). *Материалы Круглого стола «Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии»*: Санкт-Петербург, 23–24 июня 2011 года. СПб.: ИИМК РАН, 2011.

Никитенко Н.И. Начало освоения железа в белозерской культуре // *РА* 3, 1998.

Острроверхов А.С. Стекло легендарных киммерийцев // *Химия и жизнь* 4, 1986.

- Островець О.С.* Склярство білозерського часу // Археологія 2, 2001.
- Островець А.С.* Древнейшее археологическое стекло Восточной Европы (конец IV тыс. до н. э. – первая половина VII в. н. э.) // Stratum plus 2 (2001–2002), 2003.
- Отрощенко В.В.* Белозерская культура // Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова Думка, 1986.
- Отрощенко В.В.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ: Наукова Думка, 2001.
- Паньков С.В.* Стародавня чорна металургія на території Південного заходу Східної Європи (до концепції розвитку) // Археологія 4, 1994.
- Паньков С.В.* Стародавня чорна металургія на території України. Частина 1. Передскіфський і скифо-античний період. Київ: ІА НАН України, 2014.
- Радзівська В.Є., Шрамко Б.А.* Нові археологічні пам'ятки на Харківщині // Археологія 33, 1980.
- Терехова Н.Н., Эрлих В.Р.* К проблеме перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. Две культурно-исторические традиции // Носкова Л.М. (отв. ред.). Материальная культура Востока: сб. статей. Вып. 3. М.: Государственный Музей Востока, 2002.
- Шрамко И.Б., Буйнов Ю.В.* Переход от бронзы к железу в Днепро-Донецкой лесостепи // РАЕ 2, 2012.
- Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А.* Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // СА 1, 1977.
- Agulnikov S.* Necropola culturii Belozerka de la Cazaclia. București: IRT; Vavila Edinf SRL (BT XIV), 1996.
- Ailincăi S.-C.* Începuturi epocii fierului în Dobrogea. Teză de doctorat. Rezumat. Iași, 2009.
- Angelini I., Artioli G., Bellintani P., Diella V., Gemmi M., Polla A., Rossa A.* Chemical analyses of Bronze Age glasses from Frattesina di Rovigo, Northern Italy // Journal of Archaeological Science 31, 2004.
- Bellintani P.* Progetto “Materiali vetrosi della protostoria italiana”. Aggiornamenti e stato della ricerca // Rivista di Scienze Preistoriche LXI, 2011.
- Bellintani P.* Bronze Age Vitreous Materials in Italy // Lazar I. (Ed.). ANNALES du 19^e CONGRÈS de l'ASSOCIATION INTERNATIONALE pour l'HISTOIRE du VERRE (Piran 2012). Koper, 2015.
- Bochkarev V.S.* «Radiocarbon Revolution» and the Periodization Problem of Bronze Age Materials in South Part of Eastern Europe // Nosov E. N. et al. (Eds.). Principles of Dating in the Bronze, Iron and Middle Ages: Materials of the Russian-

German colloquium (December 2-3, 2013, Saint Petersburg). St. Petersburg: IHMC RAS, St. Petersburg State University, 2013.

Bočkarov V. Die Bronzezeit in Osteuropa // Piotrovski Ju. Ju. (Hrsg.) Bronzezeit. Europa ohne Grenzen. 4.-1. Jahrtausend v. Chr. Ausstellungskatalog. Sankt Petersburg: Publishing House «Tabula Rasa», 2013.

Bočkarov V.S., Leskov A.M. Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. München: Verlag C. H. Beck (PBF XIX/1), 1980.

Berezanskaja S.S., Kločko V.I. Das Gräberfeld von Hordeevka. Rahden/Westfalen: Verlag Marie Leidorf (Archäologie in Eurasien 5), 1998.

Boroffka N. Die Verwendung von Eisen in Rumänien von den Anfängen bis in das 8. Jahrhundert v. Chr. // Vortrag gehalten zu Ehren von Dr. John Alexander. Symposium „Europe in the 1st Millennium B.C. New Work“. 3rd -4th April 1986. Oxford: Institute of Archaeology, 1991.

Gershkovich Y.P. Global Causes of Some Local Phenomena during the Late Bronze Age in the Northern Pontic Steppe // Sava E. et al. (Hrsg.). Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000-500 v.Chr.). Bd. 2. Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Chişinău, Moldavien (4-8 Oktober 2010). Rahden/Westf.; Kiel: Verlag Marie Leidorf, 166-177 (PAS 27), 2011.

Horedt K. Die Verwendung des Eisens in Rumänien bis in das 6. Jahrhundert v. u. Z. // Dacia n.s. VIII, 1968.

Jugănaru G. Cultura Babadag I. Constanţa: Ex Ponto (Bibliotheca Istro-Pontică. Serie arheologie 7), 2005.

Jugănaru G. Cultura Babadag - repere cronologice // Ailincăi S.-C. et al. (eds.). Omagiu lui Gavrilă Simion la a 80-a aniversare. Tulcea: Institutul de cercetări eco-muzeale, 2008.

Jung R. ΧΡΟΝΟΛΟΓΙΑ COMPARATA - Vergleichende Chronologie von Südgriechenland und Süditalien von ca. 1700/1600 bis 1000 v. u. Z. Wien: Verlag der ÖAW (PHK, Denkschriften 348; Veröffentlichungen der Mykenischen Kommission 26, gemeinsam mit SCIEM 2000), 2006.

Kaiser E., Kašuba M. Die vorgeschichtlichen Glasobjekte der Bronzezeit im nördlichen Schwarzmeergebiet. Ein forschungsgeschichtlicher Überblick // Zancoci A. et al. (Hrsg.). Mensch, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisenzeit im Nördlichen Eurasien (Beiträge zu Ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava). Chişinău: Nat. Museum of History of Moldova, Freie Univ. Berlin, 145-161 (Tyragetia International I), 2016.

Kašuba M. Die ältesten Fibeln im Nordpontus. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa // EA 14, 2008.

László A. Anfänge der Benutzung und der Bearbeitung des Eisens auf dem Gebiete Rumäniens // AAH 29/1-2, 1977.

László A. Les groupes régionaux anciens du Hallstatt à l'est des Carpates. La Moldavie aux XIIe-VIIe siècles av.n.è. // La civilisation de Hallstatt. Liège, 111-129 (Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège 36), 1989.

Niculiță I., Zănoici A., Băț M. Evoluția habitatului din microzona Saharna în epoca fierului. Chișinău: Muzeul Național de Istorie a Moldovei (Seria Biblioteca „Tyragetia” 27), 2016.

Otroshchenko V.V. Radiocarbon chronology of the bilozerka culture - based on barrows near the village of Zapovitne (the “Stepnoy” cemetery) // Koško A., Klochko V. (Eds.). The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000-1000 BC. Baltic-Pontic Studies 12, 2003.

Petrescu-Dîmbovița M. Depozitele de bronzuri din România. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România (Bibliotheca de arheologie XXX), 1977.

Rusu M. Începuturile metalurgiei fierului în Transilvania // H. Daicoviciu (red. resp.). In Memoriam Constantini Daicoviciu. Cluj: Dacia, 1974.

Stoia A. Metalurgia fierului în Hallstatt pe teritoriul României: Rezumatul tezei de doctorat. Iași, 1986.

Stoia A. The beginning of iron technology in Romania // Stig Sørensen M. L., Thomas R. The Bronze Age - Iron Age Transition in Europe. Aspects of continuity and change in European societies c. 1200 to 500 B. C. Part I. Oxford: University Press, 43-67 (BAR IS 483 (i)), 1989.

Weninger B., Jung R. Absolute Chronology of the End of the Aegean Bronze Age // Deger-Jalkotzy S., Bächle A. E. (Eds.). LH III C Chronology and Synchronisms III. LH III Late and the transition to the Early Iron Age: Proceedings of the international workshop held at the Austrian Academy of Sciences at Vienna, February 23rd and 24th, 2007. Wien: Verlag der ÖAW, 373-416 (PHK, Denkschriften 384), 2009.

Zah E. Exploatarea fierului în Dobrofeea antică // Pontica IV, 1971.

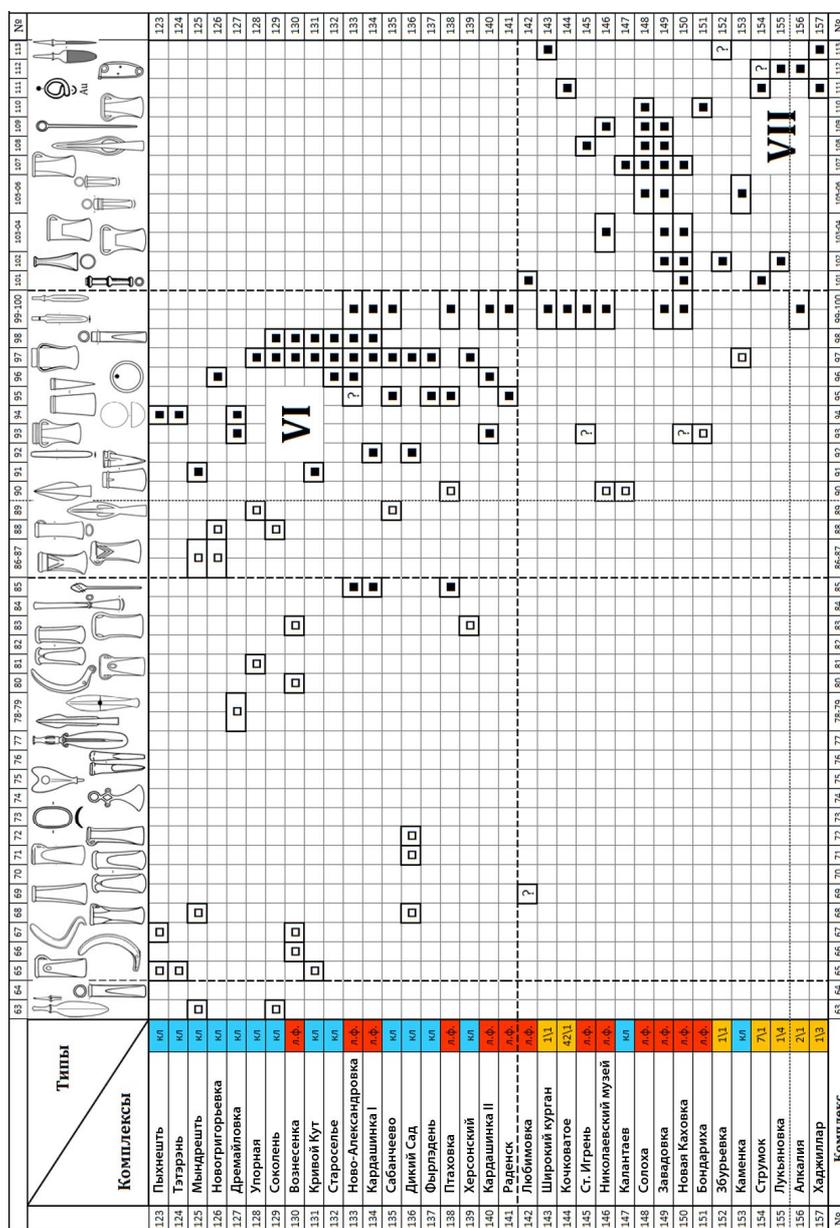

Рис. 2. Периоды VI-VII металлопроизводства позднего бронзового века южной половины Восточной Европы.
 Условные обозначения: VI-VII – хронологические группы; ■ – ведущие типы; л.л. – клады; л.л. – могильники/погребения;
 л.ф. – литейные формы (по Бочкарёв 2017: табл. 1 (часть Г))

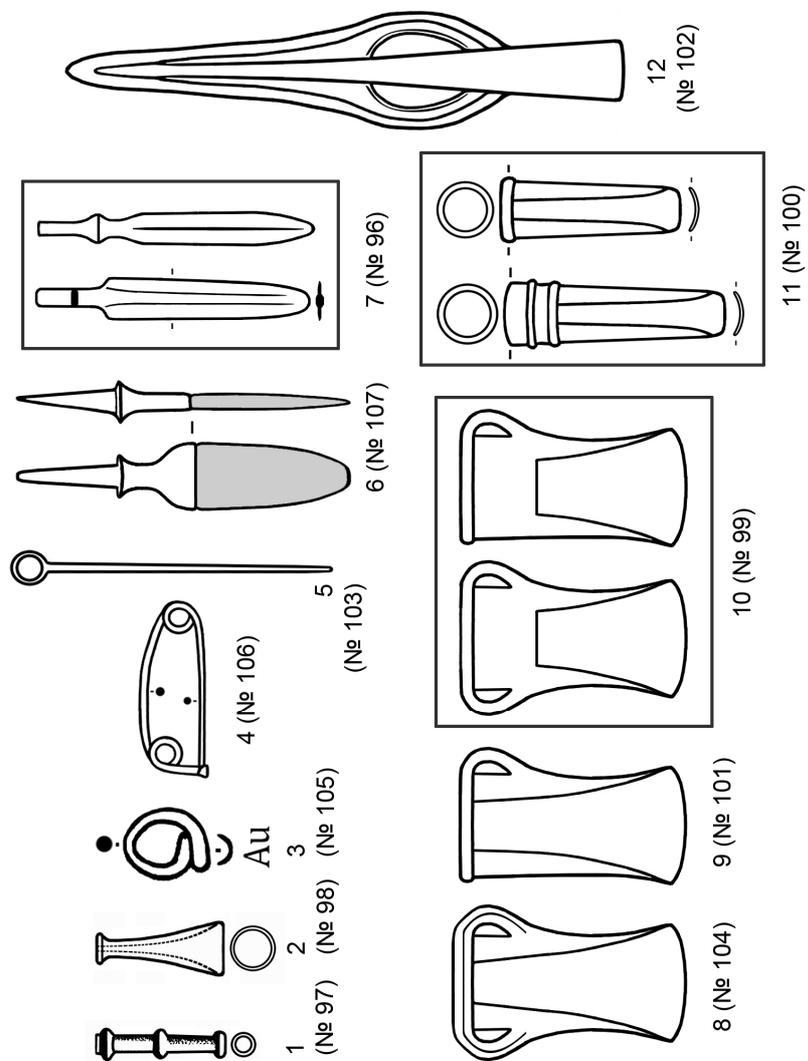

Рис. 3. Типы металлических изделий, характерные для периода VII металлургического позднего бронзового века южной половины Восточной Европы, масштаб разный (по Бочкарёв 2017: рис. 12)

Комплекс	ХАРАКТЕРИСТИКА										КЕРАМИКА	УКРАШЕНИЯ, ДЕТАЛИ КОСТЮМА				ОРУДИЯ ТРУДА				
	ПОГРЕБАТЕЛЬНЫЙ ОБРЯД					ПОСЕЛЕНИЕ	Фигула	Серьги, височн. кольца	Пронизки (спирт, плас.)	Подвески		Бусы	Нож / Кинжал	Оселок	Праслице	Растральник	Кремень			
	Могила	Тип	Перекрестие	Подстилка	Положение													Скелет	Ориент	Пол, возраст
Лукьяновка	кург	X	дерево		на спине(?)	?							4	49 ^{Ст} 1 ^я						
Широкое, III/2	кург	X	дерево		на левом боку	ЮЗ	жен, 35-55 л.						3	7 ^{Ст} 1 ^я						
Первомаевка, V/1	кург	X	дерево			Ю/ЮЗ	дет.	X												
Степной, III/1	кург	X	дерево	остатки тростника	на левом боку	ЮЗ	муж., 20-30 л.								8 ^{Ст} 1 ^я		1		1	
Брилевка, 75	гр				на левом боку	ЮЗ		X												
Алкалия, III/1	кург			остатки тростника, коры		ЮВ							3	22 ^{Ст}	1 ^{Бр}				1	
Кочкватое, XXXII/2	кург				на левом боку	ЮВ							2 ^{Бр}	3 ^Р						
Струмок, VII/1	кург	X	дерево	остатки тростника	на левом боку	Ю		X								1				
Каааклия, 1	гр			остатки тростника, известь		Ю/ЮВ	жен(?), 15-16 л.	X							216 ^{Ст} 2 ^я					
Каааклия, 14	гр					Ю/ЮВ	жен(?), 20-35 л., 7-10 л.	X							16 ^{Ст} 6 ^я ^Р					
Каааклия, 55	гр			остатки тростника		Ю/ЮВ	жен, 20-35 л.								12 ^{Ст} 2 ^Р					
Дикий Сад																				X

Рис. 4. Древнейшие бронзовые и железные фибулы и их контексты, белозерская культура Северного Причерноморья.
Условные обозначения: кург – курганные погребения; гр – курганные погребения; Бр – бронза; Ж – железо; Ст – стекло;
Я – янтарь; Р – раковины; З – золото (по Kašuba 2008: Abb. 11, с уточнениями, там же библиография)

СИНХРОНИЗАЦИЯ		Типы фибул	Италия		Средний Дунай	Нижний Дунай	Северное Причерноморье		
Эгеида	Италия		Южная Италия, Сицилия	Северная, Центральная			лесостепь	степь	
SH IIIC Spät, 1100-1085/80 Submykenisch, 1070/40-1000 гг. до н.э.	BF2, ок. 1060- 1035/10 гг. до н.э.	VBF II 3 A-B-C							
			VBF II 2 A-B-C						
				VBF II 1 A					

Рис. 5. Сопоставление древнейших смычковых двуспиральных фибул Северного Причерноморья с аналогичными изделиями из Подунавья, Италии и синхронизация времени бытования североиталийских фибул с периодами эгейской хронологии (даты синхронизации по Jung 2006: Abb. 24; Weninger, Jung 2009: Fig. 14)

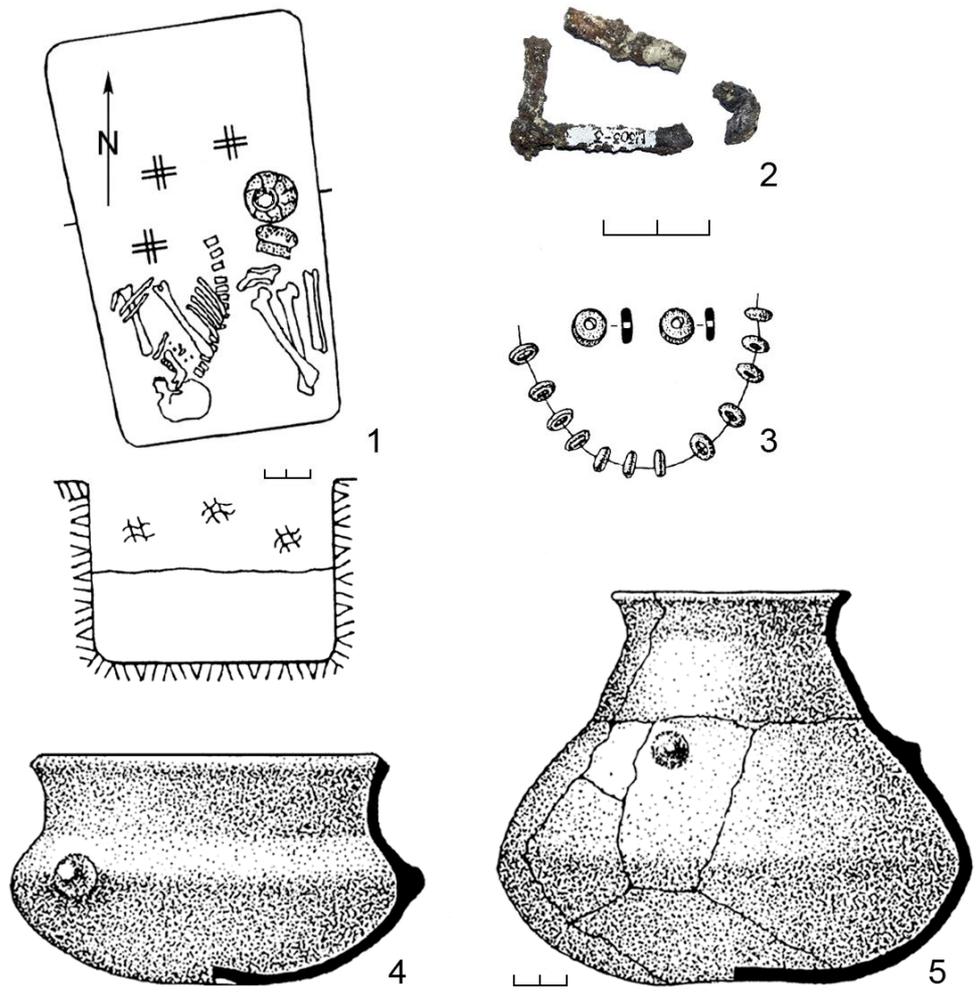

Рис. 6. Белозерская культура, могильник Казаклия, погребение 55. 1 – план погребения, 2-5 – погребальный инвентарь (2 – железо; 3 – стекло и две раковины; 4, 5 – обожженная глина)
(по Agulnikov 1996: fig. 19, 1-5; Kašuba 2008: Abb. 6, 7-11)

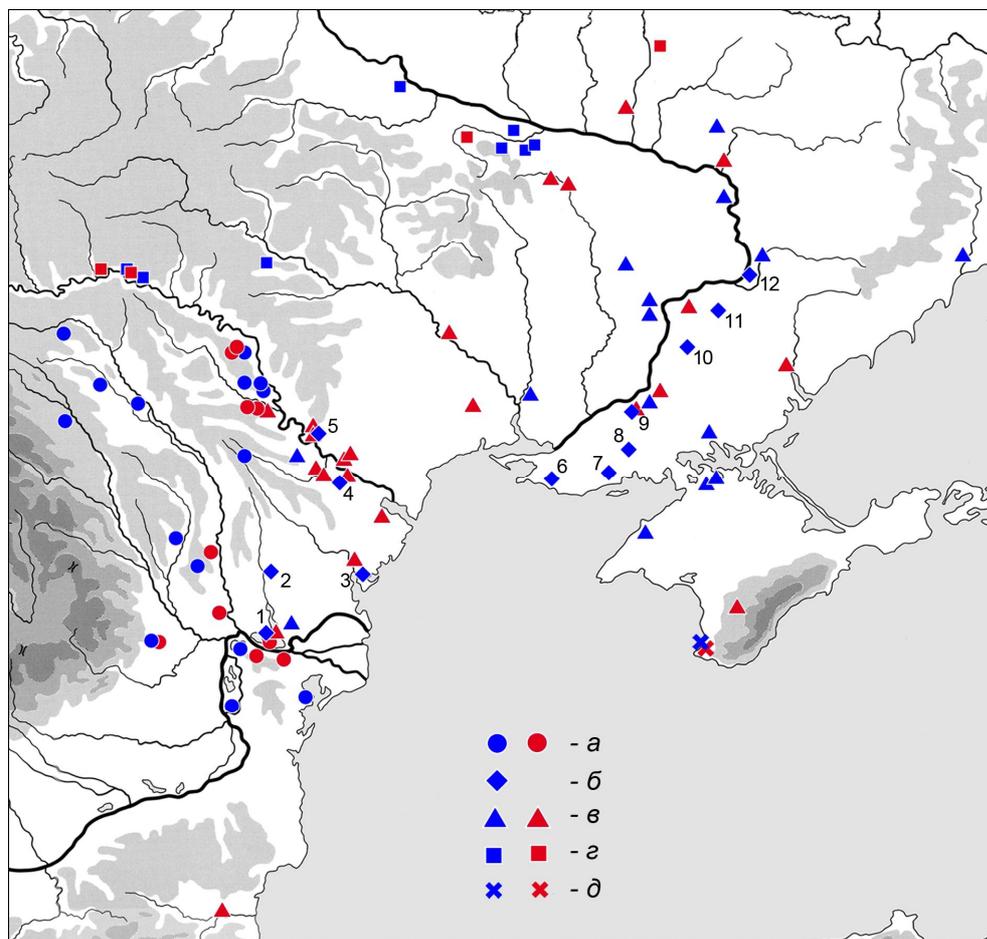

Рис. 7. Находки изделий из железа XI–VIII вв. до н. э. в Северном Причерноморье и Восточном Прикарпатье (цифрами обозначены только памятники белозерской культуры).
 1 – Будуржель; 2 – Казакия; 3 – Кочковатое; 4 – Хаджиллар; 5 – Похребя;
 6 – Збурьевка (Кучугуры); 7 – Широкий курган; 8 – Брилевка; 9 – Первомаевка;
 10 – Степной (Заповитне); 11 – остров Хортица. Условные обозначения: а – гальштаттские (карпато-дунайские) памятники: синий цвет – XI–X вв. до н. э., красный цвет – VIII в. до н. э.;
 б – белозерская культура, поздний этап, XI–X вв. до н. э.;
 в – раннекочевнические комплексы: синий цвет – IX в. до н. э., красный цвет – VIII в. до н. э.;
 г – лесостепные памятники Северного Причерноморья, разные культуры: синий цвет – XI–IX вв. до н. э., красный цвет – VIII в. до н. э.;
 д – кизил-кобинская культура: синий цвет – IX в. до н. э., красный цвет – VIII в. до н. э.

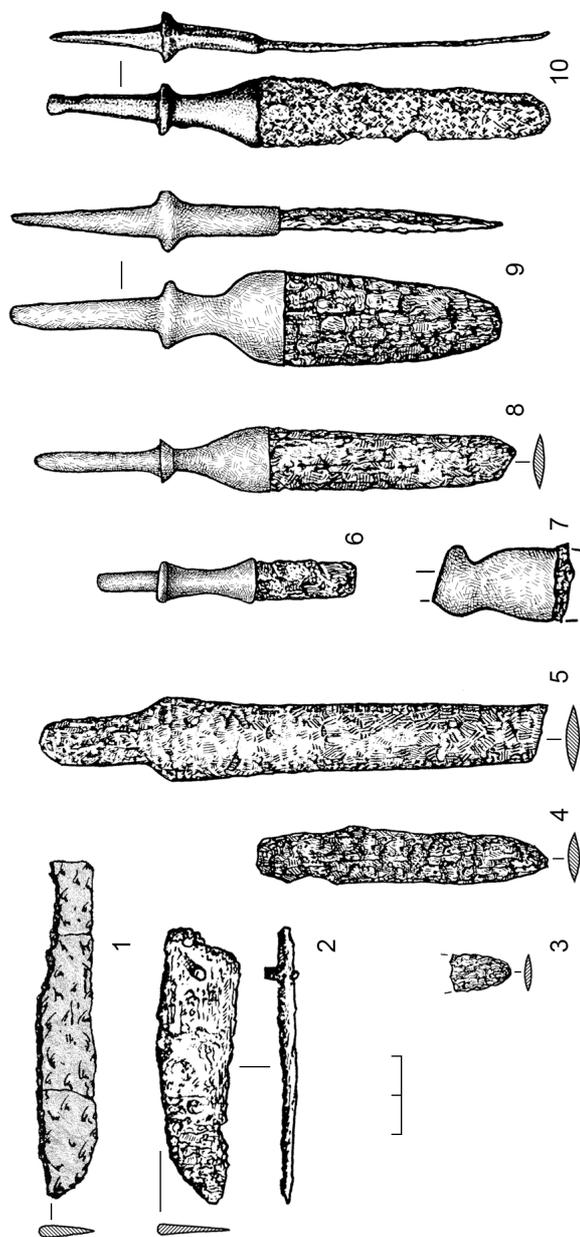

Рис. 8. Железные (1-5) и биметаллические (6-10) ножи белозерской культуры Северного Причерноморья (выборочно). 1 - Похребя, курган III, погребение 2; 2 - Первомаевка, груша I, курган 5, погребение 3; 3 - Казаклия, погребение 54; 4 - Будуржель (Плавни), курган XIV, погребение 4; 5 - Кочковогое, курган 29 погребение 2; 6 - Широкий курган; 7 - остров Хортица, поселение; 8 - Кочковогое, курган 31, погребение 1; 9 - Стелной (Заповитне), курган V, погребение 2; 10 - Хаджиллар, курган I, погребение 3

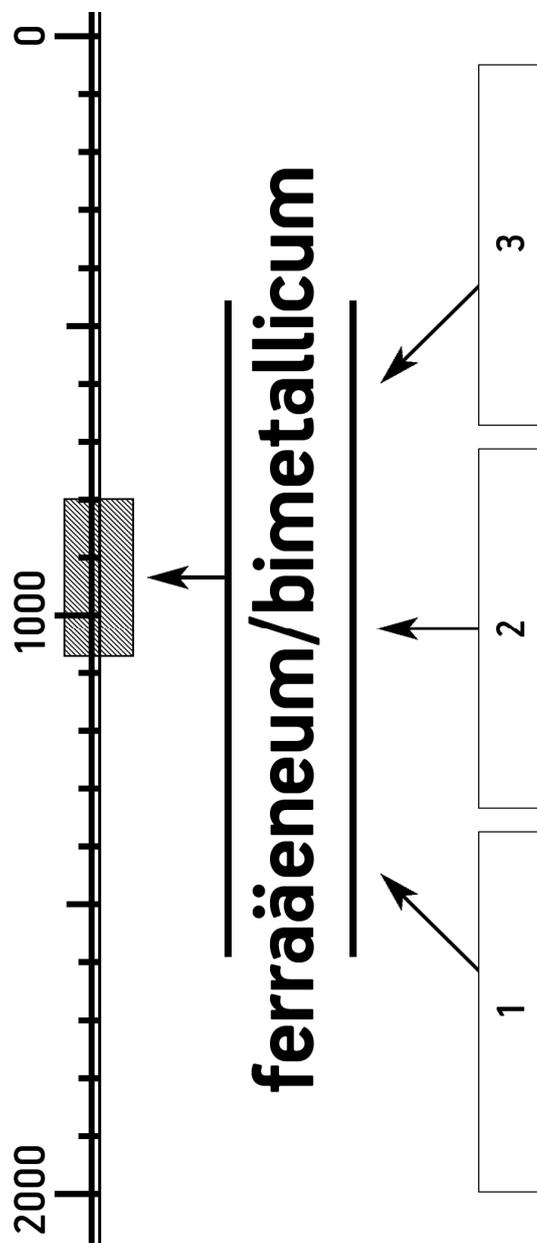

Рис. 10. Переходный период *ferrāeneum* или *биметалликум* в Северном Причерноморье Юго-Восточном Прикарпатье на шкале времени и его составляющие: 1 – хронологический аспект (около середины XI–IX в. до н. э.); 2 – технологический аспект («мягкое железо», биметаллические изделия); 3 – социо-экономический аспект (богатые погребения, в том числе со статусным костюмом – с фибулой и стеклянными бусами)

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б.

ПРЕДМЕТЫ БЫТА ИЗ МЕТАЛЛА С ХМЕЛЕВСКОГО I СЕЛИЩА

В статье публикуются металлические предметы из комплекса материальной культуры Хмелевского I селища – малого города Золотой Орды второй половины XIII–XIV в., расположенного в Саратовском Поволжье. В статье рассматриваются детали одежды (бусина, бубенчики), предметы быта (ножи и их муфты, гвозди, скобы, пробой, наперстки, обкладка оселка, кольцо, трубка, оковка, диск, альчик), торговли (держатель коромысла весов, грузики-пломбы) и культа (ушко энколпиона).

Ключевые слова: поселения, Золотая Орда, Нижнее Поволжье, Хмелевское I селище, материальная культура, детали одежды, предметы быта, торговли, культа

Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B.

METALLIC DAILY LIFE ARTICLES FROM HMELEVKA I SETTLEMENT

Metallic objects from the complex of material culture of Hmelevka I settlement, town of the Golden Horde of the second half of XIIIth – XIVth century, situated in Saratov Volga region, are published in the article. Clothes details (bead, little bells), daily life objects (knives and their couplings, nails, braces, shackles, thimbles, facing of whetstone, ring, tube, binding, disk, knucklebone), articles of trade (holder of scale-beam, weights-seals) and cult (eyelet of a cross-enkolpion) were considered in the article.

Keywords: settlements, the Golden Horde, the Low Volga region, Hmelevka I settlement, material culture, clothes details, objects of daily life, trade, cult

В статье публикуются металлические предметы повседневного быта из комплекса материальной культуры Хмелевского I селища – малого города Золотой Орды, который датируется второй половиной XIII – концом XIV в. Данные изделия из железа, сплавов меди, свинца и олова, найденные на поселении в ходе археологических разведок и раскопок Л.Ф. Недашковского, впервые вводятся в научный оборот.

В статье рассматриваются детали одежды, предметы быта, торговли и культа. Детали одежды представлены бусиной и бубенчиками. Бытовые изделия – ножи и их муфты, гвозди, скобы, пробойники, наперстки, обкладка оселка, кольцо, трубка, оковка, диск, альчик. Предметы торговли представлены держателем коромысла весов и грузиками-пломбами. Из культовых вещей было найдено ушко энколпиона. Также в коллекции представлены слиточки, всплеск металла и неопределенный предмет.

Из подъемного материала происходит половинка полой бусины (рис. 1, 1) из «чистой» меди [Недашковский, 2002. С. 338, 343. № 105].

Бубенчики (рис. 1, 2–3) представлены двумя двусоставными экземплярами, у одного из которых сохранилось ушко (рис. 1, 3), судя по отверстию имевшееся и у второго изделия (рис. 1, 2). Бубенчики могли использоваться как украшения одежды. Согласно результатам спектрального анализа один из предметов (рис. 1, 2) был изготовлен из латуни, а другой (рис. 1, 3) – из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом [Недашковский, 2002. С. 337–338, 343, 345. №№ 106, 142]. Подобные изделия известны в материалах Восточной Европы, Средней Азии и Сибири в IX–XIV вв. [Недашковский, 2001. С. 349–350, 360, рис. 1, 4–6; Nedashkovsky, 2004. P. 45–46, 224. Fig. 58, 4–6], в частности они были найдены на Увекском, Болгарском [Полякова, 1996. С. 196, 200–202, рис. 65, 28–29, 32–34], Царевском [Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974. С. 117. Табл. IV, 18] и Селитренном [Федоров-Давыдов, 1994. С. 194, 196, рис. 43, 3] городищах, а также в Новгороде [Седова, 1981. С. 156–157, рис. 62, 12–14].

Муфты ножей представлены 13 экземплярами различных форм (рис. 1, 4–15)¹, как литыми, так и вырезанными из металлического листа. Химический состав 9-ти исследованных муфт (рис. 1, 6–10, 12, 14–15) говорит о том, что они были изготовлены из «чистой» меди (рис. 1, 7, 9–10, №№ 118–120, 177) и сложных сплавов (рис. 1, 6, 8, 12, 14–15, №№ 90, 117, 121–122, 143), как правило, с высоким содержанием цинка [Недашковский, 2002. С. 337–338, 343–345. №№ 90, 117–122, 143; Недашковский, 2010. С. 148–149, 151. № 177]. Аналогичные изделия известны с поселений Нижнего Поволжья золотоордынского времени, в том числе с Увекского городища [Недашковский, 2001.

¹ Не приведенное на рисунке изделие происходит из подъемного материала 2000 г.

С. 353, 361, рис. 2, 1–26; Nedashkovsky, 2004. P. 47, 225, fig. 59, 1–26), Среднего Поволжья, например с Лаишевского селища [Руденко, Шайхутдинов, 1994. С. 68, рис. XXIV, 14–15), Хорезма, из курганов золотоордынских кочевников и из раскопок Белоозера [Захаров, 2004. С. 194, табл. 192, рис. 119, 1–7].

Наперстки представлены 2 экземплярами (рис. 1, 16, 18), они имеют высоту 16 и 18 мм, диаметр 15 и 17 мм соответственно. Согласно результатам спектрального анализа один из предметов (рис. 1, 16) был изготовлен из латуни, а другой (рис. 1, 18) – из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом [Недашковский, 2002. С. 337–339, 343. №№ 3, 99]; последнее изделие происходит из ямы 2, датируемой сарайским пулом Узбека 737 г.х. Наперстки находят аналогии на ряде памятников золотоордынского времени, в том числе на Увекском городище [Недашковский, 2001. С. 351, 360, рис. 1, 16; Nedashkovsky, 2004. P. 46, 224, fig. 58, 16].

Обкладка оселка (рис. 1, 17) представляет собой пластинку длиной 5,1 см, шириной 1,4 см и толщиной 1 мм. На одной из поверхностей нанесен орнамент в виде трех цветков, один из которых с шестью лепестками, а два – с пятью. Обкладка была отлита из латуни [Недашковский, 2002. С. 338, 345. № 146]. Три подобных позолоченных бронзовых изделия с серебряными ушками и тремя аналогичными цветочными розетками на каждом служили обоями каменной привески, найденной в золотоордынском погребении 1 кургана 1 у с. Козицкое в Саратовском Левобережье Волги [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С. 177–178, 322, табл. XIX, 7].

Всплеск металла (рис. 1, 19) свидетельствует о бронзолитейном производстве на территории селища. Согласно результатам спектрального анализа химический состав сплава представляет собой практически «чистую» медь [Недашковский, 2002. С. 338, 343. № 91].

Кольцо из дрота (рис. 1, 20) диаметром 2,8 см; толщина квадратного в сечении дрота из «чистой» меди [Недашковский, 2002. С. 338, 344. № 123] 6 мм.

Трубка (рис. 1, 21) диаметром 2,6 см, скрученная из тонкого листа; возможно, она является частью обкладки рукояти ножа, подобной найденным на Увекском городище [Недашковский, 2001. С. 353, 361, рис. 2, 32–33; Nedashkovsky, 2004. P. 47, 225, fig. 59, 32–33]. Химический состав говорит о том, что трубка была изготовлена из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом [Недашковский, 2002. С. 337–338, 345. № 145].

Золоченое 14-гранное массивное *ушко энколпиона* с зеленой и красной эмалью (рис. 1, 22) было отлито из бронзы. Подобная не декорированная деталь энколпиона, а также незаконченная половинка каменной литейной формочки для 14-гранных бронзовых ушек энколпионов известны с Увекского городища [Недашковский, 2000. С. 107, 109, рис. 30, 17, 25; Nedashkovsky, 2004. P. 49, 61–62, 69, 205, 245, fig. 36, 10, 82, B, 17, 25).

Неопределенный предмет (рис. 1, 23) был отлит из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом [Недашковский, 2002. С. 338, 345. № 148].

Оковка (рис. 1, 24) сундука или шкатулки размерами 9,1 x 6,7 см, имеет 6 отверстий, два из которых были повреждены при поломке предмета. Согласно результатам спектрального анализа химический состав сплава представляет собой «чистую» медь [Недашковский, 2002. С. 338, 343. № 98]. Оковка была найдена в яме 4, датируемой монетами 30-х – начала 50-х гг. XIV в.

Держатель коромысла весов (рис. 1, 25). Изделие выполнено в виде пластины с вырезом в виде арки, нижние концы заканчиваются петлями. В верхней более широкой части сделаны шесть сквозных отверстий, в одно из которых (верхнее) продето кольцо. Химический состав говорит о том, что предмет был отлит из оловянистой бронзы [Недашковский, 2002. С. 338, 345. № 147]. Параллель этому предмету, датируемая второй половиной X – началом XI в., найдена в материалах погребального инвентаря некрополя древнерусского Пскова [Колосова, Милютина, 1994. С. 122, 125, рис. 13, 1].

Диск (рис. 1, 26) имеет диаметр 4,3 см и небольшую толщину, посередине сделано отверстие; не исключено, что он мог служить муфтой ножа или шила. Согласно результатам спектрального анализа химический состав сплава представляет собой свинцово-оловянистую бронзу [Недашковский, 2002. С. 337–338, 345. № 144].

Слиточки (рис. 2, 1–3) имеют дисковидную форму; у двух изделий есть сквозное отверстие в середине, диаметр слиточков 1,7, 1,9 и 2,9 см. Химический состав [Недашковский, 2002. С. 338, 344–345. №№ 133–134, 150] говорит о том, что предметы были отлиты из «чистого» свинца (рис. 2, 2), сплавов свинца с оловом (рис. 2, 1) и олова со свинцом (рис. 2, 3).

Свинцовые грузики-пломбы представлены 15 экземплярами (рис. 2, 4–18). Можно полагать, что свинцовые грузики-пломбы служили для пломбирования тюков с товарами или связок шкур, так как в отдельных случаях внутри сплюсненной втулки аналогичных изделий встречаются обрывки проволочек или ниток. Размеры изделий следующие: диаметр от 1,8 до 2,3 см, высота – от 0,3 до 1,6 см (табл. 1). Согласно результатам проведенного спектрального анализа 13 изделий (рис. 2, 4–7, 9, 11–18), 10 из них было отлито из «чистого» свинца (рис. 2, 4, 9, 11–18) и лишь три (рис. 2, 5–7) – из сплава свинца с оловом [Недашковский, 2002. С. 338, 342, 344–345. №№ 80–82, 124–132, 149].

Выделяются два отдела по форме изделий, типы выделены по орнаменту.

Отдел А – усеченно-конические, с основанием, в центре которого расположена втулка (рис. 2, 4–5, 9–18). Тип 1 – с вертикальными насечками на боковой поверхности и со штриховкой в виде расходящихся лучей на верхнем основании (рис. 2, 10–14); аналогии известны на Увекском, Царевском, Болгар-

ском и Билярском городищах, а также Лаишевском селище [Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970. С. 157, рис. 7, 2; Недашковский, 1999. С. 101, 105-106, рис. 3, 19; Полякова, 1996. С. 240, 247-248, рис. 76, 12; Руденко, Шайхутдинов, 1994. С. 68, рис. XXIV, 29-30). Тип 2 – с орнаментом в виде миндалевидных насечек по верху основания и насечек на боковой поверхности (рис. 2, 4). Тип 3 – с вертикальными насечками на боковой поверхности и со штриховкой в виде расходящихся лучей, отходящей от пояса из выпуклых «жемчужин» на верхнем основании (рис. 2, 5). Тип 4 – с вертикальными насечками на боковой поверхности и орнаментом в виде завитков на верхнем основании (рис. 2, 9). Тип 5 – орнамент в виде сетчатой штриховки, заполняющей четыре треугольника на верхнем основании (рис. 2, 15-16). Тип 6 – изделия плохой отливки без орнамента (рис. 2, 17-18), у одного экземпляра конус был разрезан на 4 лепестка, которые затем были отогнуты к основанию (рис. 2, 18); подобные изделия происходят с Лаишевского селища [Руденко, Шайхутдинов, 1994. С. 68, рис. XXIV, 31-32].

Отдел Б. В виде плоской шайбы без выраженной втулки (рис. 2, 6-8). Тип 1 – усеченно-конической формы с орнаментом в виде насечек на боковой поверхности (рис. 2, 6). Тип 2 – в виде кружка с валиками по краю и в центре, с орнаментом в виде насечек на боковой поверхности (рис. 2, 7). Тип 3 – в виде шайбы с орнаментом из двух зон с насечками, во внешней из которых между насечками имеются кружки (рис. 2, 8).

Альчик (рис. 2, 19) был отлит из сплава свинца с оловом [Недашковский, 2010. С. 149, 151. № 179]. Известно, что астрагалы, в том числе их свинцовые отливки, являются нередкой находкой в золотоордынских городах – они использовались для игры в бабки [Федоров-Давыдов, 2001. С. 228]. Отлитый из свинца альчик известен из подъемного материала с I Измерского селища [Казаров, 1991. С. 155, 157, рис. 50, 9].

Ножи (рис. 2, 20-31, 3) были широко распространенными, часто используемыми орудиями, об этом свидетельствует большое количество находок этих предметов. Всего было обнаружено 27 ножей², большинство находок (17 экз.) происходят из раскопов, причем ряд из них (рис. 2, 29-30; 3, 2, 5-6, 8, 10-11, 13) – из ям, датированных монетами 30-х – начала 50-х гг. XIV в. Многие ножи сохранились фрагментарно, так что невозможно реконструировать их первоначальные размеры, лишь шесть экземпляров представлены практически целыми формами (рис. 3, 3, 6, 10-13) с длиной лезвия 4,7; 6,4; 8,2; 9,3; 10,9 и 11,3 см. По функциональному назначению можно выделить ножи универсальные и специальные (столярные). Изделия первой группы имеют прямую

² Не приведенные на рисунках изделия происходят из раскопа I-2000 (культурный слой, № 32, -71 см; яма 4, № 48, -108 см).

спинку (рис. 2, 20–29, 31; 3, 1–4, 7–13), а второй – горбатую (рис. 2, 30, 3, 5–6). Не исключено, что два ножа (рис. 3, 5, 12) могли служить в качестве бритв. Проанализированные металлографически ножи [Недашковский, Семькин, 2014. С. 32–35] были откованы из заготовок неравномерно науглероженной сырцово-стали (3 экз.), из цельносталей заготовок (12 экз.), из пакетного металла (3 экз.), а также с использованием техник цементации (3 экз.), V-образной наварки (1 экз.) и сварки стальной лезы в основу лезвия, откованную из простого кричного железа (1 экз.). Аналогии ножам имеются на многих средневековых памятниках Восточной Европы, в частности на древнерусских поселениях [Захаров, 2004. С. 201–202, табл. 236–247, рис. 155–160; Колчин, 1953. С. 71–81, рис. 34], на Увекском [Недашковский, 2001. С. 353, 361–362, рис. 2, 34–44; 3, 5, 8; Nedashkovsky, 2004. P. 47, 225–226, fig. 59, 34–44; 60, 5, 8], Болгарском [Савченкова, 1996. С. 28–36, табл. IV, рис. 9; 10, 6–14], Камаевском [Фахрутдинов, 1984. С. 140, 142, рис. 22] городищах, а также на многих селищах Среднего Поволжья [Казаков, 1991. С. 75–78, рис. 30, 15–34; Фахрутдинов, 1984. С. 148, 152, рис. 28].

Гвозди (рис. 4, 1–18) представляют собой средство крепежа и являются частыми находками на золотоордынских поселениях. Длина изделий (их найдено 23 экз.)³ от 2,8 см до 14 см, в сечении гвозди подпрямоугольные. Исследованные металлографически гвозди [Недашковский, Семькин, 2014. С. 33, 38] были откованы из кричного железа (4 экз.), из сырцово-стали (13 экз.), из цельносталей заготовок (5 экз.), из заготовки пакетного металла (1 экз.), причем два из перечисленных – с использованием технологий цементации (1 экз.) и термообработки (1 экз.). Изделия подобны предметам, найденным на территории Руси [Захаров, 2004. С. 210, табл. 315, рис. 207; Колчин, 1953. С. 124–126, рис. 97] и в Среднем Поволжье [Казаков, 1991. С. 65–66, рис. 25, 1–13].

Скобы (рис. 4, 19–24, 28) применялись для скрепления деревянных конструкций; изделий найдено 9 экз.⁴ Изготавливались они из тонкой (шириной 3–10 мм и толщиной 2–5 мм) прямоугольной в сечении железной планки, концы которой загибались под прямым углом и заострялись. Скобы были сделаны [Недашковский, Семькин, 2014. С. 33, 38] из кричного железа (2 экз.), из неравномерно науглероженной сырцово-стали (4 экз.) и из цельносталей заготовки (1 экз.). Примечательно, что скоба (рис. 4, 22) и пробой (рис. 4, 27) были найдены в яме 4, представляющей собой жилище, датированное монетами 30-х – начала 50-х гг. XIV в. Аналогичные изделия найдены на древнерус-

³ Не приведенные на рисунке изделия происходят из подъемного материала 2000 и 2002 гг., а также из раскопов I-2000 (яма 4, № 78, -112 см) и II-2000 (культурный слой: № 1, -24 см; № 5, -23 см).

⁴ Не приведенные на рисунке изделия происходят из ямы 4 раскопа I-2000 (№ 39, -99 см; № 43, -106 см).

ских памятниках [Захаров, 2004. С. 208, табл. 295, рис. 190], в золотоордынских напластованиях Болгарского городища [Савченкова, 1996. С. 50–52, 54, табл. XI, рис. 21, 10–15] и на селищах Среднего Поволжья [Казаков, 1991. С. 65–66, 68, рис. 25, 14–23].

Пробои (рис. 4, 25–27) представляли собой массивные железные стержни с петлей, заостренные на конце, подпрямоугольные в сечении. Исследованные металлографически пробои (2 экз.) были откованы из пакетованных заготовок [Недашковский, Семькин, 2014. С. 33, 38]. Подобные изделия известны на древнерусских памятниках [Захаров, 2004. С. 208, табл. 293–294, рис. 189] и в Среднем Поволжье [Казаков, 1991. С. 65, 67–68, рис. 25, 24–30, 34; 26, 28, 30; Савченкова, 1996. С. 50–51, табл. X, рис. 20, 1–5, 6, 9].

Представленная коллекция предметов золотоордынского времени (108 экз.), полученная в ходе археологических исследований Хмелевского I селища, позволяет сделать некоторые наблюдения и выводы. Сравним приведенные материалы с изделиями тех же категорий, происходящими с Увекского городища [См. напр.: Недашковский, 2000. С. 106–107, 109, 111; Недашковский, 2001. С. 349–364]. В материалах с Хмелевского I селища, в отличие от Укека, отсутствуют металлические пуговицы, детали бронзовых светильников, чашечки весов, весовые гирьки (однако имеется держатель коромысла весов) и литейные формы (хотя найдены всплеск металла и свинцово-оловянные слиточки). Обращает на себя внимание количественное преобладание в материалах Увекского городища бубенчиков, муфт ножей и предметов христианского культа. Напротив, отмечается массовость в материалах Хмелевского I селища ножей, гвоздей, скоб, пробоев и свинцовых грузиков-пломб, которые присутствуют на Увекском городище в меньшем количестве.

Таблица 1. Размеры грузиков-пломб.

		Диаметр основания (см)					Всего
		1,8	1,9	2,1	2,2	2,3	
Высота (см)	0,3			1			1
	0,4		1				1
	0,5				2		2
	0,6	1	1				2
	0,7	1			1	1	3
	0,8	1			1		2
	0,9				1		1
	1					1	1
	1,4			1			1
	1,6			1			1
Итого		3	2	3	5	2	15

Литература:

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Изд-во «Гилем», 1998. 335 с.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: «Индрик», 2004. 592 с.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Колосова И.О., Милотина Н.Н. «Большой курган» древнерусского некрополя Пскова (погребения 57 и 59) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков: Изд-во «Миклош», 1994. С. 110–127.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: Изд-во АН СССР, 1953. 260 с.

Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарее // Советская археология. 1970. № 3. С. 149–161.

Недашковский Л.Ф. Разведочные исследования золотоордынских памятников Саратовского района в 1993–1997 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1999. С. 100–107.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 224 с.

Недашковский Л.Ф. Металлические изделия и литейные формы с Увекского городища // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 21–23 ноября 2000 г.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 349–364.

Недашковский Л.Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2002. С. 335–347.

Недашковский Л.Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских селищ округа Укека // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 147–151.

Недашковский Л.Ф., Семькин Ю.А. Результаты металлографического анализа изделий из черного металла с золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (по материалам Хмелевского I и Багаевского селищ) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 31–43.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: Тип. «Татполиграф», 1996. С. 154–268.

Руденко К.А., Шайхутдинов Р.Р. Изделия из цветного металла Лаишевского селища // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1994. С. 66-71.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: Тип. «Татполиграф», 1996. С. 5-88.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 254 с.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 89-131.

Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress, 2004. 253 p.

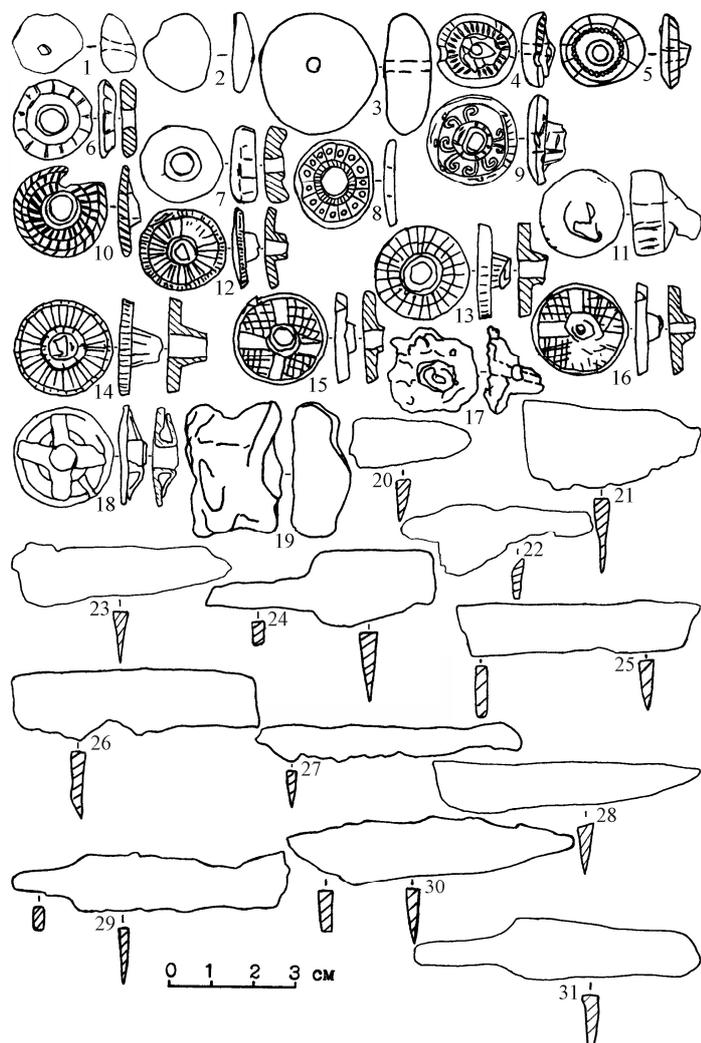

Рис. 2. Слиточки (1-3), грузики-пломбы (4-18), альчик (19) и железные ножи (20-31) с Хмелевского I селища. 1-4, 6-19, 21, 24-27 - Саратовский областной музей краеведения, подъемный материал Л.Ф. Недашковского 2000 (1-2, 6-7, 11-16, 18, 24, 26), 2001 (3, 17, 21, 27), 1999 (4, 9), 1998 (8, 10, 25) и 2002 (19) гг. 5, 29-30 - Саратовский областной музей краеведения, раскоп I-1999: 5 - яма 1 (№ 42, -157 см), 29-30 - яма 2 (№ 16, -174 см; № 44, -243 см). 20 - Саратовский областной музей краеведения, раскоп III, культурный слой (№ 1, -41 см). 22 - Саратовский областной музей краеведения, раскоп II-2000, культурный слой (№ 10, -69 см). 23, 28, 31 - Саратовский областной музей краеведения, раскоп I-2000: 23 - яма 5 (№ 47, -89 см), 28, 31 - культурный слой (№ 29, -61 см; № 33, -53 см).

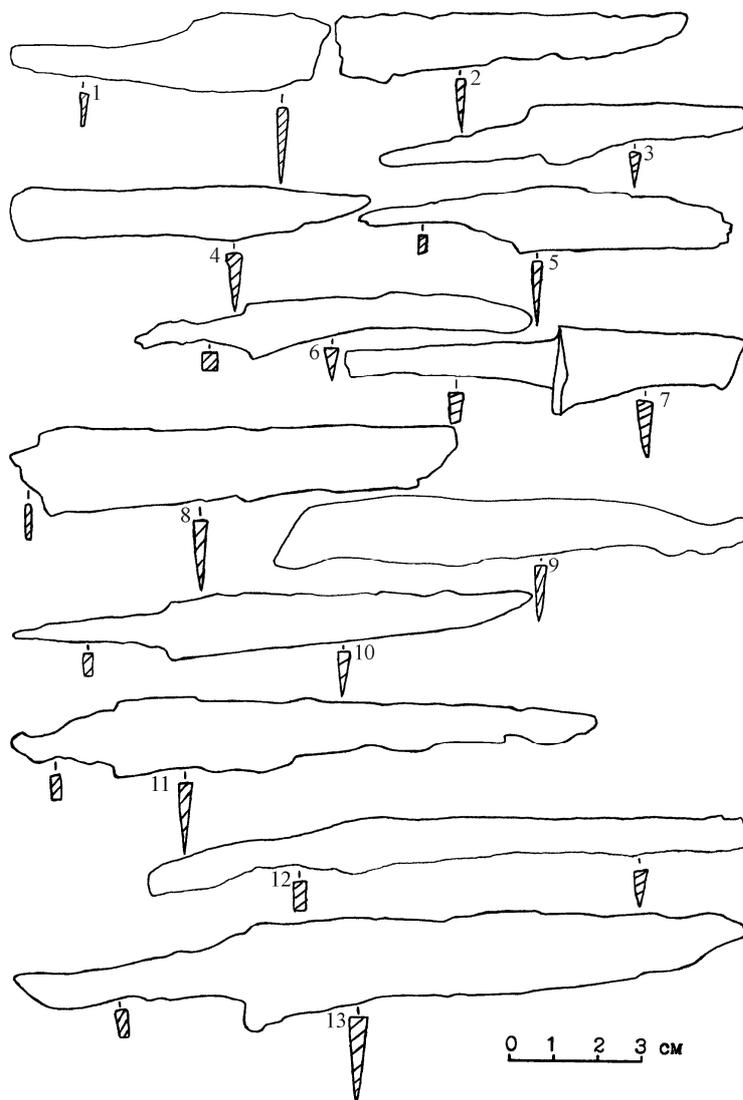

Рис. 3. Железные ножи с Хмелевского I селища.

- 1, 9 – Саратовский областной музей краеведения, раскоп I-2000:
 1 – культурный слой (№ 35, -49 см), 9 – яма 5 (№ 55, -125 см).
 2, 5–6, 8, 10–11, 13 – Саратовский областной музей краеведения, раскоп I-1999:
 2, 10–11, 13 – яма 2 (№ 11, -144 см; № 28, -215 см; № 37, -224 см; № 15, -149 см),
 5–6, 8 – яма 4 (№ 54, -99 см; № 36, -64 см; № 32, -103 см). 3–4, 7, 12 – Саратовский областной музей
 краеведения, подъемный материал Л.Ф. Недашковского 2000 (3) и 2001 (4,7,12) гг.

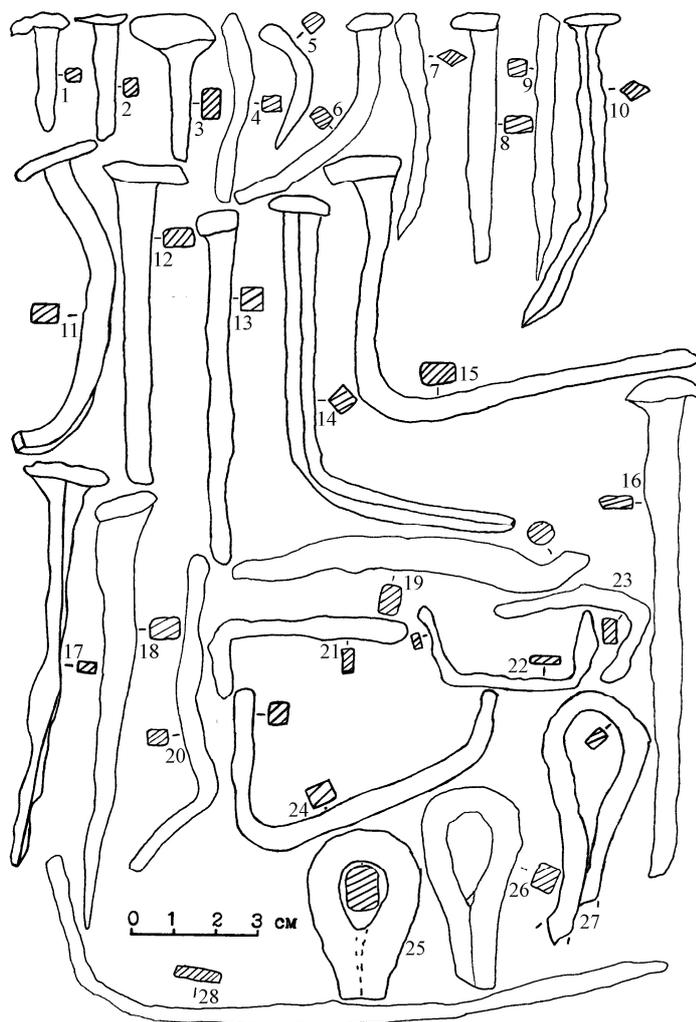

Рис. 4. Железные гвозди (1-18), скобы (19-24, 28) и пробойи (25-27) с Хмелевского I селища.
 1-2, 4, 7, 10 – Саратовский областной музей краеведения, раскоп II-2000, яма 1 (№ 4, -46 см;
 № 7, -50 см; № 13, -66 см; № 9, -70 см; № 11, -76 см).
 3, 6, 8-9, 12-16, 19, 21, 23, 25-26, 28 – Саратовский областной музей краеведения,
 подъемный материал Л.Ф. Недашковского 2001 (3, 6, 8-9, 12-16, 19, 21, 23, 26, 28) и 2000 (25) гг.
 11, 17, 22, 24, 27 – Саратовский областной музей краеведения, раскоп I-1999:
 11, 24 – культурный слой (№ 2, -38 см; № 1, -52 см), 17 – яма 5 (№ 52, -126 см),
 22, 27 – яма 4 (№ 51, -211 см; № 5, -78 см). 5, 18, 20 – Саратовский областной музей краеведения,
 раскоп I-2000, культурный слой (№ 26, -64 см; № 72, -101 см; № 27, -54 см).

Слонов В.Н.

ОБ ОДНОМ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ МИФЕ»
В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ И КОВАРСТВЕ
БЛОЧНО-ДИАГОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ

В работе рассматривается методология применения математических методов в археологии при решении задач, предполагающих построение математических моделей. Указывается, что часто встречающаяся среди археологов-«традиционалистов» точка зрения, что результат использования математической процедуры предопределен уже на начальном этапе постановки задачи, является следствием методологической некорректности подхода к процедуре формализации. Приводится пример методологически правильного применения математического метода в археологическом исследовании.

Ключевые слова: математические методы в археологии, археологический тип, блочно-диагональная матрица

Slonov V.N.

ABOUT ONE "METHODOLOGICAL MYTH"
IN ARCHEOLOGICAL SCIENCE AND INSIDIOUSNESS
OF BLOCK-DIAGONAL MATRICES

The paper addresses the methodology of applying mathematical methods in archeology for solving issues that involve the development of mathematical models. It is pointed out that the point of view that the result of using the mathematical procedure is predetermined at the initial stage of the problem formulation, often encountered among traditionalist archeologists, is a consequence of the methodological incorrectness of the approach to the formalization procedure. An example

of methodologically correct application of the mathematical method in archaeological research is given.

Keywords: mathematical methods in archeology, archaeological type, block-diagonal matrix

Любая отрасль научного знания обладает своим набором традиционно используемых методов. Как правило, такой набор весьма консервативен, и внедрение в него чего-то качественно нового – событие достаточно редкое и далеко не всегда сопровождаемое успехом. С другой стороны, зачастую именно с таким внедрением оказываются связаны серьезные прорывы и выходы на новый уровень понимания исследуемых объектов и явлений.

Для археологической науки подобной методологической инновацией стало применение математических методов. В отечественной археологии первая попытка внедрения этих методов пришлось на 60–70-е годы прошлого столетия, когда целая группа ученых обратилась к количественным методам с целью решения самых разных исследовательских задач. Здесь следует отметить в первую очередь таких ученых как Д.В. Деопик, И.С. Каменецкий, В.Б. Ковалевская, Г.А. Федоров-Давыдов и др. Своеобразным «манифестом» нового направления явился сборник «Статистико-комбинаторные методы в археологии» [Статистико-комбинаторные... М., 1970].

Однако вскоре оказалось, что за пределами задач описания и задач простого упорядочивания материала в виде создания информационных баз данных, для значительного большинства археологов математические методы являются не только непонятными, но и более того – методологически чуждыми. В результате в среде археологов-«традиционалистов» выработалось устойчивое убеждение, в печати по причине его «неполиткорректности» обычно не высказываемое, но часто звучащее в различных устных дискуссиях, что при использовании в археологии математического аппарата результат исследования оказывается predetermined уже на этапе постановки задачи, или в упрощенном виде: «что в математическую модель заложишь – то и получишь».

Однако данный тезис все-таки нашел свое выражение в эксплицитной форме, и при этом даже не в негативном, а в позитивном звучании. Правда, не генерализованно, а в частном случае применительно к проблеме выделения типа в археологии, но это едва ли может препятствовать его обобщающему характеру. Связано это с тем, что процедура выделения типа является едва ли не центральной в археологии, и в любом случае процедура выделения типа обязательно предполагает использование математического аппарата. И вот для этой процедуры в качестве методологического эталона ведущий мировой специалист по проблемам типологии Л.С. Клейн определил в качестве методологического эталона т. н. «системную стратегию» группировки:

«Ведь те исследователи, которые давно создали удачные, работавшие (и нередко работающие до сих пор) классификации, собственно говоря, поступали в духе этой стратегии: выделяя типы, ориентировались на имевшийся у них *заранее* (курсив мой – В. С.) ценностный образ культуры. Они делали незаконную, с точки зрения прежней стратегии, вещь: *подглядывали вперед* (курсив мой – В. С.), стараясь уловить, как будет вести себя намечаемый тип в культуре, в каких ситуациях окажется, ... с какими явлениями будет коррелировать. И, поймав положительную реакцию, выделяли тип наперекор любым логическим рамкам действовавшей классификационной процедуры, нарушая все правила и сбивая формальные, кодифицированные критерии.

На деле эти исследователи не из эмпирических корреляций выводили свои типы, подставляя под культурные определения, а наоборот – тайком ... выхватывали типы из культурной системы и налагали на эмпирические корреляции. А уж затем они старались найти логичное обоснование такого именно выделения и представить дело так, будто бы каждый тип с культурной значимостью выделился в ходе эмпирической корреляции самопроизвольно» [Клейн, 1991. С. 232].

Столь развернутая цитата понадобилась нам для того, чтобы по возможности без искажений представить методологическую концепцию Л.С. Клейна о том, как «правильно» следует выделять типы и фактической тождественности данной концепции представлениям археологов-«традиционалистов» о сути использования математических методов в археологии.

Показательным примером реализации идеологии Л.С. Клейна на конкретном археологическом материале может послужить работа В.С. Бочкарева, посвященная выделению периодов развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы [Бочкарев, 2016]. Выделение данных периодов базируется, по мнению исследователя, на использовании математической процедуры из области теории матриц. Для этого им была составлена таблица, в которой по вертикали (строки матрицы) заносились комплексы, а по горизонтали (столбцы матрицы) – типы металлических изделий. Факт наличия того или иного типа в каком-либо из комплексов отмечался специальным значком на пересечении соответствующих строки и столбца матрицы.

Главным методологическим моментом в цитируемой работе является то, что автором изначально и комплексы, и типы «располагаются в их *предполагаемой* (курсив мой – В. С.) хронологической последовательности» [Бочкарев, 2016. С. 115]. И далее – «если в хронологическом отношении комплексы и типы расположены правильно, то после заполнения таблицы на ее диагонали выстроятся в ряд несколько скоплений указанных значков». Ну, а как итог – «последовательность их расположения по диагонали таблицы по направле-

нию с левого верхнего угла сверху вниз к правому нижнему указывает вероятную хронологическую последовательность выделенных групп комплексов» [Бочкарев, 2016. С. 115].

Поскольку в данном случае речь идет об использовании математической процедуры, для анализа корректности получаемых на ее основе выводов следует прежде всего описать проведенную операцию на математическом языке.

Итак: объектом рассмотрения является прямоугольная в общем случае матрица размерности $m \times n$, где m – число ее строк, а n – столбцов. Матрица является булевой, т. е. элементами ее являются исключительно нули и единицы¹. В этой матрице производятся операции перестановки столбцов и перестановки строк таким образом, чтобы в итоге привести ее максимально близко к блочно-диагональному виду, т. е. к такому виду, когда вдоль диагонали матрицы от левого верхнего к правому нижнему углу располагаются прямоугольные «блоки», соприкасающиеся только своими вершинами, причем все единицы оказываются только внутри данных прямоугольных «блоков» (пример такой операции см. на рис. 1).

Следует пояснить слова «максимально близко». Дело в том, что лишь очень небольшой процент булевых матриц может быть полностью приведен к блочно-диагональному виду. Поэтому, как правило, для реальных булевых матриц, с которыми имеет дело археология, можно говорить лишь о приведении к квази-блочно-диагональному виду, когда некоторое количество единиц оказывается за пределами прямоугольных «блоков» (для исследователей это даже положительный момент, поскольку, опираясь на эти «выскакивающие» единицы, можно высказать некоторые суждения о взаимосвязи «блоков»).

Возвращаясь к логике рассуждений В.С. Бочкарева, на математическом языке его аргументация может быть представлена следующим образом: если прямоугольная булева матрица путем перестановок строк и столбцов в предполагаемую хронологическую последовательность может быть приведена к квази-блочно-диагональному виду, факт приведения матрицы именно к такому виду является подтверждением справедливости выстроенной хронологической последовательности.

Данная аргументация действительно могла бы рассматриваться как логически оправданная и демонстрирующая получение исторически значимого вывода на основе использования математического метода, если бы было выполнено одно важное условие. Этим условием является ЕДИНСТВЕН-

¹ В.С. Бочкаревым используется 2 типа значков – «светлые» и «затемненные» квадраты, но при оценке «скоплений» различия между ними не делается – потому без ущерба для смысла оба типа могут быть заменены единицами. Кроме того, у В.С. Бочкарева в ряде клеток присутствует еще знак «?», мы наличие такого значка рассматривали как эквивалент нуля.

НОСТЬ приведения исходной матрицы к квази-блочной-диагональному виду. Однако это совсем не так.

Возьмем матрицу В.С. Бочкарева (табл. 1, приложение 1)² и произведем ряд перестановок строк и столбцов (табл. 2, приложение 2). Полученная в результате этих перестановок матрица также является квази-блочной-диагональной, и число этих блоков так же, как и у В.С. Бочкарева, равно 8. Но при этом по 2 формальным показателям ее «блочная диагональность» ЛУЧШЕ, чем у его матрицы: во-первых, собранное в блоки число единиц равно 431, тогда как у В.С. Бочкарева – 407, а, во-вторых, в нашем случае «плотность» единиц, принадлежащих «блокам» (число единиц в «блоках», деленное на суммарную площадь этих «блоков»), равно 0,197 при том, что у В.С. Бочкарева – 0,177. Однако в нашей матрице место блоков I и II (т. н. «ранний покровск» и «поздний покровск») занял один объединенный блок, куда еще добавились несколько типов из «нулевого» блока (абашево). Кроме того, из блока V (красномяцкая группа) оказалась выделенной его часть в виде самостоятельного блока, и она заняла положение ПЕРЕД блоком IV В.С. Бочкарева (лобойковско-дербеденевская группа), в то время как другая красномяцкая часть по-прежнему следует ЗА ним.

Все проведенные операции проделаны нами не для содержательного спора с уважаемым В.С. Бочкаревым, а для того, чтобы показать, что сделанные им выводы вовсе не являются следствием примененного математического метода, а представляют собой хороший пример «подглядывания вперед» с дальнейшим «логичным обоснованием именно такого выделения», взятого Л.С. Клейном за методологический эталон³. Подчеркнем еще раз во избежание каких-либо недоразумений: мы не выдвигаем в противовес В.С. Бочкареву какой-либо новой содержательной интерпретации материала, предметом нашего изучения является то, как связаны сформулированные им выводы с использованным математическим методом. И главный вывод такой – принимая во внимание неединственность приведения матрицы к квази-блочной-диагональному выводу, использованный В.С. Бочкаревым математический метод является не ОСНОВАНИЕМ, а ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ заранее известной позиции автора.

Однако нам все-таки представляется, что использование математических методов для иллюстрации заранее известных выводов – это не совсем то, для чего эти методы созданы. А созданы они для получения нового знания, но

² Мы здесь для удобства работы представили таблицу в формате Excel. Нумерация строк и столбцов повторяет нумерацию строк и столбцов исходной матрицы В.С. Бочкарева.

³ То обстоятельство, что Л.С. Клейн говорит не вообще о применении математических методов, а конкретно о выделении типа, ничего по сути не меняет, ведь при любом способе выделения типа формально-математическая процедура есть необходимый логический элемент.

только методологически корректное их использование способно привести к данному результату. Хорошим примером такого использования является, например, развитие науки физики, а базовым методологическим условием является то, что иногда условно называется учеными-естественниками «принципом метро».

Суть данного принципа состоит в следующем. «Входом» процесса является постановка исследовательской задачи. Это – «вход в метро». Далее выбирается тот математический метод, который, с точки зрения исследователя, адекватен поставленной задаче и может в итоге привести к ответу на поставленный вопрос. А вот дальше происходит движение уже не по желанию исследователя, а по логике и правилам используемого метода. Это – «путь в метро», и определяется он не волей «пассажира», а структурой самого «метро». И, наконец, на завершающем шаге происходит «выход из метро», когда надо «выйти и осмотреться» с целью понимания того, где исследователь оказался в итоге. Благодаря только такому использованию математических методов может появиться действительно новое знание, а получаемые модели смогут обладать прогностической функцией, как и положено по-настоящему серьезному теоретическому знанию.

Отрадно, что эффективное использование математических методов отнюдь не является монополией ученых-естественников. В археологической науке также имеются примеры подобного рода, и, в частности, к их числу принадлежит работа Г.А. Федорова-Давыдова «Археологическая типология и процесс типобразования (На примере средневековых бус)» [Федоров-Давыдов, 1981. С. 267-317]⁴.

В работе Г.А. Федорова-Давыдова предметом исследования являются бусы 7 групп средневековых комплексов: городищ VII–VIII вв. из области Кердер на севере Хорезмского оазиса, северо-кавказских могильников VI–VII вв., северо-кавказских могильников VIII–IX вв., грунтового могильника у Саркела XI в., Танкеевского могильника IX–X вв. из Татарстана, I Поломского могильника VIII–X вв. из Прикамья и из Селитренного городища в Нижнем Поволжье (Сарай-Бату) XIV в.

Для описания бусин используется 8 признаков: количество отверстий, материал, техника исполнения, форма, пропорции, цвет, прозрачность и наибольший размер. В каждом из признаков выделены его значения – от 2 до 88. Базовым объектом рассмотрения является т. н. «разновидность» – всякое сочетание значений признаков. В качестве целей исследования были опреде-

⁴ Интересно отметить, что к числу примеров методологически правильного и эффективно-го использования математических методов принадлежит и одна из ранних работ самого Л.С. Клейна (Клейн, 1970. С. 165-179). Но данное обстоятельство более соответствует предмету изучения историков науки, чем настоящего исследования.

лены: выявление структуры связей признаков, а также значений этих признаков, установление иерархии признаков как основы их таксономического статуса, определение на этой основе понятия «тип» и изучение закономерностей типобразования.

Для решения поставленных задач был применен математический аппарат теории информации. В качестве ключевого показателя использовалась энтропия – мера неопределенности и неравномерности распределения. На ее основе определялись информативность признаков и коэффициент неравномерности распределения по значениям признака.

В результате анализа было выявлено 3 группы признаков:

- 1) признаки с малой информативностью и высоким коэффициентом неравномерности;
- 2) признаки с большой информативностью и средним коэффициентом неравномерности;
- 3) признаки с малой информативностью и малым коэффициентом неравномерности.

Признаки первой группы по таксономическому статусу были отнесены к категории, второй – к типу, третьей – к варианту.

Далее вводилось понятие коэффициента связи между значениями признаков у разновидностей и критерий, по которому эта связь определялась как значимая. В том случае, если разновидность имела полностью связанное ядро типобразующих признаков при отсутствии отрицательных связей между другими признаками, она признавалась «сильным типом». Если ядро было не полностью связанным, разновидность объявлялась «слабым типом». Если в ядре разновидности было мало типобразующих связей или присутствовали отрицательные связи, она называлась «нетипичной». Одновременно вводился показатель массовости на основе определенного порогового критерия.

Итогом проводимого анализа оказалось обнаружение следующих разрядов разновидностей:

- массовые сильные типы;
- редкие сильные типы;
- массовые слабые типы;
- редкие слабые типы;
- массовые нетипичные разновидности;
- редкие нетипичные разновидности.

Важнейшим результатом исследования явилось выявление возможности существования сильных, но одновременно – редких типов, что означает обособление друг от друга таких понятий, как «массовость» и «типичность». Этот результат НИКАК НЕ БЫЛ ЗАЛОЖЕН ИЗНАЧАЛЬНО, более того – он оказался в каком-то смысле неожиданным, т. е. в данном случае мы имеем

классическую реализацию методологического «принципа метро». Продуктивность проведенного анализа и значимость полученных выводов наглядно подтверждаются полученной возможностью подойти к определению типа с новых позиций и дать развернутую картину процесса типобразования:

«... вначале выделяются массовые значения признаков. В силу их массовости и распространенности мастера часто помещают их вместе на одном изделии, не задаваясь, однако, специально этой целью (в результате образуются нетипичные массовые разновидности на восходящем этапе типобразования). Затем удачно найденные сочетания признаков становятся привычными, формируются образцы складывающегося типа, и мастера теперь соединяют определенные значения признаков осознанно (возникают типические массовые разновидности). При выходе из моды они, утрачивая свою массовость, все еще сохраняют сходство с когда-то созданными образцами, или, говоря иначе, сохраняют специально соединенные определенные значения признаков (возникают редкие типы как пережитки бытовавших когда-то в другое время или где-то в другом районе массовых типических разновидностей)» [Федоров-Давыдов, 1981. С. 296].

Представляется несомненным, что получение результатов такого уровня глубины, причем заранее никак не предугадываемых, оказалось возможным не просто за счет использования математических методов, а благодаря тому, что эти методы применялись в полном соответствии с канонами их использования, включая «принцип метро». А представления о том, что результат применения математического метода заранее predetermined, и поэтому его использование бесполезно, либо о том, что оно полезно, но только если удалось «подсмотреть» итоговый результат, едва ли могут быть признаны методологически правомерными.

Литература:

Бочкарев В.С. Периоды развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // АВЕС. Вып. 12. Саратов, 2016.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.

Клейн Л.С. Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии / Под общей редакцией В.А. Колчина и Я.А. Шера. М., 1970.

Статистико-комбинаторные методы в археологии / Под общей редакцией В.А. Колчина и Я.А. Шера. М.: Наука, 1970. 220 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Археологическая типология и процесс типобразования (На примере средневековых бус) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М.: Наука, 1981.

Приложение 1. Местоположение единиц в матрице В.С. Бочкарева

	<i>Номера столбцов</i>		<i>Номера столбцов</i>
<i>Строка 1</i>	2; 3	<i>Строка 80</i>	47; 56
<i>Строка 2</i>	1; 9	<i>Строка 81</i>	46; 47
<i>Строка 3</i>	3; 12	<i>Строка 82</i>	48; 54; 62
<i>Строка 4</i>	7	<i>Строка 83</i>	43; 49; 54
<i>Строка 5</i>	5; 7	<i>Строка 84</i>	50; 53; 54; 56
<i>Строка 6</i>	4; 6; 7; 8; 10; 11	<i>Строка 85</i>	42; 48; 54; 57
<i>Строка 7</i>	8; 11	<i>Строка 86</i>	53; 54; 59
<i>Строка 8</i>	5; 8; 11	<i>Строка 87</i>	32; 40; 43; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58
<i>Строка 9</i>	5; 11	<i>Строка 88</i>	40; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 61
<i>Строка 10</i>	5; 10; 11; 14	<i>Строка 89</i>	52; 53; 54; 56
<i>Строка 11</i>	6; 9; 10; 11; 14; 15	<i>Строка 90</i>	53; 54; 55; 56
<i>Строка 12</i>	9; 10; 11; 12; 14	<i>Строка 91</i>	50; 54; 56; 57
<i>Строка 13</i>	9; 10; 11; 12; 13	<i>Строка 92</i>	45; 49; 52; 53; 54; 55; 56; 58
<i>Строка 14</i>	5; 10; 11; 12; 13	<i>Строка 93</i>	42; 45; 49; 52; 53; 54; 56; 58
<i>Строка 15</i>	9; 10; 11; 12; 13	<i>Строка 94</i>	42; 51; 52; 56; 62
<i>Строка 16</i>	3; 9; 10; 14	<i>Строка 95</i>	42; 52; 59; 60
<i>Строка 17</i>	3; 10; 11; 16	<i>Строка 96</i>	43; 54
<i>Строка 18</i>	15; 17	<i>Строка 97</i>	52; 54
<i>Строка 19</i>	4; 17	<i>Строка 98</i>	54; 56; 58
<i>Строка 20</i>	9; 11; 12	<i>Строка 99</i>	46; 59
<i>Строка 21</i>	11; 13; 14	<i>Строка 100</i>	62; 63; 64
<i>Строка 22</i>	21	<i>Строка 101</i>	62; 63; 64
<i>Строка 23</i>	18	<i>Строка 102</i>	59; 63; 64; 67
<i>Строка 24</i>	20; 23; 24	<i>Строка 103</i>	63; 64; 65; 66
<i>Строка 25</i>	21; 22	<i>Строка 104</i>	61; 64; 65; 69; 70
<i>Строка 26</i>	21; 23; 24; 27	<i>Строка 105</i>	63; 64; 65; 69
<i>Строка 27</i>	21; 23	<i>Строка 106</i>	63; 65; 66; 68
<i>Строка 28</i>	20; 21; 22; 24; 25; 26	<i>Строка 107</i>	62; 63; 65; 66; 68; 70
<i>Строка 29</i>	20; 22; 25	<i>Строка 108</i>	62; 63; 64; 65; 66; 70
<i>Строка 30</i>	20; 22; 25	<i>Строка 109</i>	61; 64; 65; 72
<i>Строка 31</i>	21; 23	<i>Строка 110</i>	60; 65; 72; 73; 83
<i>Строка 32</i>	20; 21; 22; 24; 25	<i>Строка 111</i>	61; 63; 64; 65; 66; 67; 72
<i>Строка 33</i>	22; 25	<i>Строка 112</i>	62; 63; 64; 65; 66; 67; 68; 74; 82
<i>Строка 34</i>	22; 26	<i>Строка 113</i>	61; 62; 63; 68; 71; 72; 74; 75; 76; 77
<i>Строка 35</i>	22; 26	<i>Строка 114</i>	64; 65; 66; 75; 76; 77
<i>Строка 36</i>	15; 22	<i>Строка 115</i>	75; 79; 82
<i>Строка 37</i>	18; 21; 28; 32	<i>Строка 116</i>	56; 60; 61; 74; 76; 77; 78; 79
<i>Строка 38</i>	20; 28	<i>Строка 117</i>	61; 75; 76; 77
<i>Строка 39</i>	20; 29	<i>Строка 118</i>	60; 61; 80
<i>Строка 40</i>	21; 28	<i>Строка 119</i>	80; 81
<i>Строка 41</i>	29; 30	<i>Строка 120</i>	61; 62; 80; 81
<i>Строка 42</i>	21; 28	<i>Строка 121</i>	61; 71; 78; 80; 81
<i>Строка 43</i>	14; 29; 30	<i>Строка 122</i>	61; 73
<i>Строка 44</i>	18; 28	<i>Строка 123</i>	63; 65; 91

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Строка 45	29; 30	Строка 124	63; 91
Строка 46	26; 29	Строка 125	61; 66; 84; 88
Строка 47	29; 31	Строка 126	84; 85; 93
Строка 48	25; 31	Строка 127	76; 77; 90; 91
Строка 49	25; 31	Строка 128	79; 86; 94
Строка 50	14; 19; 31	Строка 129	61; 85; 94; 95
Строка 51	20; 27	Строка 130	64; 65; 78; 81; 94; 95
Строка 52	8; 21; 27	Строка 131	63; 88; 94; 95
Строка 53	21; 34	Строка 132	93; 94; 95
Строка 54	21; 33	Строка 133	83; 93; 94; 95; 96
Строка 55	14; 37	Строка 134	83; 89; 94; 95; 96
Строка 56	36; 37	Строка 135	86; 92; 94; 96
Строка 57	31; 36	Строка 136	66; 69; 70; 89; 94
Строка 58	36; 37	Строка 137	92; 94
Строка 59	30; 36	Строка 138	83; 87; 92; 96
Строка 60	14; 37	Строка 139	81; 84
Строка 61	30; 36	Строка 140	90; 93; 96
Строка 62	14; 37	Строка 141	92; 96
Строка 63	14; 29; 37	Строка 142	97
Строка 64	21; 35; 41; 42	Строка 143	96; 107
Строка 65	21; 38	Строка 144	96; 105
Строка 66	35; 38	Строка 145	96; 102
Строка 67	14; 19; 21; 28; 31; 32; 38; 39	Строка 146	87; 96; 99; 103
Строка 68	38; 39	Строка 147	87; 101
Строка 69	38; 39	Строка 148	100; 101; 102; 103; 104
Строка 70	38; 40; 41	Строка 149	96; 98; 99; 100; 101; 102; 103
Строка 71	34; 38	Строка 150	96; 97; 98; 99; 101
Строка 72	39; 44	Строка 151	90; 104
Строка 73	28; 44	Строка 152	98
Строка 74	38; 43; 52	Строка 153	94; 100
Строка 75	38; 43	Строка 154	97; 105
Строка 76	38; 54	Строка 155	98; 106
Строка 77	38; 54	Строка 156	96; 106
Строка 78	40; 51; 53; 58	Строка 157	105; 107
Строка 79	55; 56		

Приложение 2. Последовательность строк и столбцов
в преобразованной матрице*

Строки: 1-21; 23; 22; 24-71; 100-103; 108; 105; 112; 111; 107; 106; 109; 114; 72-99; 104; 110; 113; 115-157.

Столбцы: 1-17; 19; 18; 29; 31; 22; 20; 23; 21; 32; 30; 24; 28; 25-27; 33-42; 63; 64; 67; 66; 62; 65; 68; 70; 43-61; 69; 71-107.

* Номера строк и столбцов соответствуют номерам строк и столбцов матрицы В.С. Бочкарева.

$$\begin{array}{c} \text{столбцы} \\ \text{строки} \end{array} \begin{array}{c} 1 \quad 2 \quad 3 \quad 4 \quad 5 \quad 6 \quad 7 \\ \left(\begin{array}{ccccccc} 0 & 1 & 0 & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 1 & 0 & 0 & 0 & 1 & 1 & 0 \\ 1 & 0 & 0 & 0 & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & 0 & 0 & 0 & 1 \end{array} \right) \end{array} \rightarrow \begin{array}{c} 2 \quad 4 \quad 1 \quad 6 \quad 5 \quad 3 \quad 7 \\ \left(\begin{array}{ccccccc} 1 & 1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & 1 & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & 0 & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 1 & 1 \end{array} \right) \end{array}$$

Рис. 1. Пример преобразования матрицы.

Таблица 1. Матрица В.С. Бочкарева

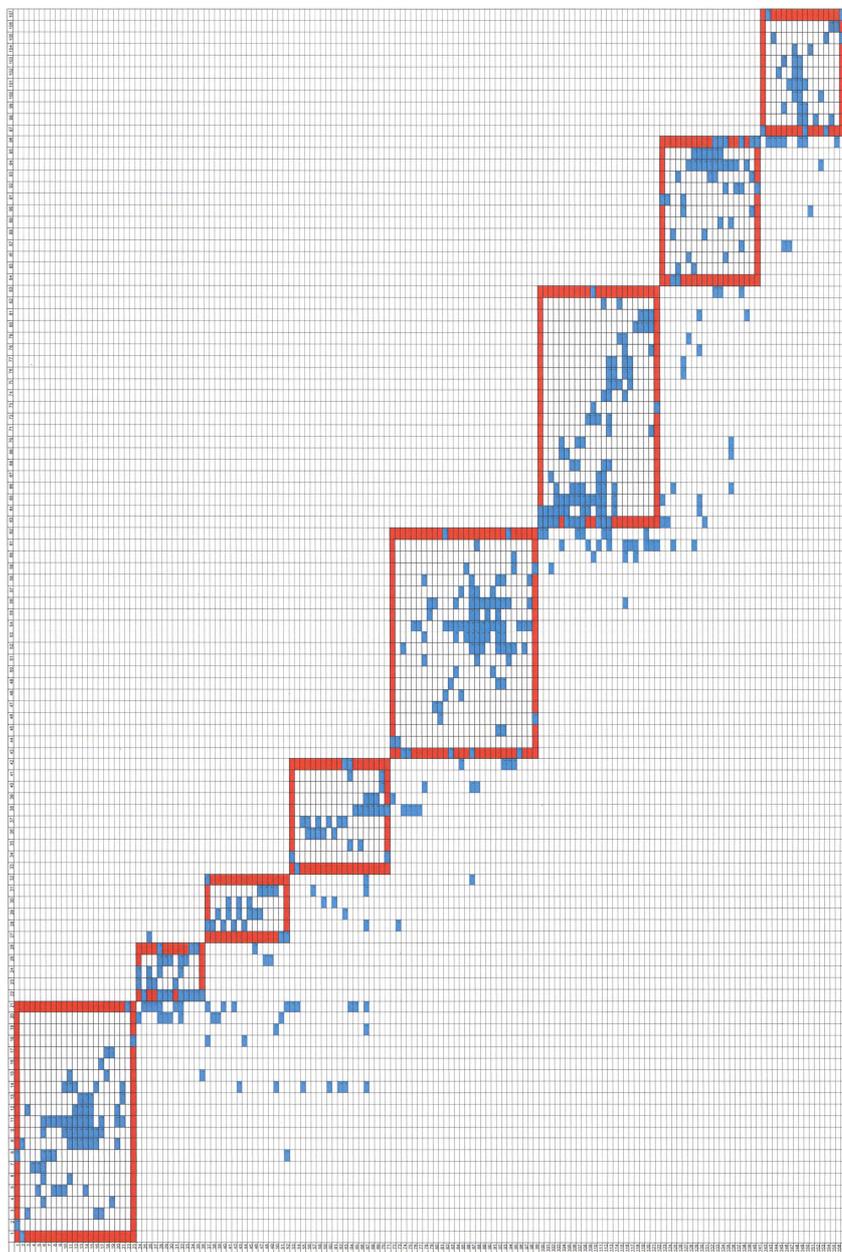
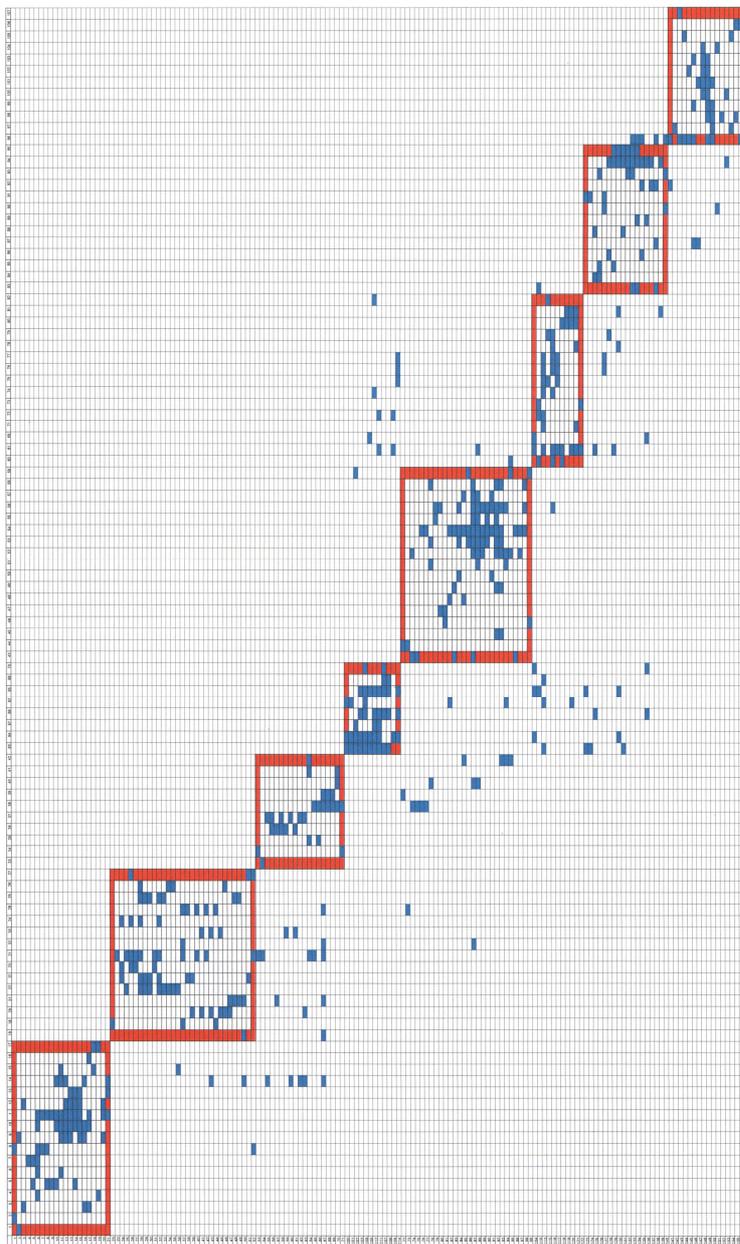

Таблица 2. Матрица преобразованная

ПУБЛИКАЦИИ

*Каргин Ю.Ю., Матаев В.В.,
Сурков А.В.*

КУРГАН ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ «ЕЯ 9»
В ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ
(по материалам раскопок 2014 г.)

В публикации представлены материалы кургана «Ея 9», исследованного в Восточном Приазовье в 2014 г. Из трех погребений, выявленных в кургане, наиболее интересен основной комплекс коллективного захоронения № 3 в Т-образной катакомбе, который авторы относят к восточноприазовской раннекатакомбной культуре и датируют в пределах 2600–2300 гг. до н. э. Основанием для этого служат такие признаки, как курганная насыпь, сложенная из земляных блоков; склеповый характер раннекатакомбного погребального комплекса; ритуальная площадка; жертвенник; символика орудий металлообработки. Это расценивается как отражение высокого социального статуса группы взрослых мужчин, по-видимому, связанных не только профессиональной идеей, но и семейно-кровными узами. Безынвентарные погребения 1, 2 впущены в курган на посткатакомбном переходном этапе.

Ключевые слова: средняя бронза; курган; Восточное Приазовье; катакомбная культура; посткатакомбный период; символика металлообработки

*Kargin Yu.Yu., Matayev V.V.,
Surkov A.V.*

THE EYa 9 MOUND OF THE MIDDLE BRONZE EPOCH
IN THE EASTERN AZOV REGION
(based on the 2014 excavation data)

The paper deals with the materials from the *Eya 9* mound examined in the Eastern Azov Region in 2014. Of the three burials revealed in the prin-

cipal complex from the joint burial № 3 in the T-shaped catacomb is regarded as the most interesting one. The authors assign it to the east-Azov early catacomb culture and date it back to 2600–2300 BC. This is based on such features as the mound body made of earthen blocks; vault character of the early catacomb burial complex; ritual site; table of oblation; symbolism of metalworking tools. This is regarded as reflection of the high social status of a group of male adults, probably linked not just with professional intentions, but with family and blood ties, as well. Burials 1, 2, with no implements available, were introduced into the mound during the post-catacomb transitional stage.

Keywords: Middle Bronze, mound, Eastern Azov Region, catacomb culture, post-catacomb period, symbolism of metalworking

Осенью 2014 г. проводились охранные раскопки в Восточном Приазовье, на территории Ростовской области и Краснодарского края. Прежде археологические исследования курганов здесь осуществлялись лишь в 1970-е – 1980-е гг., при сооружении оросительных систем.

Курган «Ея 9» выявлен в 2011 г. И.В. Цокур на юго-восточном склоне водораздела рек Ея и Горькая, в 3,5 км к северо-востоку от ст. Новопокровской, на пахотном поле (рис. 1, 2). Диаметр округлой земляной насыпи 38 м, высота на дневной поверхности 0,3 м, ее снятие проводилось при помощи землеройной техники.

Для стратиграфических наблюдений были оставлены три бровки – центральная (осевая), западная и восточная, ориентированные в меридиональном направлении. Древняя насыпь кургана фиксировалась в центральной бровке, её диаметр составлял 18,8 м, высота – 1,02 м. По литологическим составляющим наиболее информативен западный фас осевой бровки.

Стратиграфия кургана (рис. 3).

1. Пахотный слой – тёмно-серая рыхлая гумусированная супесь, прослеживается на всем протяжении профиля, толщина от 0,24 м в центре до 0,32 м в полах насыпи.

2. Насыпь 1 – светло-серая супесь, прослеживается на протяжении 8 м к северу и 10,8 м к югу от «0R», мощность до 1,02 м в центральной части профиля. Пятнистая фактура насыпи (включения глыб тёмного и светло-жёлтого материкового суглинка) предположительно обусловлена использованием для её сооружения грунтовых блоков. Относительно крутые склоны могут свидетельствовать о её первоначальной форме в виде усечённого конуса. За пределами насыпи прослежен слой тёмно-серого суглинка мощностью до 0,9 м.

В 6 м к югу от «0R», под пахотным слоем зафиксирована материковая наброска на древнюю насыпь кургана – выкид из грабительской(?) ямы 2. Её протяжённость – 4 м, мощность – до 0,23 м. В 1,6 м к северу от «0R» под пахот-

ным слоем зафиксирован перекоп насыпи глубиной 0,44 м и протяжённостью 0,4 м.

3. Слой погребенной почвы – серая плотная супесь, залегает на глубине 1,02 м от «0R», под массивом насыпи, толщина 0,24 м.

4. Материк – плотный светло-жёлтый суглинок с включением фосфатов белого цвета. Глубина залегания – 1,26 м от «0R».

Находки в насыпи.

1. Фрагмент венчика лепного толстостенного горшка с чётко выделенной прямой и короткой шейкой (рис. 3, 1) обнаружен в 7 м к северу от условного центра кургана, на глубине 0,8 м от «0R». Обжиг костровой, восстановительный.

2. Фрагменты придонной части крупного лепного сосуда (рис. 3, 2) найдены в насыпи, в 10 м к юго-востоку от условного центра кургана, на глубине 0,6 м от «0R». Внешняя поверхность хорошо заглажена, днище плоское, без закраины. Обжиг костровой, восстановительный, в примеси заметен песок. На внутренней поверхности сохранились следы пищевого нагара.

3. Фрагмент плитки-наковальни, изготовленной из светло-серого песчаника (рис. 3, 3), обнаружен при разборке центральной бровки, в 5 м к югу от условного центра кургана, на глубине 0,8 м от «0R». На обеих поверхностях заметны признаки сработанности.

4. Обломок песта, изготовленного из диорита (рис. 3, 4), обнаружен при разборке центральной бровки в 5,5 м к югу от условного центра кургана, на глубине 0,85 м от «0R», на одном уровне с наковальней. Поверхность заполирована, сечение округлое, на рабочей торцевой поверхности заметны каверны, возникшие в результате сработанности.

Объект 1 (рис. 5) обнаружен над ямой 1, впущенной в массивный материковый свод катакомбы основного погребения 3. Объект представляет собой скопление костей МРС (позвонки, ребра, лопатка) и КРС (позвонки, лопатка, челюсти, тазовая кость, кости ног). Он зафиксирован на глубине 0,68 м от «0R», в 5,1 м к ЮЮЗ от условного центра насыпи. Предположительно является жертвоприношением.

Под насыпью выявлены пятна трех могильных ям.

Погребение 1 (рис. 4, 1), впускное, зафиксировано в 7,2 м к ЮВВ от условного центра кургана, на глубине 0,84 м от «0R», на уровне древнего горизонта. Прямоугольная яма размерами 0,66 x 1,27 м ориентирована продольной осью с ЮЮВ на ССЗ и углублена в слой погребенной почвы до отметки 0,9 м от «0R». На дне ямы зафиксированы остатки тонкой органической подстилки (дерево, кора?) коричневого цвета с вкраплениями мелких частиц тёмно-красной охры. Здесь расчищен скелет ребенка 5–7 лет¹, погребенного в скор-

¹ Антропологические определения выполнены Р.А. Тюриным.

ченной позы, на правом боку с сильно подогнутыми в коленях ногами, головой к ЮЮВ. Руки слегка согнуты в локтях, кисти направлены к коленям. Над черепом, в заполнении могилы, обнаружены фрагменты нескольких лепных сосудов.

Инвентарь:

1. Крупный фрагмент тонкостенного округлобокого сосуда – стенка с придонной частью (рис. 4, 1). Обжиг костровой, восстановительный, на изломе фактура темная с примесью песка. На внешней поверхности заметны следы горизонтального сглаживания.

2. Несколько обломков придонной части лепного сосуда (рис. 4, 2) серо-коричневого цвета, чёрные на изломе, с примесью мелкого песка.

3. Фрагмент венчика орнаментированного сосуда с короткой шейкой и зауженным устьем (рис. 4, 3). В примеси заметны мелкий песок и толчёная ракушка. Сосуд был орнаментирован оттисками шнура и частыми округлыми вдавлениями.

Погребение 2 (рис. 4, 2), впускное, устроено в прямоугольной яме с округленными углами и пологими стенками. Обнаружено в 5,5 м к СЗЗ от условного центра кургана, на уровне древнего горизонта, на глубине 0,85 м от «0R». Яма ориентирована продольной осью с ЮВВ на СЗЗ. Длина ямы – 1,43 м, ширина – 1,03 м, глубина – 1,16 м от «0R». Могила углублена в материк. В юго-западном углу, на дне ямы сохранилось пятно белого цвета – следы органической подстилки. Около таза погребённого сохранились следы тлена пельно-серого цвета.

Здесь расчищен скелет взрослого человека возрастом старше 50 лет. В связи с плохой сохранностью скелета половая принадлежность не определена. По положению сохранившихся костей установлено, что умерший лежал в скорченной позе на правом боку, головой к СЗЗ, а кисти рук были направлены к коленям.

Погребение 3 (рис. 5–6), основное. При зачистке материка в центральной части подкурганного пространства обнаружено большое тёмное пятно перекопанного грунта, ориентированное длинной осью с ЮЮВ на ССЗ. Перекоп находился в 3,4 м к ЮЮВ от условного центра кургана, на глубине 1,1 м от «0R». Его общая длина – 3,72 м, ширина – 1,83 м. При расчистке заполнения выяснилось, что здесь две ямы разных форм – овальная (яма 1) и примыкающая к ней с юго-востока – прямоугольная (яма 2).

Овальная яма² ориентирована продольной осью с ЮЮВ на ССВ. Её длина – 2,56 м, ширина – 1,81 м, глубина – 2,68 м. от «0R». Заполнение ямы – плотный материковый суглинок светло-жёлтого цвета, перемешанный с тём-

² Непосредственно над ямой 1 находился указанный выше объект 1.

но-серой супесью. В юго-восточной части ямы было вырыто прямоугольное углубление, в котором лежал череп лошади без нижней челюсти.

Прямоугольная яма 2, продольной осью ориентирована с ЮЗЗ на СВВ. Её размеры 1,2 x 1,97 м, глубина – 2,84 м от «0R». Сверху она была заполнена тёмно-коричневым суглинком, а ниже обнаружилась входная шахта катакомбы Т-образного типа, которая оказалась плотно забутована мешаным материковым суглинком с мелкими включениями белесых фосфатов.

Нижняя часть входной штольни перед погребальной камерой оборудована тремя ступенями. Вход в погребальную камеру имел аморфные очертания и был плотно забит тёмным суглинком. Ширина входа 1,9 м, высота от нижней ступеньки 1,25 м.

Куполообразный свод погребальной камеры плавно переходил в боковые стенки катакомбы. Высота свода до обрушения составляла около 1,8 м. Дно погребальной камеры размерами 3 x 2,5 м было устроено на 0,6 м ниже последней ступеньки перед входом, на глубине 5,43 м от «0R». Оно было почти полностью покрыто тонким слоем коричневого органического тлена, густо посыпанного порошком красной охры. При расчистке выяснилось, что это остатки трёх подстилок, на которые были уложены четверо умерших взрослых людей. Их скелеты, густо окрашенные охрой, раздроблены обвалившимся сводом катакомбы. Под подстилками зафиксированы также зольные подсыпки с вкраплениями мелких угольков.

Скелет 1. Мужчина(?) 25–35 лет плотного телосложения и высокого роста лежал у восточной стенки погребальной камеры, на спине с разворотом на правый бок, с подогнутыми ногами, его руки протянуты вдоль туловища, кисть левой руки под тазом, правая кисть на бедре. Череп со следами подсыпки охрой смещен к дальней стенке погребальной камеры, но первоначально умерший был ориентирован головой к ССЗ. Под скелетом отмечены пятна тёмно-красной охры.

Скелет 2. Мужчина(?), 25–35 лет лежал вплотную к первому умершему, справа от него, на спине с разворотом на правый бок и подогнутыми ногами. Правая рука протянута вдоль туловища, кисть располагалась на правой бедренной кости, левая рука согнута в локте. Череп смещен к дальней стенке погребальной камеры, к северо-западу от скелета. Второй умерший ориентирован в том же направлении, что и первый, к ССЗ. Под правым локтем отмечено скопление золы и мелких угольков. Под скелетом, а также на костях заметны яркие пятна тёмно-красной охры.

Скелет 3. Мужчина(?), 25–30 лет лежал головой на СВ, у северной стенки погребальной камеры, на прямоугольной подстилке (коричневый тлен), перпендикулярно двум предыдущим умершим, на спине, с разворотом на пра-

вый бок и подогнутыми ногами, руки протянуты вдоль туловища к тазу. Здесь точно так же отмечены зола, угли и охра.

Скелет 4. Взрослый человек 20–25 лет (пол не определен) погребен несколько юго-восточнее относительно предыдущего умершего и в таком же направлении на СВ. Он лежал на спине с разворотом на правый бок, с подогнутыми ногами, руки протянуты вдоль туловища к тазу. Погребенный ориентирован головой на северо-восток. Под скелетом заметен коричневатый глян органической подстилки, а также зола и красная охра.

Очевидно, что катакомба имела склеповый характер и некоторое время с момента сооружения оставалась открытой. Поскольку погребальная камера находилась глубоко под землёй, она в меньшей степени пострадала от грызунов. Первоначально в склепе был осуществлён огненный обряд очищения в результате которого здесь остался зольник. Затем у восточной стенки камеры было совершено парное захоронение (скелеты 1 и 2).

По прошествии некоторого времени, когда еще не завершился распад мягких тканей, при подхоронении третьего умершего первые двое были сдвинуты ближе к восточной стенке камеры. При этом были несколько нарушены естественные сочленения их останков. Третий умерший захоронен у дальней стенки катакомбы, его подстилка была настелена на остатки зольника и частично перекрывает край более ранней подстилки под первыми двумя скелетами. Скелет 3 и контур его подстилки были окрашены тёмно-красной охрой. Контур вокруг умершего мог быть символическим оберегом.

В последнюю очередь погребен человек, зафиксированный как скелет 4. Его органическая подстилка (также с красным контуром) перекрывает края двух предыдущих подстилок. Факты неоднократного нарушения положения умерших свидетельствуют о том, что и после захоронения четвертого умершего склеп некоторое время мог оставаться открытым. Возможно, оставленное перед входом место предназначалось ещё для одного человека.

* * *

Основным погребением в кургане является коллективное захоронение № 3 в катакомбе, относящееся к эпохе средней бронзы. А.В. Кияшко относит такие сооружения к варианту «А» Т-образных катакомб, типичных для раннекатакомбного времени [Кияшко, 1999. С. 19]. Над этим комплексом была сооружена небольшая насыпь, сложенная из грунтовых блоков, о чём свидетельствуют данные вертикальной стратиграфии. В насыпи, непосредственно над погребением зафиксированы две ямы. Прямоугольная яма 2 поздняя, по всей вероятности грабительская. Соотношение овальной ямы 1 и погребения 3 не вполне ясно. Возможно, они были единым сакральным комплексом, где яма 1 могла функционировать как ритуальная площадка, а в ходе отпра-

ления жертвоприношений здесь были оставлены череп лошади (в специальном углублении), а также кости домашних животных – объект 1 (в заполнении). Не исключено, что пест и наковальня в насыпи кургана также являлись частью определенного ритуала.

Особенности погребального сооружения и обрядности позволяют отнести основное погребение 3 кургана «Ея 9» к восточноприазовской раннекатакомбной культуре и датировать в пределах 2600–2300 гг. до н. э. [Шишлина, 2007. С. 187–192, 276]. В пользу данного определения говорят такие наблюдаемые признаки как коллективный характер захоронения, Т-образная катакомба, положение погребённых на спине с разворотом направо и слабо подогнутыми ногами, органические подстилки, густая посыпка охрой, ритуальная декапитация (отдельное положение голов погребённых). Последний признак иногда связывается с естественным смещением черепа в результате истлевания высокой подголовной подушки [Шишлина, 2007. С. 187–192]. Ещё одним характерным признаком является смещение к стене погребальной камеры останков умерших ранее при последующем подхоронении. В погребальных памятниках раннекатакомбной культуры также встречаются и жертвенники из костей домашних животных, особенно на территории Южных и Средних Ергеней [Шишлина, 2007. С. 154, 164].

Обращает на себя внимание глубокая и отчётливо ступенчатая входная шахта в катакомбу, достигающая 4,2 м от зафиксированной поверхности материкового грунта. Сложность погребальных сооружений, требовавших больших трудозатрат, а также центральное место в подкурганном пространстве при полном отсутствии или незначительности инвентаря считаются признаками высокого социального статуса погребённых [Рысин, 1997. С. 99–100, 111]. Грибовидное очертание входа в склеп, напоминающего профиль колесницы, семантически может быть связано с путешествием в загробный мир. Схожие формы входных шахт известны в Т-образных катакомбах впускных погребений 155 и 156 кургана 1 могильника «Останний», а также в погребениях 18 и 19 кургана 9 могильника «Малан 1» в Краснодарском крае [Гей, 2000. С. 61–63, 84–86].

В тех же могильниках, в погребениях предшествующей новотиторговской культуры, которые, как правило, были основными, в курганных насыпях фиксировались следы довольно обширного лаза с вертикальными стенками. По мнению А.Н. Гей это могло быть свидетельством длительного оставления открытого доступа в могилу во время сооружения кургана [Гей, 2000. С. 113]. Для новотиторговских протокатакомб характерны также жертвенники из костей животных, которые устраивались в могиле, на её краю, на уступе или в насыпи, без видимой связи с погребением, а также повозки и наборы инструментов для обработки металла, в том числе песты и наковальни [Гей, 2000. С. 127, 154].

Коллективные погребения (4–6 человек, в том числе с последующими подхоронениями) типичны также для синхронной западнокавказской дольменной культуры [Марковин, 1978. С. 204–208]. Важно отметить, что идея об идеологическом сходстве катакомб с дольменами не нова и уже была сформулирована некоторыми исследователями [Кияшко В.Я., Кияшко А.В., 1992. С. 7].

В общем ритуальном контексте пест и наковальня, найденные в насыпи вблизи погребения 3 и жертвенника, имеют широкий круг аналогий в погребениях эпохи средней бронзы Восточного Приазовья [Гак, 2011. С. 71–73]. Эти инструменты использовались не только для дробления руды, но и в качестве кузнечных орудий при ковке бронзовых изделий или для раскатки листового металла [Гей, 1986], что подтверждается трассологическими исследованиями [Коробкова, 1993]. Поэтому можно предполагать, что эти предметы могут указывать на прижизненную специализацию погребённых.

Фрагменты сосудов из насыпи, по-видимому, также относятся ко времени её сооружения. Наиболее показателен фрагмент верхней части короткошейного горшка с чётко выделенной прямой шейкой (группа Б отдела II по С.Н. Братченко). Горшки такого типа являются наиболее распространёнными в нижнедонских памятниках катакомбной культуры донецкого периода [Братченко, 1976. С. 36]. Синхронным этому типу следует считать фрагмент венчика орнаментированного лепного горшка с короткой шейкой (группа А отдела II по С.Н. Братченко). Орнамент выполнен в характерной для таких сосудов манере – оттиском шнура и круглыми наколами [Братченко, 1976. С. 36].

Представленные выше признаки: курганный насыпь, сложенная из земляных блоков; склеповый характер раннекатакомбного погребального комплекса; ритуальная площадка; жертвенник; символика орудий металлообработки, – могут расцениваться как отражение высокого социального статуса группы взрослых мужчин, по-видимому, связанных не только профессиональной идеей, но и семейно-кровными узами [Гак, 2011. С. 85]. Подобные оценки подтверждаются широкими этнографическими параллелями [Сулайманов, 1982. С. 64–68].

Безы Inventарные погребения 1 и 2 в простых ямах, впущенные в насыпь, являются более поздними и по внешним признакам (правобочная скорченность, руки протянуты к коленям) близки блоку посткатакомбных культурных образований финала эпохи средней бронзы.

Литература:

- Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
 Гак Е.И. Индикаторы металлопроизводства катакомбных культур степной зоны Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья // КСИА. 2011. Вып. 225.

Гей А.Н. Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. Древности Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.

Гей А.Н. Новотитаровская культура. М.: ТОО «Старый сад», 2000.

Гей А.Н. Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // КСИА. 2011. Вып. 225.

Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Кияшко В.Я., Кияшко А.В. К вопросу о связях племён Подонья-Приазовья и Кавказа в бронзовом веке // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Р.-н.-Д.: Изд-во РГУ, 1992.

Коробкова Г.Ф. Техничко-технологический аспект в изучении производств майкопской культуры // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1993.

Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.

Рысин М.Б. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб., 1997.

Сулайманов Э. Традиции обработки металлов у киргизов. Фрунзе, 1982.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.) // Труды ГИМ. Вып. 165. М., 2007.

Условные обозначения:

- - проектируемая трасса ВЛ 500 кВ Ростовская АЭС - Тихорецкая 2 с расширением ПС 500 кВ Тихорецкая
- - курган Ея 9

Рис. 1. Схема расположения кургана «Ея 9» в восточном Приазовье.

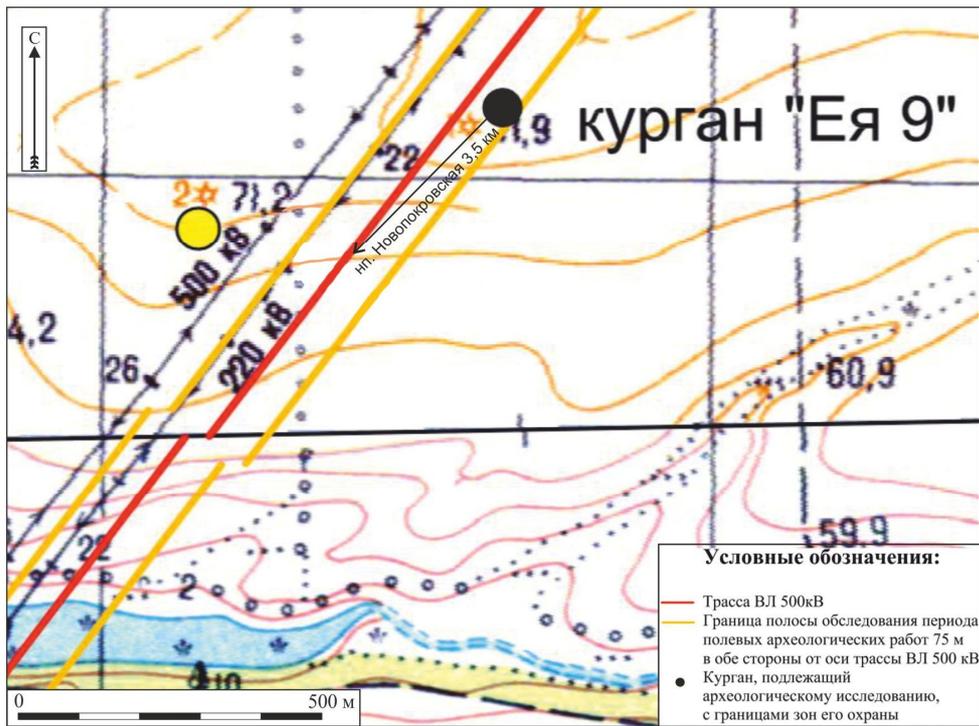

Рис. 2. Курган «Ея 9». Топографический план.

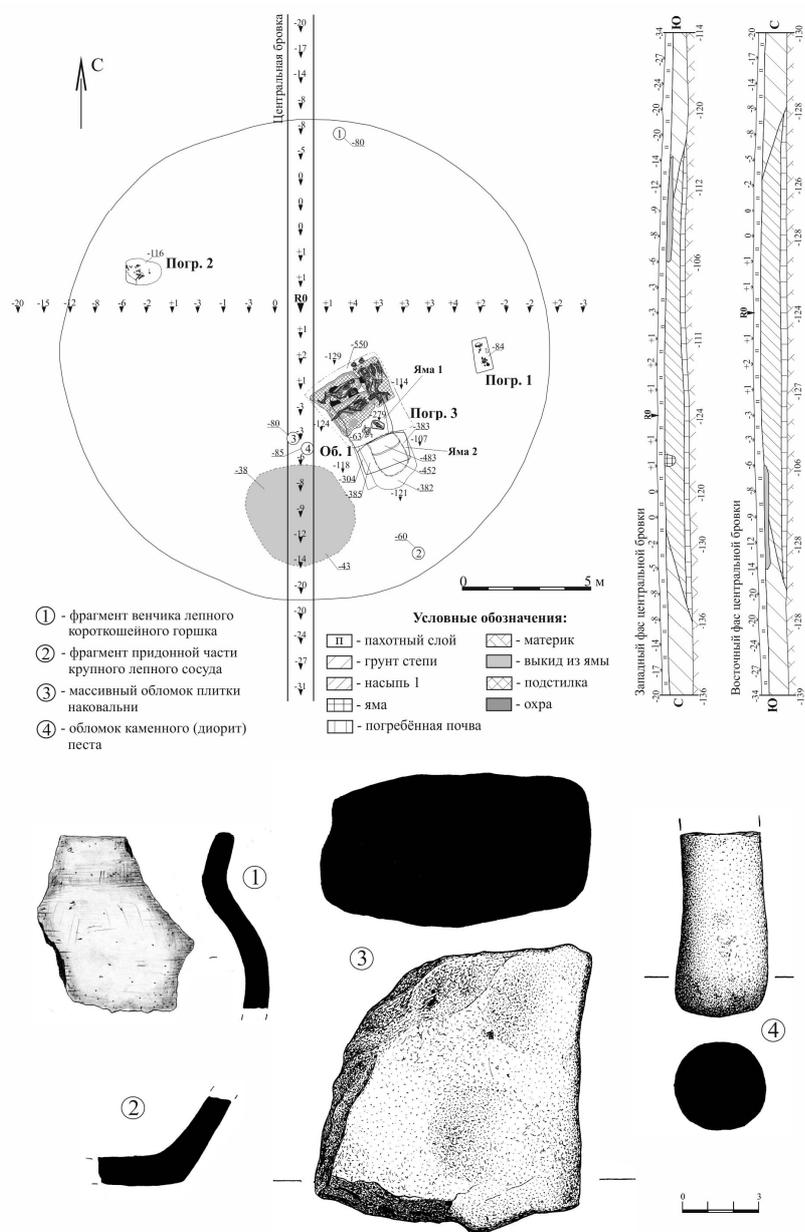

Рис. 3. Курган «Ея 9». План, стратиграфия, находки из насыпи.

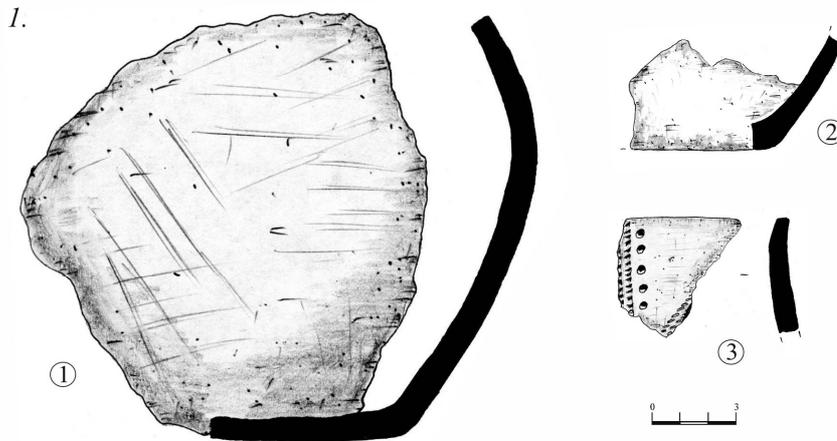
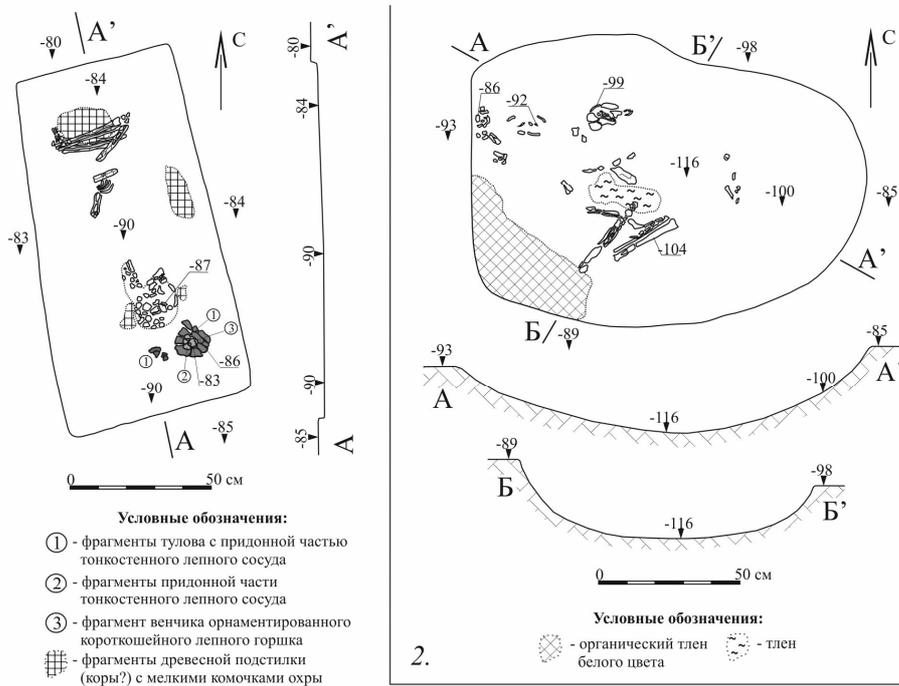

Рис. 4. Курган «Ея 9»: 1 – погребение 1 и находки из него; 2 – погребение 2.

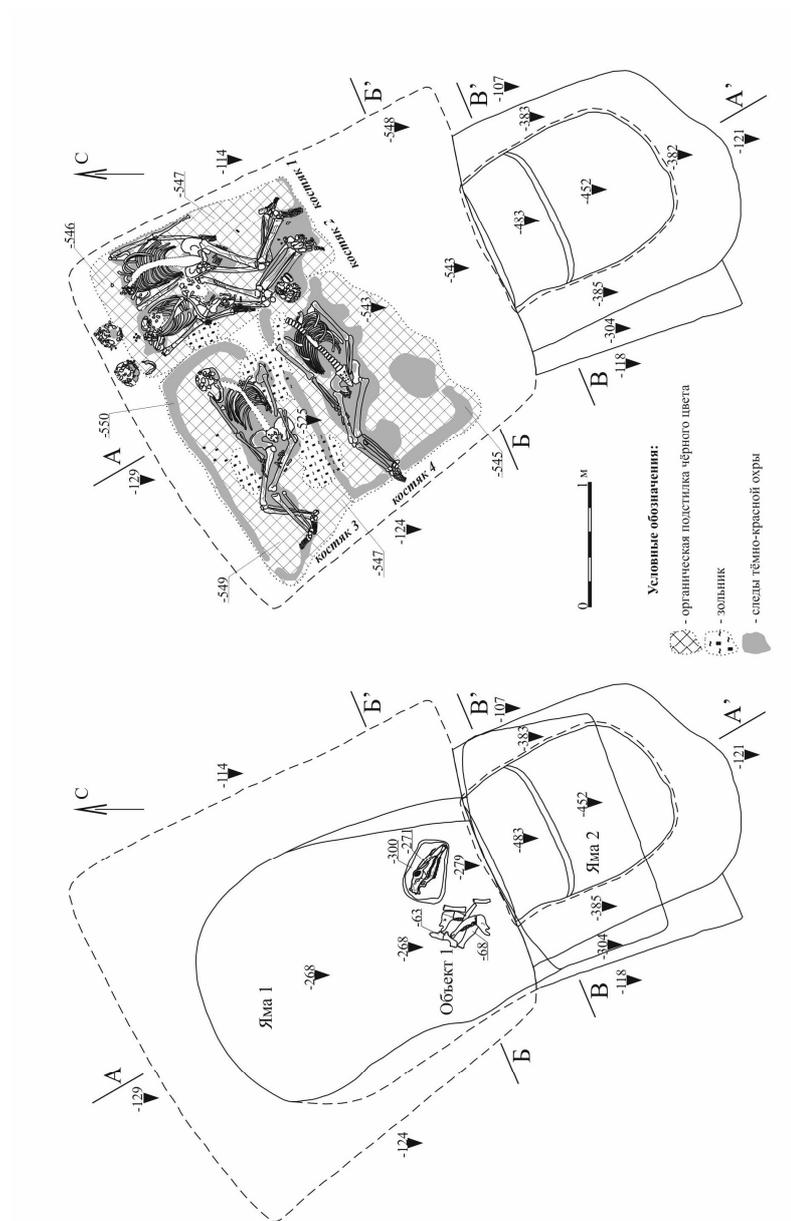

Рис. 5. Курган «Ея 9». Погребение 3.

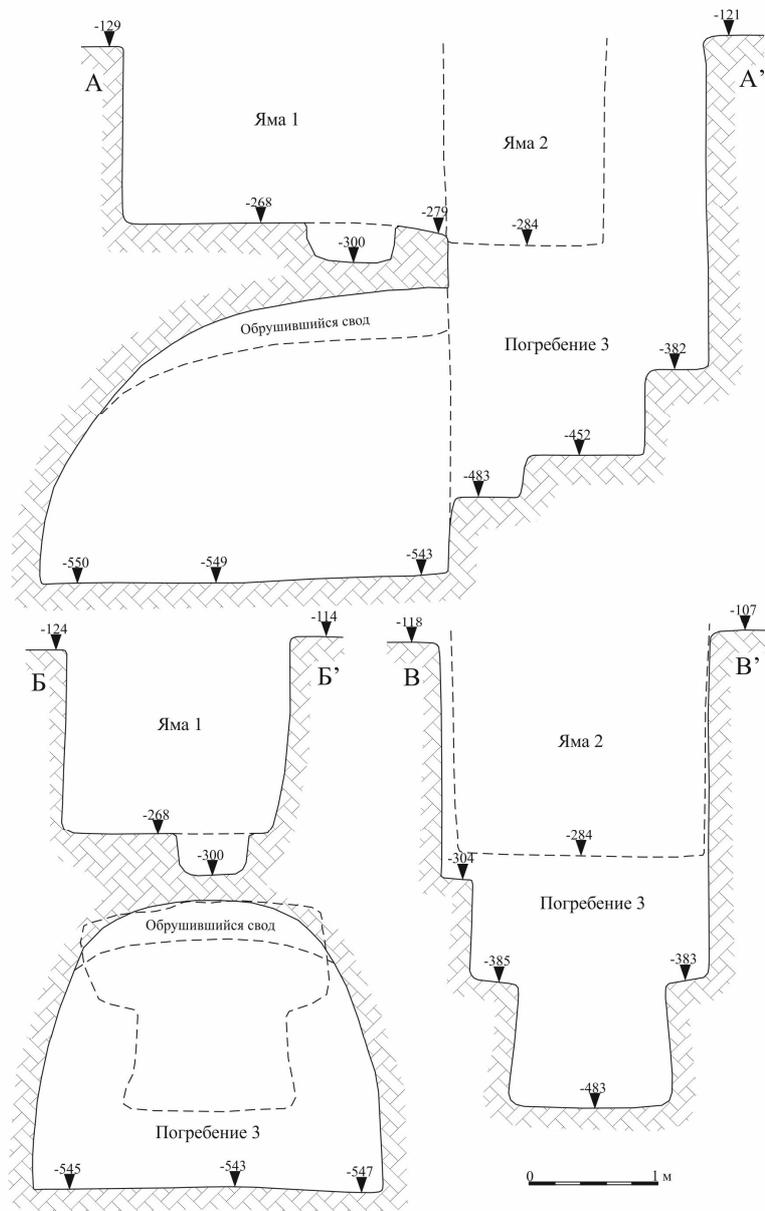

Рис. 6. Курган «Ея 9». Погребение 3.

*Жемков А.И., Ким М.Г.,
Кочерженко О.В., Слонов В.Н.*

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНА 5 У С. ДМИТРИЕВКА
ВОЛЬСКОГО РАЙОНА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В работе публикуются результаты раскопок кургана 5 у с. Дмитриевка Вольского района Саратовской области, проводившихся экспедицией под руководством М.Г. Кима в 1978 г. В кургане обнаружены 2 погребальные ямы, над которыми была сооружена каменная конструкция. Особенности погребального сооружения, обряд и инвентарь находят параллели в погребениях финала средней бронзы и посткатакомбных культурных группах Предкавказья. По обряду и инвентарю авторы находят возможным отнести данный комплекс к периоду формирования срубной культуры.

Ключевые слова: срубная культура, погребальный обряд

*Zhemkov A.I., Kim M.G.,
Kocherzhenko O.V., Slonov V.N.*

STUDY OF THE BURIAL MOUND 5 NEAR THE VILLAGE OF DMITRIEVKA,
VOLSKY DISTRICT, SARATOV REGION

The paper contains the results of excavations of the burial mound 5 in the village of Dmitrievka, Volsky district of the Saratov region, made by an expedition led by M.G. Kim in 1978. Two burial pits were discovered in the mound, above which a stone structure was built, traced to the modern surface of the mound. Typical features of the funerary construction, rite, stone construction and inventory can be compared with the burials of the epoch of the finale of the middle bronze and postcatombic cultural groups of the Ciscaucasia. According to the rite and in-

ventory, the authors believe it is possible to associate this complex with the period of the carcass culture formation.

Keywords: carcass culture, funeral rite

Настоящая работа продолжает публикацию материалов раскопок курганной группы у с. Дмитриевка Вольского района Саратовской области, начатую нами с курганов 1, 2 и 4 [Жемков и др., 2016. С. 202–223]. Курган 5 также был раскопан в 1978 г. экспедицией Вольского краеведческого музея под руководством М.Г. Кима.

Насыпь кургана 5 располагалась в восточной части могильника на расстоянии около 65 м к северо-западу от кургана 4. Его диаметр 17 м, высота 0,4 м (рис. 1). Под насыпью были выявлены 2 погребальные ямы.

Погребальная яма 1. Располагалась в северо-западном секторе кургана, в 2,3 м к западу и 1,8 м к северу от «0R», отмеченного на условной вершине насыпи. Яма прямоугольной формы с закругленными углами, длиной 1,5 м, шириной 1 м, продольной осью ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. От современной поверхности кургана и до отметки 1,15 м от «0R» вглубь яма была завалена каменными плитами и глыбами разного размера – от 60 x 50 x 20 см до 10 x 10 x 10 см. На глубине 2,36 м под камнями в заполнении были обнаружены фрагменты детского черепа. Дно ямы зафиксировано на глубине 2,6 м от «0R».

Погребальная яма 2. Примыкала к юго-западному краю предыдущего погребения. Яма прямоугольной формы, размерами 1,5 x 1,3 м, с округленными углами. Так же, как и первая яма, она ориентирована длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. Яма почти на всю глубину заполнена камнями и каменными плитами, аналогичными тем, что были встречены в первом комплексе. Глубина ямы составляла 3,06 м от «0R». На дне расчищен скелет человека, погребенного в скорченной позе, на правом боку, головой к ССВ (рис. 2). Руки согнуты в локтях, кисти на уровне груди. Колени подогнутых ног подтянуты к локтевым сочленениям рук. Скелет потревожен землероями, разрушен тазовый отдел и голени. На дне могилы отмечены остатки сиреневого тлена, на котором зафиксирована меловая подсыпка, а под черепом – пятно темно-бурой охры.

За черепом обнаружен каменный пест, который был несколько приподнят над уровнем дна могилы (рис. 3). Пест изготовлен из твердой породы серого цвета с темными и желтоватыми прожилками. Средняя часть в сечении округлая, верхняя – подквадратная, нижняя – подпрямоугольная. На верхней и нижней гранях ударного орудия имеются следы сработанности. Длина песта 17 см, сечение в верхней части – 5,3 x 5 см, диаметр средней части – 4,7 см, сечение в нижней части – 7,5 x 5,4 см. Под черепом лежало бронзовое обоюдоострое шило в костяной рукояти (рис. 4), обращенное выступающим острием к северу. Длина инструмента 6,5 см, размеры прямоугольного сечения в

середине 2,5 x 4 мм. Рукоять изготовлена из поллой кости с обвальцованными торцами. Длина рукояти 11 см, сечение 12 x 9 мм, отверстие 8 x 6 мм.

Перед лицевым отделом черепа стоял лепной округлобкий сосуд с отогнутым наружу венчиком (рис. 5). Высота сосуда 10 см, диаметр устья 13,1 см, шейки 12,6 см, максимальное расширение тулова 13,7 см, диаметр днища 8,8 см, толщина стенки 0,5 см. Сосуд орнаментирован зубчатым штампом: под венчиком и по плечу нанесены горизонтальные разделительные линии, между которыми расположены ромбы. Цвет внешней поверхности сосуда серый, на изломе – черный, в примеси заметны песок и шамот.

В заполнении ямы и в норах обнаружены несколько фрагментов другого сосуда, который имел остросереберную форму (рис. 6). Линия ребра находится в верхней трети общей высоты сосуда. Венчик имеет прямой обрез, днище плоское, без закраин. Под венчиком и по ребру зубчатым штампом нанесены горизонтальные линии, между которыми вершинами вверх расположены равносторонние треугольники. Ниже ребра размещаются зигзаг-треугольники.

У запястий рук зафиксированы сурьмяные бусы, 15 целых (рис. 7, 4) и еще 3 в обломках. Вероятно, ими были обшиты рукава одежды. Диаметр бусин 3–4 мм. Еще 114 целых и 20 фрагментированных бусин были обнаружены под черепом (фото 1), которыми, очевидно, был расшит головной убор со спускающимися на висках треугольными фестонами. Фестоны обращены вершинами вниз и заполнены внутри более мелкими треугольниками. Среди них находилась одна бронзовая подвеска из круглой в сечении проволоки диаметром 1 мм, свернутая в 1,5 оборота (рис. 7, 3). Форма подвески округлая, диаметр 3 мм.

На шейных позвонках лежали 3 фаянсовые уплощенные (рис. 7, 1) и 3 кварцевые (рис. 7, 2) бусины. Одна из фаянсовых бусин имеет 4 округлых выступа, что напоминает кавказские так называемые «рогатые» бусины. Диаметры бусин 5–6 мм. Из кварцевых бусин 1 шаровидная и 2 округлые уплощенные. Диаметры бусин 10 мм, диаметры сквозных отверстий для пронизи – 1 мм.

Замечено, что края обеих погребальных ям соприкасались с незначительным наложением второго комплекса на первый, кроме того, они содержали однотипные завалы каменных плит, которые сползли в могилы по мере разрушения деревянных перекрытий. Если учесть, что плиты и глыбы зафиксированы также в верхней части насыпи, то из этого следует вывод о весьма значительных размерах каменной конструкции. Ямы заполнялись камнями в одно и то же время, когда обрушились их перекрытия, не выдержав сильной нагрузки.

Поэтому совершенно очевидно, что эти погребения практически синхронны, но не вполне ясным представляется их соотношение.

Прежде всего, напрашивается обрядовая модель реконструкции: в кургане явно престижнее выглядит второй комплекс, который и является основным и единственным, а первая яма по отношению к нему – ни что иное, как входная штольня, в засыпи которой было устроено детское жертвоприношение. В таком случае, перед нами очень архаичная конструкция – погребение с входной камерой и каменной конструкцией на перекрытии. Одна из параллелей – это посткатакомбное погребение 9 кургана 2 из курганного могильника «Зеленая Роща 2» [Ким и др., 2016. С. 182, рис. 9]. Здесь над погребальным комплексом, где при умершем обнаружен такой же пест, была зафиксирована каменная конструкция. Необходимо также отметить, что в срубных погребениях находки пестов весьма редки. В большей степени они типичны для захоронений посткатакомбного типа, встречаются также в абашевских погребениях доно-волжского региона.

Не утрачивает определенной значимости и стратиграфический вариант модели: второй комплекс – это родственное подхоронение к первой (очень скромной) могиле, а хроноинтервал между ними минимален, менее одного поколения. Подобные подхоронения известны, они типичны для периода формирования срубной культуры и отмечены, например, в заволжской Смельовке и правобережной Симоновке [Лопатин, 2010; Кочерженко и др., 2012], продолжить ряд аналогий несложно. Важно еще одно обстоятельство: как правило, подхоронения представлены останками детей.

Весьма своеобразен набор украшений из второго погребения нашего кургана. Подобные варианты типичны для памятников Центрального Предкавказья, откуда они распространялись в ареалы степных катакомбных культур. Они содержат сурьмяные, фаянсовые (гладкие и «рогатые») и каменные бусы, которыми расшивались детали одежды и головные уборы, в убранствах присутствовали также металлические украшения, в том числе мелкие бронзовые подвески, свернутые в полтора оборота [Кореневский, 1990. Рис. 8, 3, 4, 5; 45, 5; 46, 17, 18; 47, 4; Шиштина, 2005. С. 62, рис. 5].

Совокупность всех представленных признаков (керамический комплекс, каменная конструкция в насыпи кургана, сложный вариант могилы, показательный набор украшений) позволяют предположительно относить пятый Дмитриевский курган к периоду формирования срубной культуры, когда были еще очень заметны архаичные обрядовые реминисценции, ориентированные на южные позднекатакомбные и посткатакомбные традиции. Вероятно, материалы опубликованных ранее курганов 1, 2, 4 Дмитриевского могильника относятся к этому же культурно-хронологическому пласту.

Литература:

Жемков А.И., Ким М.Г., Кочерженко О.В., Слонов В.Н. Курганная группа у села Дмитриевка Вольского района Саратовской области // Археология восточноевропейской степи. Вып. 12. Саратов, 2016.

Ким М.Г., Жемков А.И., Жуклов А.А., Лопатин В.А. Раскопки курганов близ с. Зеленая Роща в Ростовской области // Археология восточноевропейской степи. Вып. 12. Саратов, 2016.

Корневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.

Кочерженко О.В., Слонов В.Н. Курган у села Симоновка и некоторые вопросы интерпретации культурных групп переходного времени между средней и поздней бронзой // Археология восточноевропейской степи. Вып. 9. Саратов, 2012.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.). Саратов, 2010.

Шишлина Н.И. Головные уборы эпохи бронзы Северо-Западного Прикаспия // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005.

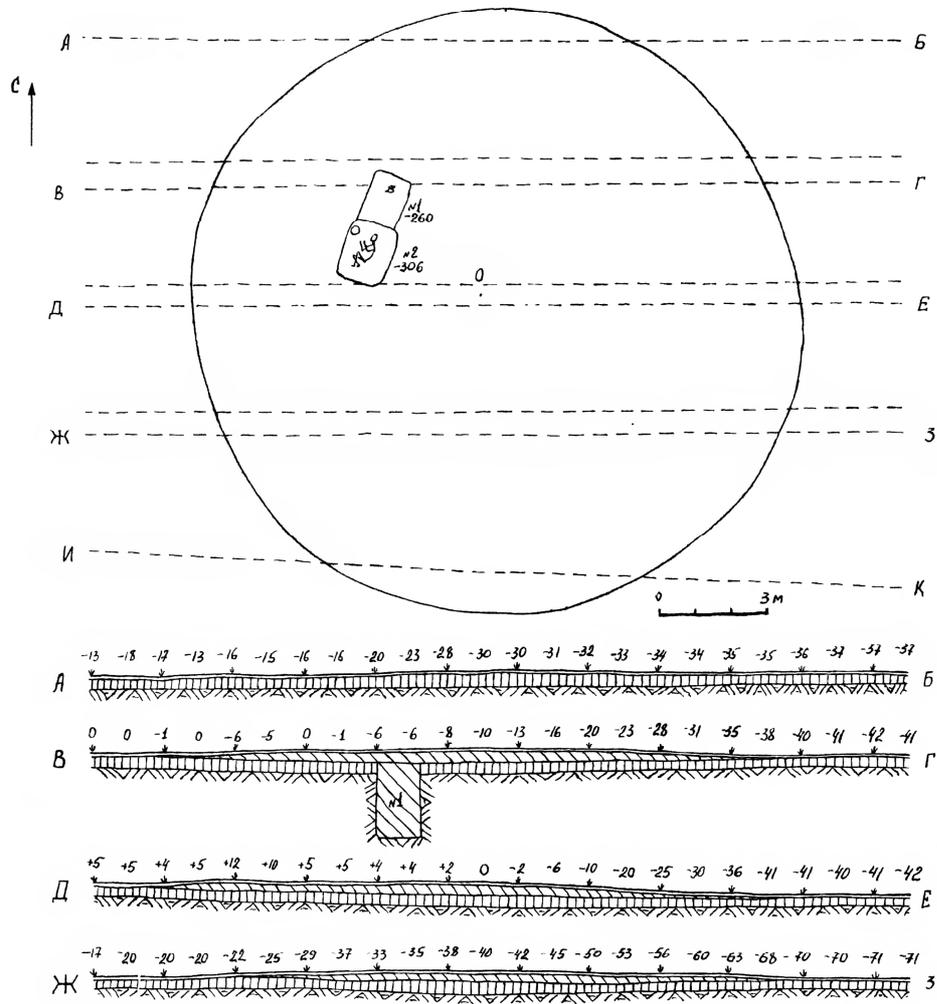

Рис. 1. План и разрез кургана 5 у с. Дмитриевка.

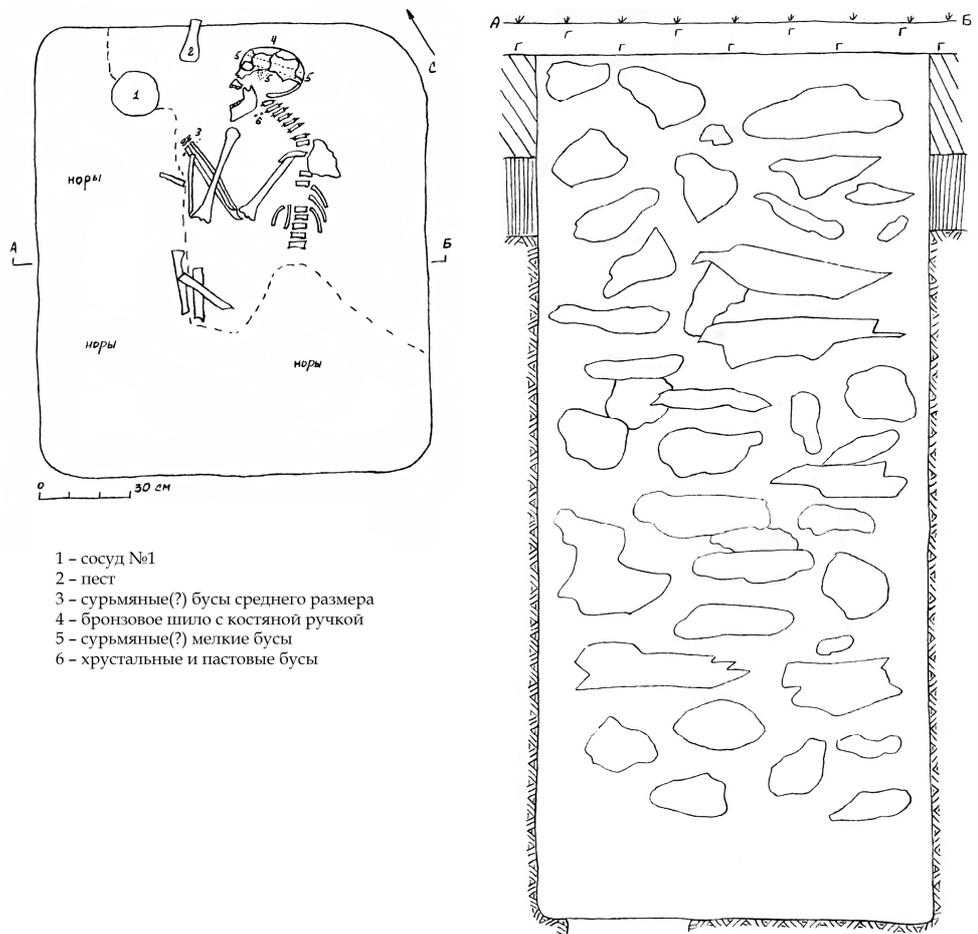

Рис. 2. План и разрез погребальной ямы 2.

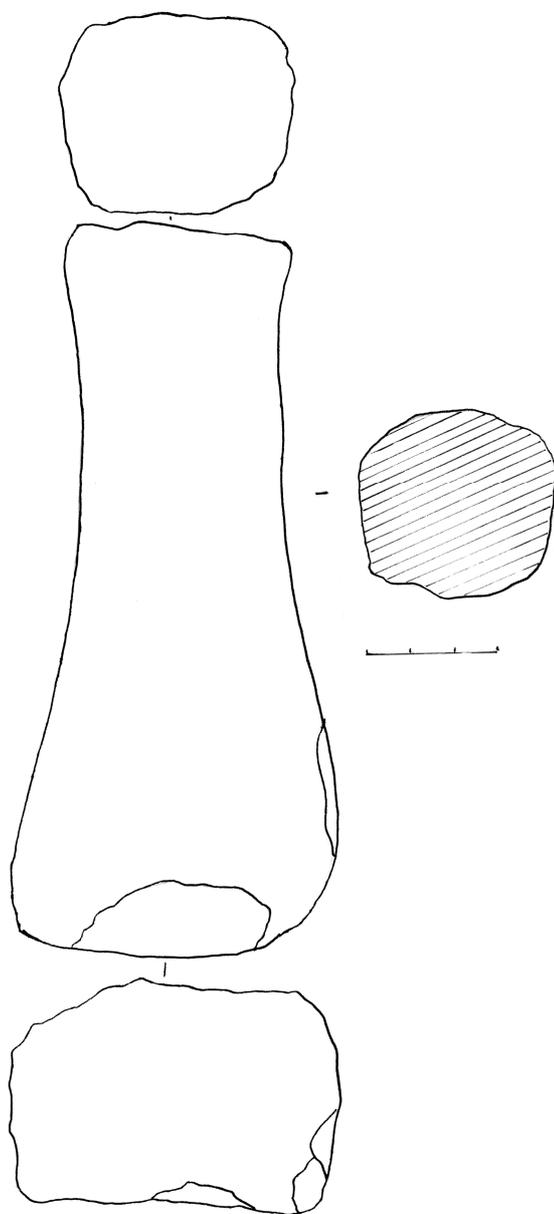

Рис. 3. Каменный пест из могильной ямы 2.

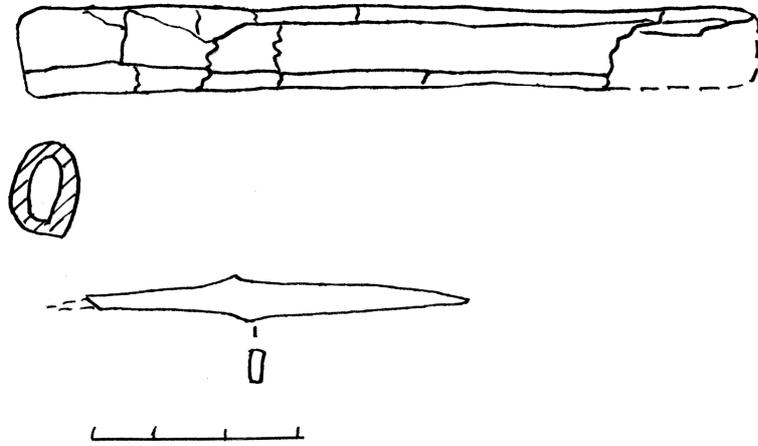

Рис. 4. Бронзовое шито из могильной ямы 2.

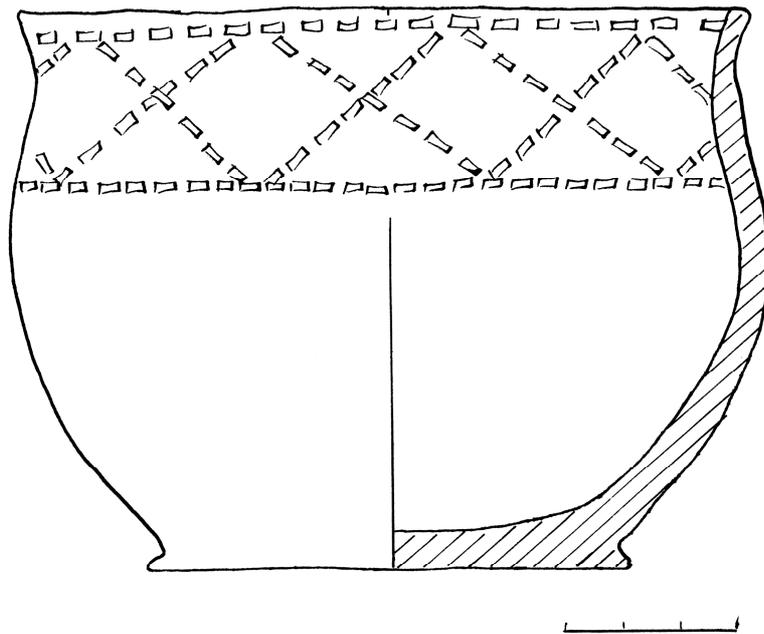

Рис. 5. Сосуд 1 из погребальной ямы 2.

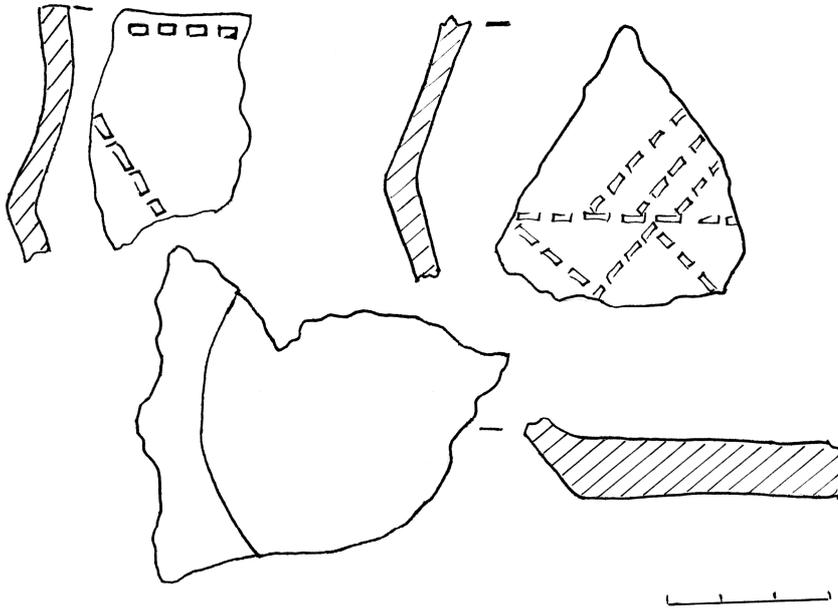
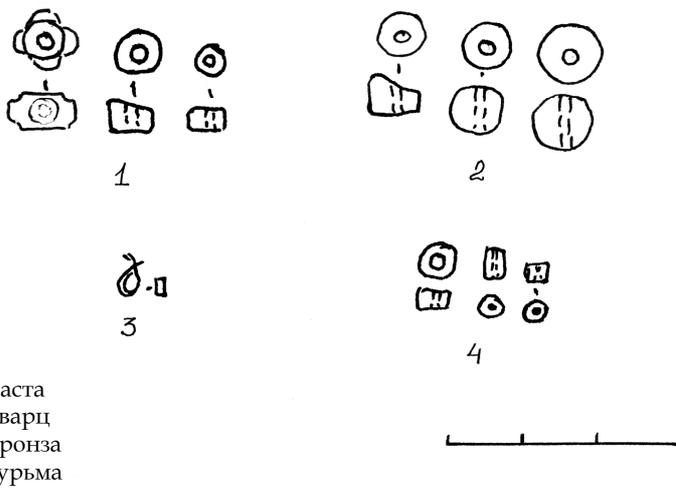

Рис. 6. Фрагменты сосуда 2 из погребальной ямы 2.

- 1 - паста
- 2 - кварц
- 3 - бронза
- 4 - сурьма

Рис. 7. Украшения из погребальной ямы 2.

Сергеева О.В.

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Осенью 2011 года проводились исследования курганного могильника «Кольвань VII» и одиночного кургана «Красноармейское I», открытых в том же году Д.А. Сташенковым.

Курганы №№ 1 и 2 курганного могильника «Кольвань VII» были сооружены в эпоху поздней бронзы. Основные погребения в них принадлежат срубной культуре. Позднее в раннем железном веке в насыпи были впущены захоронения сарматской культуры. Всего выявлено 5 погребений.

Одиночный курган «Красноармейское I» был насыпан над основным погребением, принадлежавшим покровской культуре эпохи поздней бронзы. Несмотря на отсутствие в могиле умершего (кенотаф), размеры могильной ямы, сопровождающий инвентарь и тризна, в которую входили крупные части туш лошади и коровы, говорят о высоком статусе человека, ради которого была сооружена насыпь. В раннем железном веке в уже имеющуюся насыпь было впущено сарматское погребение № 1. Последние захоронения совершены в эпоху средневековья, XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Самарская область, Красноармейский район, курганный могильник «Кольвань VII», одиночный курган «Красноармейское I», эпоха поздней бронзы, покровская культура, срубная культура, ранний железный век, сарматская культура, средневековье

Sergeyeva O.V.

MOUND EXCAVATION IN THE SAMARA REGION

In Autumn 2011 the burial mound "Kolyvan VII" and the single barrow "Krasnoarmeiskoye I" discovered the same year by D. Stashenkov were studied.

The burial hills 1 and 2 of the burial mound "Kolyvan VII" were built in the Late Bronze Age. The main burials belong to Timber-grave culture. Later in the early Iron Age the burial of Sarmatian culture were admitted to this mound. There were 5 burials found in total.

The barrow "Krasoarmeyskoye I" was built over the main burial belonging to the Pokrovskaya culture of the Late Bronze Age. Although there were no remains of dead found in the bone chamber (cenotaph) the size of the bone chamber, accompanying stock, funeral feast containing big parts of horse and cow's carcass indicate the high social status of the person in honor of which the mound was built. In the early Iron Age(?) the Sarmatian burial was admitted to the existing mound.

The last burials are made in the Middle Ages, XIII–XIV centuries.

Keywords: Samara region, Krasnoarmeyskiy district, burial mound "Kolyvan VII", single barrow "Krasoarmeyskoye I", Late Bronze Age, Pokrovskaya culture, early Iron Age, Sarmatian culture, Middle Ages

Осенью 2011 года проводились исследования курганного могильника «Кольвань VII» и одиночного кургана «Красноармейское I», открытых в том же году Д.А. Сташенковым.

Курганы №№ 1 и 2 курганного могильника «Кольвань VII» были сооружены в эпоху поздней бронзы. Основные погребения в них принадлежат срубной культуре. Позднее в раннем железном веке в насыпи были впущены захоронения сарматской культуры. Всего выявлено 5 погребений.

Одиночный курган «Красноармейское I» был насыпан над основным погребением, принадлежавшим покровской культуре эпохи поздней бронзы. Несмотря на отсутствие в могиле умершего (кенотаф), размеры могильной ямы, сопровождающий инвентарь и тризна, в которую входили крупные части туш лошади и коровы, говорят о высоком статусе человека, ради которого была сооружена насыпь. В раннем железном веке в уже имеющуюся насыпь было впущено сарматское погребение № 1. Последние захоронения совершены в эпоху средневековья, XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Самарская область, Красноармейский район, курганный могильник «Кольвань VII», одиночный курган «Красноармейское I», эпоха поздней бронзы, покровская культура, срубная культура, ранний железный век, сарматская культура, средневековье.

Курганный могильник «Кольвань VII» расположен в 3,5 км к западу от восточной окраины с. Кольвань Красноармейского района Самарской области, в 0,6 км к северу от автодороги «с. Кольвань – с. Березовый Гай» и в 0,85 км к северо-западу от газового хозяйства ОАО «НК «Роснефть», на второй надпойменной террасе р. Чапаевка. Поверхность памятника распахи-

ется. Курганы №№ 1–4 образуют изогнутую цепочку, вытянутую в направлении с востока на запад. Курганы №№ 5 и 6 находятся на расстоянии 0,65 км к югу от основной группы курганов, недалеко от дороги «с. Колывань – с. Березовый Гай».

Курган 1 (рис. 1) крайний западный в группе и самый большой по высоте относительно других. Насыпь невысокая, оплывшая, круглой формы, ее фактический диаметр составил 18 м. Так как насыпь расположена на небольшом склоне террасы, ее высота на дневной поверхности при нивелировке понижалась от 0,1 м до 0,5 м.

Стратиграфия:

- гумус – современный пахотный слой, толщиной 0,2–0,25 м (распашкой переотложен также и верхний уровень насыпи);
- насыпь кургана состоит из пятнистого слабогумусированного грунта, состоящего из фракций материковой глины и погребенной почвы, высотой в стратиграфической бровке 0,35 м;
- погребенная почва – плотный суглинистый грунт темно-коричневого цвета, с многочисленными норами землероев, переходящий в материковый пласт. Ее мощность составляла 0,35–0,4 м. В центральной стратиграфической бровке начинается с уровня 0,59 м от «0R»;
- материк – розоватая глина, переходящая в песок, в центре кургана начал фиксироваться с уровня 0,98 м от «0R».

В насыпи выявлен материковый выкид из основного погребения 2. Он располагался в юго-западном секторе кургана, в 2,5–4 м от условного центра, на уровне погребенной почвы и имел полукольцевую форму. Выкид окаймлял западный и южный края могильной ямы, его наибольшая мощность в стратиграфической бровке составила 0,3 м.

В кургане выявлено 2 захоронения, относящиеся к срубной культуре эпохи поздней бронзы и сарматской культуре раннего железного века.

Погребение 1 – впускное (рис. 3, 1) выявлено в центре кургана, на уровне погребенной почвы. Могильная яма была впущена в насыпь кургана. Судя по вертикально стоящим березовым поленьям, могильная яма имела подбойную конструкцию, вход в погребальную камеру был закрыт деревом. Дно могильной ямы незначительно заглублено в материк. По материк она имела подпрямоугольную форму, ориентированную длинными сторонами с запада на восток. Западная и северная части ямы разрушены норами землероев. Сохранившаяся длина составила 1,76 м, общая ширина 0,78 м, ширина подбоя 0,43 м. Глубина в материке 0,09 м. Дно ровное. От заклада хорошо сохранились четыре березовых полена, расположенные в восточной части ямы. Они были углублены в дно могилы на 3–4 см. Наибольшее из них имело высоту 0,44 м, вероятно, как раз на примерную высоту подбоя. Диаметр поленьев 10–12 см. Одна

деревянная плаха лежала вдоль северной стены ямы, на 0,4 м выше уровня дна и, возможно, также являлась некогда частью заклада. Заполнение ямы – рыхлый, перемешанный землероями грунт серо-коричневого цвета.

На дне ямы обнаружено захоронение взрослого человека (мужчина 45–55 лет)¹. Он лежал вытянуто на спине, головой на запад. Кисть правой руки располагалась на крестце, левая рука вытянута вдоль туловища. Череп перемещен землероями по подбою к левой берцовой кости. Около левой ступни обнаружено ребро КРС². У восточной стены, в ногах погребенного располагались фрагменты лепного сосуда. Несмотря на расположение фрагментов этого сосуда в погребении 1, он относится к основному погребению 2. Этому же погребению принадлежит и небольшой бронзовый нож, найденный к западу от умершего. Вероятно, сюда эти вещи перенесены по норам землероев.

Погребение 1 (безынвентарное), предположительно, относится к поздне-сарматской культуре раннего железного века.

Погребение 2 – основное (рис. 2, 1) выявлено к юго-западу от условного центра, на уровне материка, но начинало фиксироваться с уровня погребенной почвы по деревянному перекрытию могилы. Плахи перекрытия располагались поперек могильной ямы и имели ширину около 20 см. Их концы лежали на краю ямы, центральная часть упала в могилу, где залегала в заполнении в виде небольших фрагментов. Судя по тому, что нижний уровень перекрытия (0,76 от «ОР») находился ниже уровня погребенной почвы, могила могла иметь заплечики, незамеченные в погребенной почве.

Около центральной части западной стены расчищено несколько камней. Они лежали компактно, с небольшим наклоном, на уровне 1,14–1,3 м от условного нуля. Нельзя с уверенностью сказать о принадлежности данной каменной кладки погребению 2. Еще одна большая каменная плитка размером 0,4 x 0,18 м располагалась на том же уровне у северной стены. Заполнение – сильно перемешанный землероями грунт.

Могильная яма сильно повреждена, зафиксированы лишь отдельные участки стен. Она имела прямоугольную форму, ориентирована длинными сторонами с Ю на С, с небольшим отклонением к востоку. Ее приблизительные размеры 2,1 x 1,6 м. Глубина в материке около 1 м. Дно ровное, оно сохранилось в северо-восточном и юго-западном углах ямы.

Погребение (мужчина – 20–25 лет) полностью разрушено землероями. Череп и шейные позвонки располагались около северо-западного угла могилы, за ее пределами. Ребра и небольшие фрагменты трубчатых костей встре-

¹ Здесь и далее определения А. Евтеева.

² Здесь и далее определения Л. Яворской.

ченны в заполнении в северной части могилы. Бедренные кости найдены в норах за пределами ямы.

Как сказано выше, к данному погребению относятся бронзовый нож и сосуд, обнаруженные в погребении 1. Сосуд подострорезной формы, в тесте примесь шамота. Венчик невысокий, слегка отогнутый, срез округлый, орнаментирован косыми вдавлениями зубчатого штампа. На плече расположен нерегулярный орнамент. Дно с закраиной. Диаметр венчика 12,4 см, диаметр дна 8 см, высота 11,4 см (рис. 2, 2).

Нож двулезвийный, листовидной формы, имеет намеченные перекрестие и перехват. Лезвие в сечении ромбическое. Черешок постепенно сужается к пятке. Общая длина изделия 8,6 см, длина черешка 2,5 см (рис. 2, 3). Погребение 2 относится к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Курган 2 расположен в 0,1 км юго-востоку от кургана 1. Его насыпь также сильно распахана, фактический диаметр 17 м. Так как насыпь расположена на небольшом склоне террасы, ее высота на дневной поверхности при nivelировке понижалась до 0,5 м на юге, а северный край оказался выше условного центра на 5 см (рис. 4).

Стратиграфия:

- гумус – современный пахотный слой, толщиной 0,2–0,25 м (распашкой переотложен также и верхний уровень насыпи);
- насыпь кургана пятнистая, состоит из перемешанных фракций материковой глины и погребенной почвы, высотой 0,15 м;
- погребенная почва – плотный суглинистый грунт темно-коричневого цвета, с многочисленными норами землероев, переходящий в материковый пласт. Ее мощность составляла 0,35–0,4 м. В центре кургана начинается с уровня 0,41 м от «0R»;
- материк – розоватая глина, переходящая в песок, начинается с уровня 0,76 м (в центре) от «0R».

В восточной половине кургана, в 2 м от условного центра на уровне погребенной почвы располагался материковый выкид из основного погребения 3, имеющий полукольцевую форму. Выкид охватывал погребение с юга и востока, его толщина в стратиграфической бровке 0,1 м.

В кургане выявлено 3 захоронения.

Погребение 1 – впускное (рис. 5, 1) выявлено в северо-западном секторе кургана, на уровне материка. Могильная яма прямоугольная, с закругленными углами, ориентирована длинными сторонами с ЮЗ на СВ. Размер 1,2 x 0,52 м, глубина в материке 0,23 м. Дно ровное. Заполнение ямы – грунт темно-серого цвета.

На дне могильной ямы выявлен скелет ребенка 5–6 лет. Умерший лежал скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Кости плохой сохранно-

сти. Ноги подогнуты в коленях под острым углом к позвоночнику. Руки согнуты в локтях кистями перед лицом. Берцовые кости смещены к южному углу ямы. Перед лицом стоял глиняный лепной сосуд баночной формы, с обильной примесью шамота в тесте, отчего он имеет рыхлую пористую структуру. Срез венчика округлой формы. Сосуд украшен зигзагом, выполненным прямыми вдавленными отрезками. Диаметр венчика 15,8 см, диаметр дна 10,2 см, высота 10,6 см (рис. 5, 2).

Погребение относится к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 2 - впускное (рис. 3, 2) выявлено в материке, в центре курганной насыпи, оно перекрывало основное погребение 3 и было сильно повреждено землероями. Можно лишь ориентировочно сказать о ее размерах и форме. Вероятно, могила имела удлиненно-прямоугольную форму и была ориентирована с запада на восток, а ее размеры составляли около 1,9 x 0,6 м. Заполнение ямы - рыхлый перемешанный грунт серо-коричневого цвета.

На дне ямы обнаружено захоронение взрослого человека (женщина старше 55 лет). Умершая лежала на спине, головой к западу. Под костями местами сохранилась древесная подстилка (кора?). Череп располагался на боку, на левой височной кости. Ноги, немного согнутые в коленях, завалились на левую сторону. Кисть левой руки располагалась на тазовой кости. В 0,64 м от стоп, на одном уровне с ними, расчищены остатки черепа, очень плохой сохранности, которые принадлежали погребению 3.

Погребение 2 (безынвентарное) предположительно относится к сарматской культуре раннего железного века.

Погребение 3 - основное (рис. 5, 3) выявлено на уровне материка, в центре кургана, как единое с погребением 2 могильное пятно, не имеющее четких границ. Могила очень сильно повреждена землероями. Ориентировочно она имела размер 1,7 x 1,3 м. От ее контура сохранился небольшой участок западной стены. Глубина в материке 0,96 м. Дно ровное. Заполнение ямы - перемешанный грунт серо-коричневого цвета.

На дне ямы, на органической подстилке белого цвета, обнаружено захоронение взрослого человека (мужчина - 45-55 лет). Умерший лежал на левом боку, головой на север, с небольшим отклонением к востоку. Скелет очень плохой сохранности, от него сохранились позвоночник, тазовые кости, несколько ребер и кости рук (без кистей). В норе, за пределами предполагаемой могилы, найден глиняный лепной сосуд подостророберной формы, с примесью шамота в тесте. Внешняя поверхность бугристая, внутри на дне и стенках следы нагара. Венчик короткий, слегка отогнутый наружу, срез прямой. Дно слегка вогнуто, имеет закраину. Диаметр венчика 16,7 см, диаметр дна 9,6 см, высота 16,1 см (рис. 5, 4).

Погребение относится к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Одиночный курган «Красноармейское I» расположен в 0,7 км к юго-востоку от ул. Нагорной с. Красноармейское (восточная окраина), в 1 км к северо-западу от ПС 500 кВ «Красноармейская», в 0,35 км к северо-востоку от излучины правого берега р. Большая Вязовка (приток р. Чапаевка), на ее первой надпойменной террасе. Терраса имеет небольшой уклон в сторону реки, ранее она распаивалась, а на момент проведения работ была задернована.

Насыпь округлой формы, через нее (и окружающую курган территорию) с севера на юг проходит несколько борозд глубиной до 0,2 м. Вершина плоская. Фактический диаметр кургана составил 20 м. Высота на дневной поверхности при нивелировке понижалась от 0,24 м на севере до 0,5 м на юге (рис. 6).

Стратиграфия:

- гумус – дерн (старопахотный слой), толщиной 0,2–0,25 м (распашкой переотложен также и верхний уровень насыпи);
- насыпь кургана – рыхлый пятнистый грунт, состоящий из небольших перемешанных фракций материковой глины и погребенной почвы, высотой до 0,45 м. В центральной части насыпь имела четкие границы и отслаивалась от погребенной почвы. Фиксировалась фактически на всей подкурганной площадке.
- погребенная почва – очень плотный суглинистый грунт желто-коричневого цвета, переходящий в материковый пласт. Ее мощность составляла 0,45–0,5 м. В условном центре кургана начиналась с уровня 0,57 м от «0R».
- материк – светло-коричневая глина, фиксировалась в условном центре насыпи с уровня 1,07 м от «0R».

В центре и восточной половине кургана, на уровне погребенной почвы располагался мощный материковый выкид из основного погребения 4. Он имел полукольцевую форму, с диаметром по внешнему краю около 9 м, окаймлял погребение с запада, севера и юга. Мощность в стратиграфической бровке до 0,38 м.

В 7,5 м к югу от условного центра, за пределами материкового выкида, на уровне погребенной почвы расчищена передняя половина скелета лошади (возраст 15–18 лет) – тризна 1 (рис. 9, 1). Лошадь лежала на левом боку, головой на юг, ногами к западу. В районе задних конечностей расчищены кости КРС (корова). Голова коровы располагалась несколько западнее остальных костей, она была ориентирована на север, ноги направлены в сторону лошади. Тризна относится к основному погребению 4 (покровская культура). Черепа и подиальные части КРС вполне характерны для погребений и насыпей этой эпохи. Полтуши лошади в том же кургане – факт плохо устанавливаемый, но также возможный для ритуалов этого времени. Важно отметить, что в качестве жерт-

вы использовано было очень старое животное, несмотря на то, что инвентарь указывает на высокий статус человека, которому они принадлежали.

В 1,5 м к югу от центра найдены остатки тризны 2 (нижняя челюсть лошади – возраст 4,5 года), относящиеся, вероятно, к погребению 1. Рядом с челюстью обнаружены лежащие без определенной системы мелкие фрагменты дерева.

В кургане исследованы четыре захоронения.

Погребение 1 – впускное (рис. 7, 1) выявлено в погребенной почве, в центральной части кургана, на глубине 0,91 м от «0R». Форма и размеры могильной ямы не фиксировались. Дно покатое, так как кости скелета располагались под наклоном от стоп к тазу. Погребение разрушено. От него сохранились бедренные кости и левая голень. Судя по расположению костей, умерший (взрослый мужчина) лежал вытянуто на спине, головой на юг-юго-запад. Под костями обнаружены следы белого органического тлена от подстилки.

Предположительно, погребение относится к сарматской культуре раннего железного века.

Погребение 2 – впускное (рис. 7, 6) выявлено в центральной части кургана, на уровне материка. Оно слабо фиксировалось в центральной стратиграфической бровке. Могильное пятно не имело четких очертаний, т. к. было сильно повреждено землероями. Глубина в материке 0,23 м. Дно могилы определено условно, по наибольшему скоплению костей скелета. От этого уровня отдельные кости и фрагменты сопутствующего инвентаря продолжали встречаться в норах до глубины около 1,7 м от «0R». Заполнение перемешанный землероями грунт.

Кости скелета взрослого человека (мужчина 25–35 лет) лежали в переотложенном состоянии, без определенного анатомического порядка (ни одна кость не располагалась *in situ*). Предположительно можно сказать, что погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Череп несколько в стороне, остальные части скелета располагались двумя скоплениями. В скоплении, находящемся ближе к черепу, лежали несколько позвонков и ребер, ключица, грудина, левая половина таза, левая плечевая кость. Во втором скоплении – бедренные и берцовые кости, несколько фаланг стоп, нижняя челюсть, кость предплечья. Весь сопровождающий инвентарь во фрагментах располагался среди костей скелета и не составлял какой-либо системы.

В центральной части ямы, между двумя скоплениями обнаружено несколько фрагментов плоских, сегментовидных в сечении железных пластин, шириной 1 см, две из которых имели ромбические расширения на концах с штифтами (рис. 8, 11). Здесь же лежали небольшие части тонких деревянных дощечек, толщиной около 1 см. Мелкие фрагменты таких пластин и деревянных дощечек собраны по всей могильной яме, на различной глубине. Эти

фрагменты пластин группируются по ширине и форме. Три фрагмента линзовидные в сечении, шириной 1,2 см, толщиной 0,3 см, на двух из них с обратной стороны штифты (рис. 8, 12). Три фрагмента сегментовидного сечения, шириной 1,7 см, толщиной 0,7 см. Один из фрагментов немного сужается на конце и образует округлое окончание, один имеет на обратной стороне штифт (рис. 8, 13). Есть также фрагмент широкой, немного скругленной плоской пластины, один край которой загнут. Ширина пластины 3 см (рис. 8, 14). Найдено несколько подобных пластин с загнутым краем, но шириной 1,2 см (рис. 8, 16). Все пластины с обратной стороны имели следы древесного тлена. Представляется, что они составляли фурнитуру колчана.

Рядом с нижней челюстью погребенного найдены фрагменты трех железных наконечников стрел. Один плоский, черешковый. Перо ромбической формы, с вогнутыми нижними и несколько выпуклыми верхними ударными гранями, у основания пера – валик, черешок удлинённый. Перо в сечении ромбическое. Размер пера 6 x 3,1 см, длина черешка около 5,6 см (рис. 8, 2). Общая длина около 11,7 см. Второй наконечник плоский черешковый, перо, вероятно, листовидной формы. Сохранился в двух фрагментах: верхняя часть пера и черешок (рис. 8, 1). Длина черешка 3,9 см. От третьего наконечника сохранился только черешок, длиной 4,2 см (рис. 8, 3).

Рядом с черепом умершего найдена маленькая бронзовая пуговица грибовидной формы (рис. 8, 7). Петля плоская, овальной формы. На «шляпке» орнамент из перекрещивающихся в центре линий. Диаметр пуговицы 0,8 см, петля 0,8 x 0,5 см.

Во втором скоплении костей найдена железная рамчатая пряжка. Рамка подпрямоугольная, в сечении, вероятно, прямоугольная (сильно корродирована), с подвижным язычком. На обратной стороне отпечатки ткани. Размер 3,4 x 2,7 см (рис. 8, 5).

Ниже уровня дна могилы, в норах, обнаружены несколько железных предметов. Калачевидное кресало с треугольным выступом с внутренней стороны, с загнутыми наружу и соединёнными вместе концами, размером 5,5 x 3,4 см. На его поверхности с двух сторон имеются отпечатки ткани, вероятно, от кисета (рис. 8, 8). Круглая пряжка с подвижным язычком, диаметром 4 см. Пряжка в сечении круглая, диаметр сечения 0,8 см (рис. 8, 4). Кольцо диаметром 3,5 см, диаметр круглого сечения 0,7 см (рис. 8, 6). Фрагмент лезвия ножа, однолезвийного, клиновидного в сечении. Длина фрагмента 8 см, ширина 1,7 см (рис. 8, 10). Кроме того, здесь найдена проколка с обломленным острием, изготовленная из кости лошади. Длина проколки 11,9 см (рис. 8, 9).

Погребение относится к эпохе средневековья, XIII–XIV вв.

Погребение 3 – впускное (рис. 7, 2) выявлено в юго-западном секторе кургана, на уровне материка. Подпрямоугольная могильная яма с закругленными углами ориентирована длинными сторонами с северо-запада на юго-восток, дно ровное. Юго-восточная часть ямы повреждена землероями. Ее ориентировочные размеры 1,54 x 0,79 м. Глубина в материке 0,13 м. Заполнение – плотный перемешанный грунт.

Погребение полностью разрушено землероями. Зафиксированы отдельные части скелета – череп, расположенный ближе к западному углу могилы, ключица и несколько фрагментов ребер. По сохранившимся остаткам невозможно что-либо определенное сказать о позе погребенного (мужчина 30–40 лет). В северной части заполнения могилы зафиксированы остатки поперечного перекрытия прутьями. Рядом с ключицей найдена бронзовая овальная бляха полусферического профиля. В центре имеются три поперечные полосы, на обратной вогнутой стороне два штифта для крепления. Размер 2 x 0,8 см (рис. 7, 5). Рядом лежали фрагменты железного наконечника стрелы. Наконечник плоский, черешковый, перо ромбической формы, с вогнутыми нижними и несколько выпуклыми верхними гранями. Перо в сечении ромбическое. Размер пера 6 x 2,6 см. Сохранившаяся длина предмета 6,5 см (рис. 7, 3).

В норе, около юго-восточной стены, найден еще один железный наконечник стрелы типа срезня. Он такой же плоский, черешковый, перо подтреугольной формы, верхняя грань несколько скруглена. Общая длина предмета 5,5 см, длина черешка 2,8 см, ширина пера 3 см (рис. 7, 2).

Погребение относится к эпохе средневековья, XIII–XIV вв.

Погребение 4 – основное (рис. 9, 2) выявлено в восточной половине кургана, на уровне материка. Могильное пятно имело аморфные очертания, яма сильно повреждена землероями. Лучше сохранилась западная стена, другие частично. Могила имела прямоугольную форму, по продольной оси ориентирована с юга на север с небольшим отклонением к востоку. Размер 3,22 x 1,85 м, глубина в материке 1,4 м. Заполнение могилы содержало большое количество светлого органического тлена. Дно ровное, нетронутыми остались лишь небольшие участки в центре и по углам ямы. Зафиксированы фрагменты подстилка в виде белого органического тлена, поверх которой, местами, заметен коричневый древесный тлен (кора). Ближе к северной стене расчищены остатки берестяного предмета (короба?) размерами 0,62 x 0,4 м. Под ним, поверх подстилки прослежена слабая посыпка охрой. В коробе лежали бронзовый нож, костяной наконечник стрелы и три костяные втулки.

Нож двулезвийный с перекрестием и перехватом, лезвие подромбической формы, конец черешка треугольный. Общая длина изделия 13,5 см, длина черешка 5,1 см (рис. 9, 3).

Трехгранный наконечник стрелы костяной, втульчатый. Втулка внутренняя, конусовидной формы. Внешняя поверхность заполирована. Общая длина 4,7 см (рис. 9, 9).

Костяная втулка, изготовленная из поперечного распила трубчатой кости, цилиндрической формы. Внешняя поверхность заполирована (рис. 9, 8). Высота 2,7 см, диаметр 1,7 см.

Костяная втулка из распила трубчатой кости, цилиндрической формы. Внешняя поверхность заполирована, по краям с обеих сторон имеет резной орнамент в виде горизонтальной полосы мелких треугольников. Высота 1,8 см, диаметр 1,8 см (рис. 9, 7).

Костяная втулка из распила трубчатой кости, приталено-цилиндрической формы. Поверхность заполирована, украшена по обоим краям пояском свисающих треугольников, стороны которых, состоят из ряда мелких треугольников, выполненных в той же технике, что и рукоять. Внутреннее пространство треугольников заполнено наклонными полосами из мелких треугольников. Высота 2 см, диаметры – верхний 1,8 см, нижний 2,5 см, диаметр отверстия 0,9 см (рис. 9, 6).

Костяная втулка, найденная за пределами берестяного короба, изготовлена из поперечного распила трубчатой кости, бочонковидной формы, внутреннее отверстие имеет подквадратную форму. Поверхность заполирована, украшена по краям резными свисающими треугольниками (по четыре с каждой стороны), вершины которых соединяются. Высота 1,9 см, диаметр основания 1,7 см (рис. 9, 5).

Рядом с остатками берестяного предмета найдена костяная рукоять, изготовленная из распила трубчатой кости. Поверхность заполирована и украшена семью полосами мелких резных треугольников, три пары которых обращены вершинами друг к другу. Длина изделия 8,8 см, диаметр верхний 2,0 x 1,8 см, диаметр нижний 2,3 x 2,0 см (рис. 9, 4).

В заполнении могильной ямы найдены два небольших фрагмента стенки глиняного лепного сосуда, с примесью толченой раковины в тесте, один украшен крупнозубчатым штампом (рис. 9, 10).

Погребение не содержало скелета и предположительно было кенотафом, по составу инвентаря относится к покровской культуре начального периода эпохи поздней бронзы.

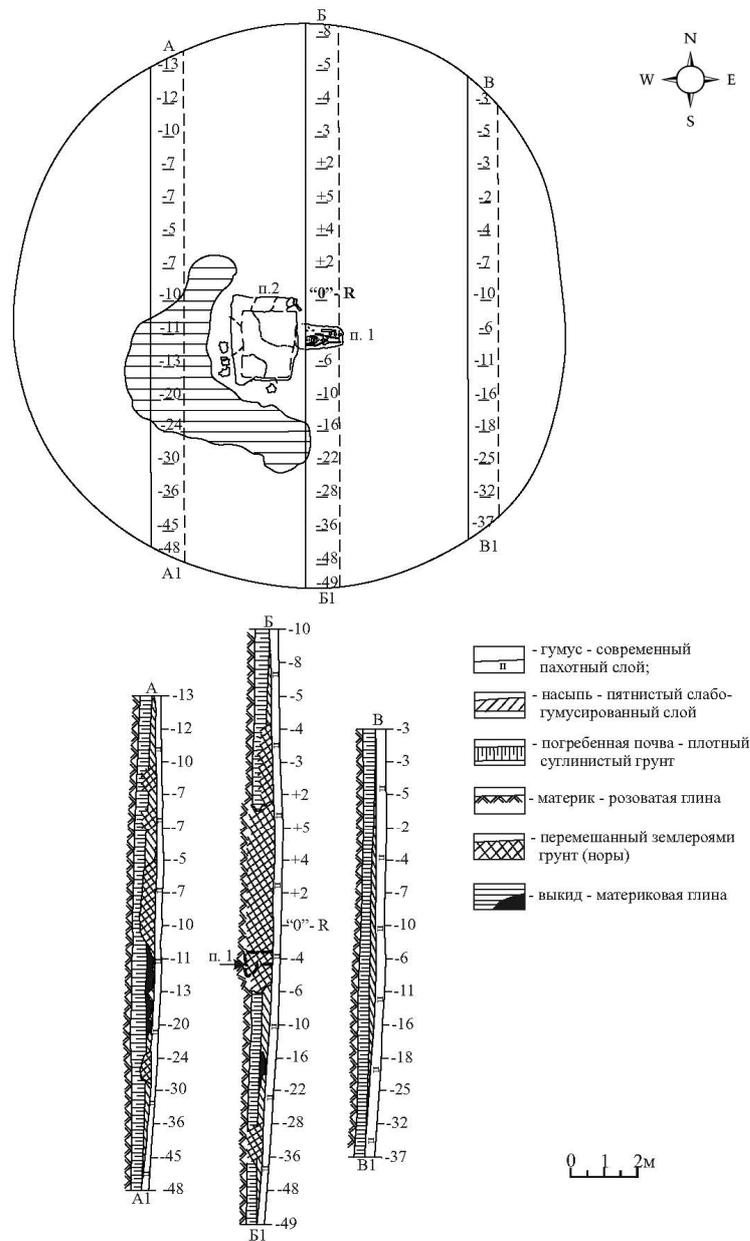

Рис. 1. Курганный могильник «Колывань VII». Курган 1

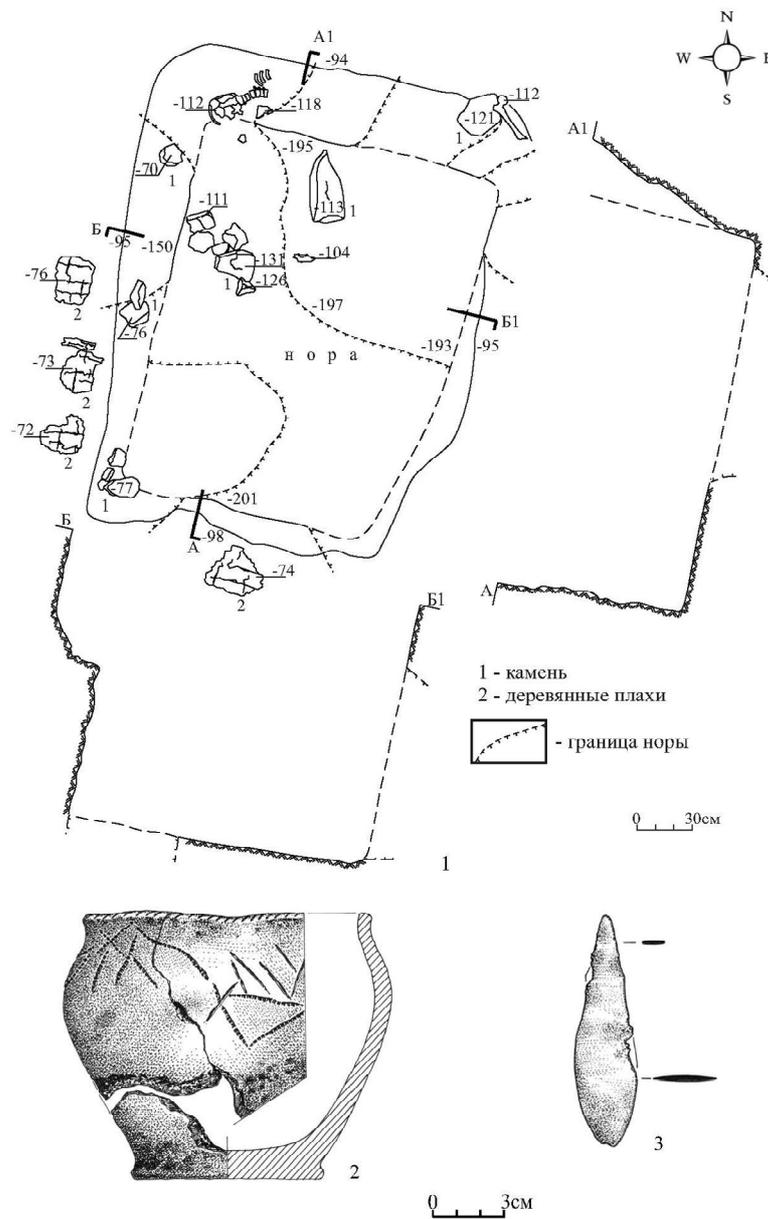
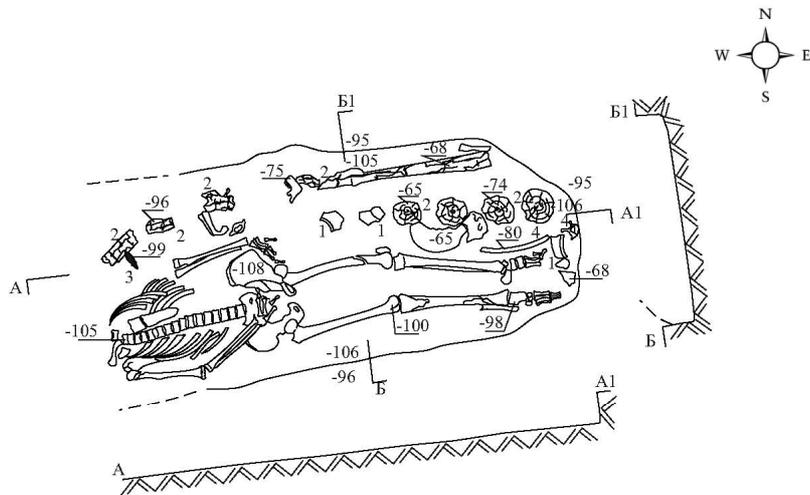

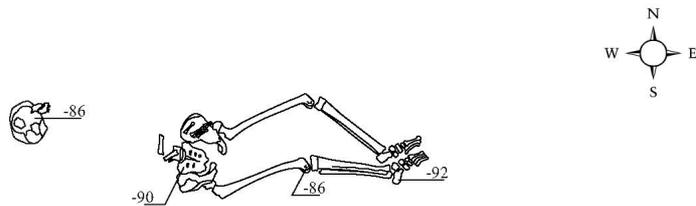
Рис. 2. Курганный могильник «Кольвань VII». Курган 1. Погребение 2:
1 - план; 2 - лепной сосуд; 3 - бронзовый нож.

- 1 - фрагменты керамики;
- 2 - дерево;
- 3 - бронзовый нож;
- 4 - кости МРС.

0 30см

1

0 30см

2

Рис. 3: 1 - курганный могильник «Колывань VII». Курган 1, погребение 1;
2 - курган 2, погребение 2.

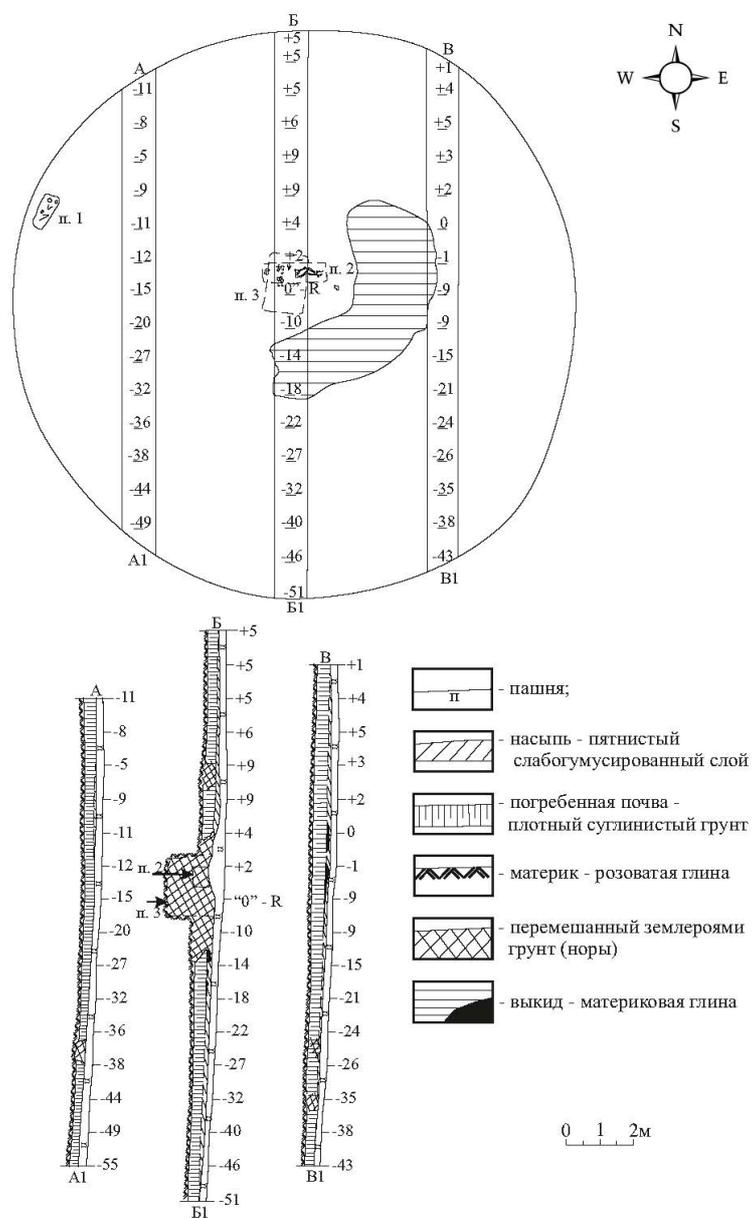

Рис. 4. Курганный могильник «Колывань VII». Курган 2.

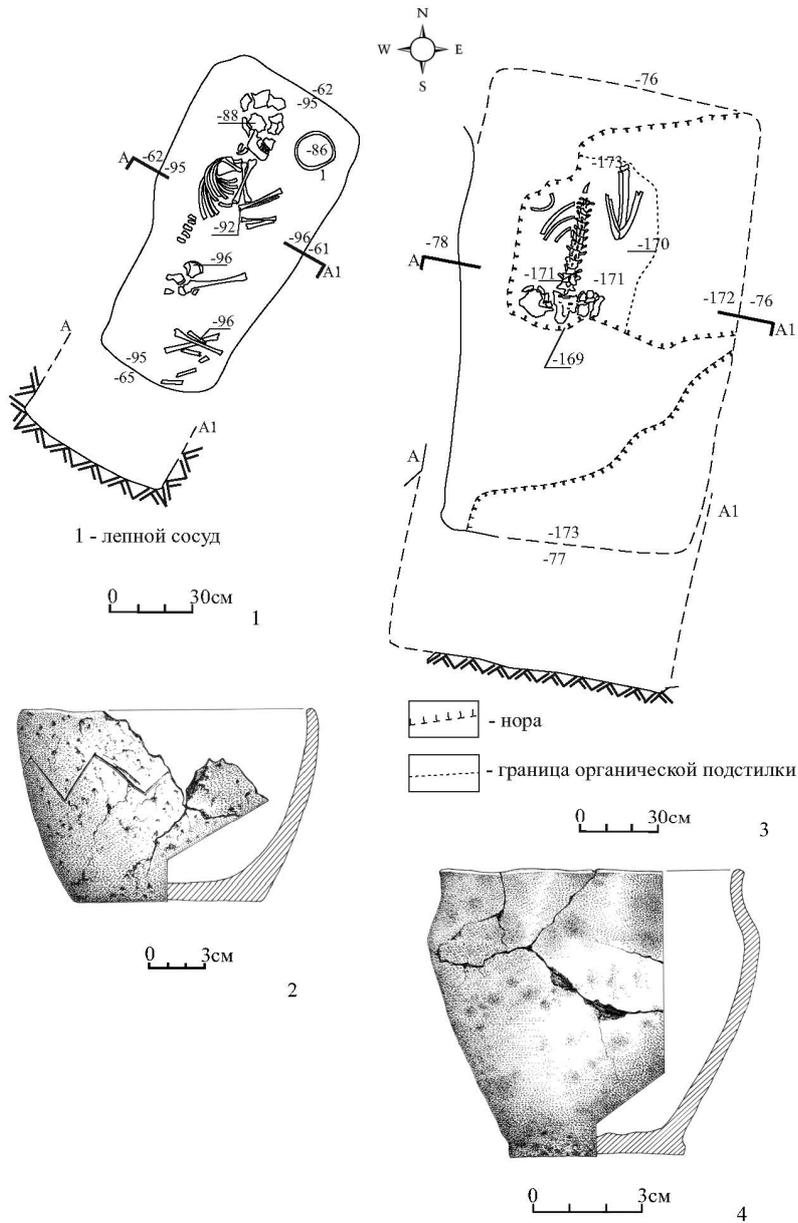

Рис. 5. Курганный могильник «Колывань VII». Курган 2: 1-2 - погребение 1; 3-4 - погребение 3.

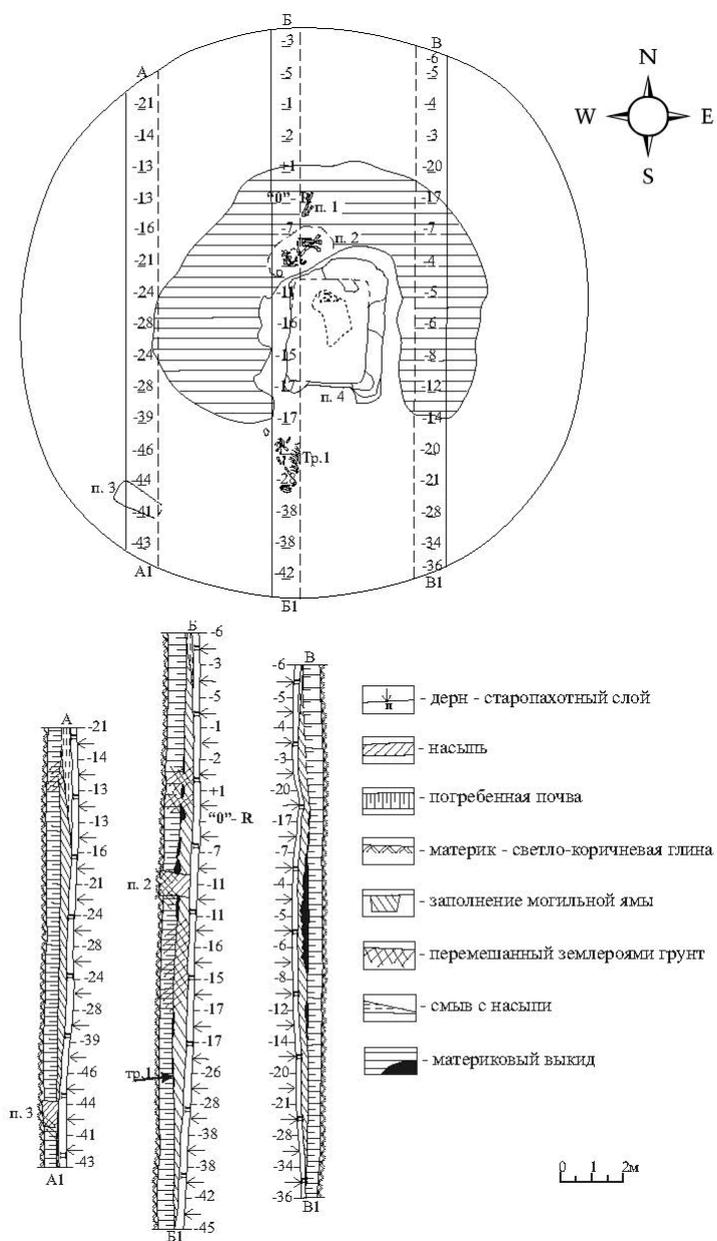

Рис. 6. Одиночный курган «Красноармейское I». План.

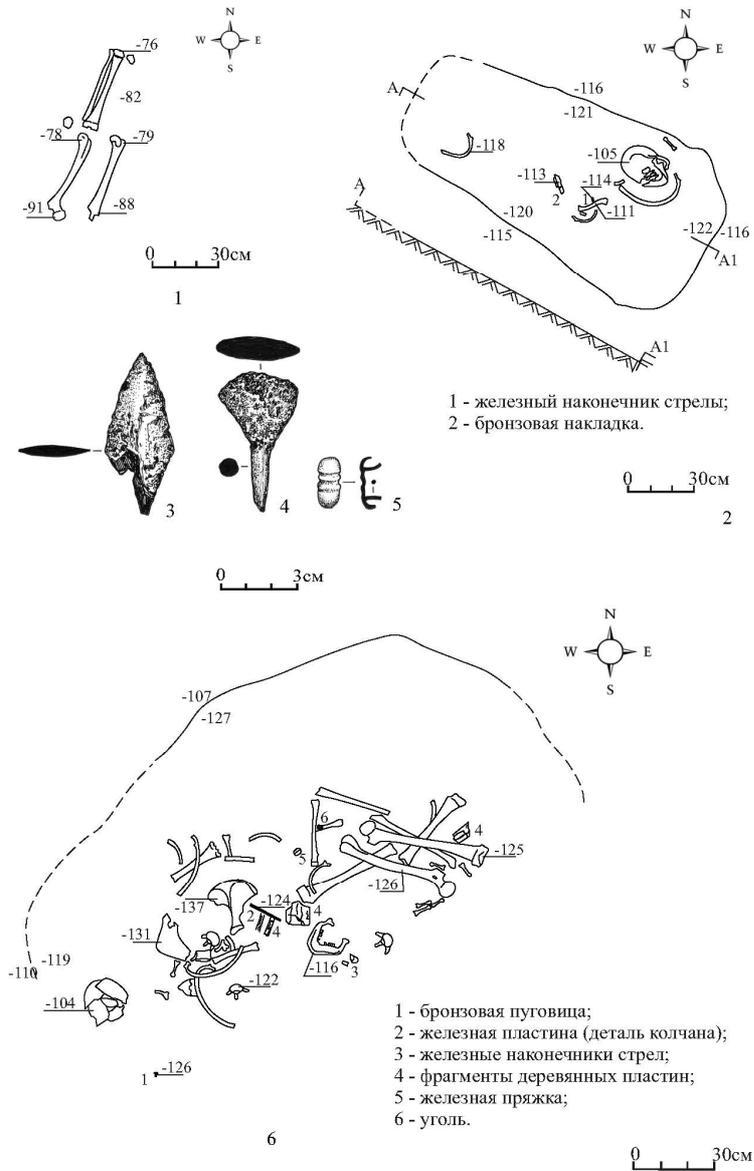

Рис. 7. Одиночный курган «Красноармейское I».
1 - погребение 1; 2-5 - погребение 3; 4 - погребение 2.

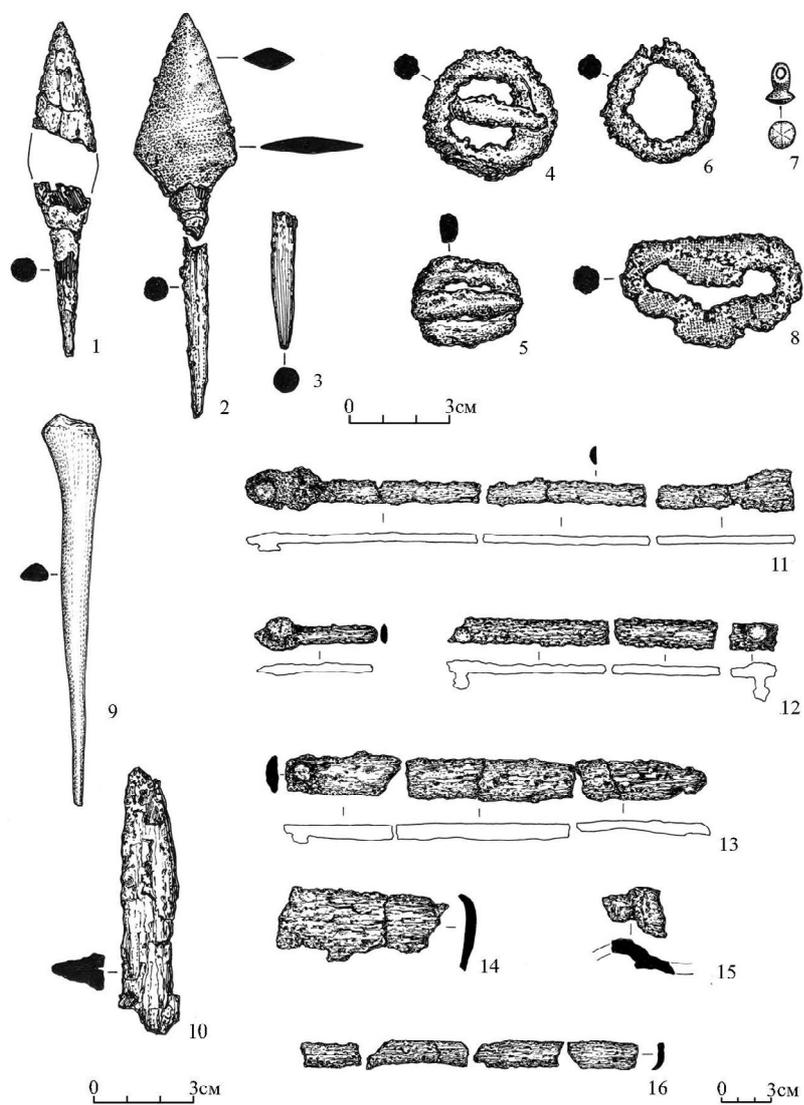

Рис. 8. Одиночный курган «Красноармейское 1».
 Находки из погребения 2: 1-3 - железные наконечники стрел; 4-5 - железные пряжки;
 6 - железное кольцо; 7 - бронзовая пуговица; 9 - костяная проколка;
 10 - фрагмент железного ножа; 11-16 - железные фрагменты колчана(?)

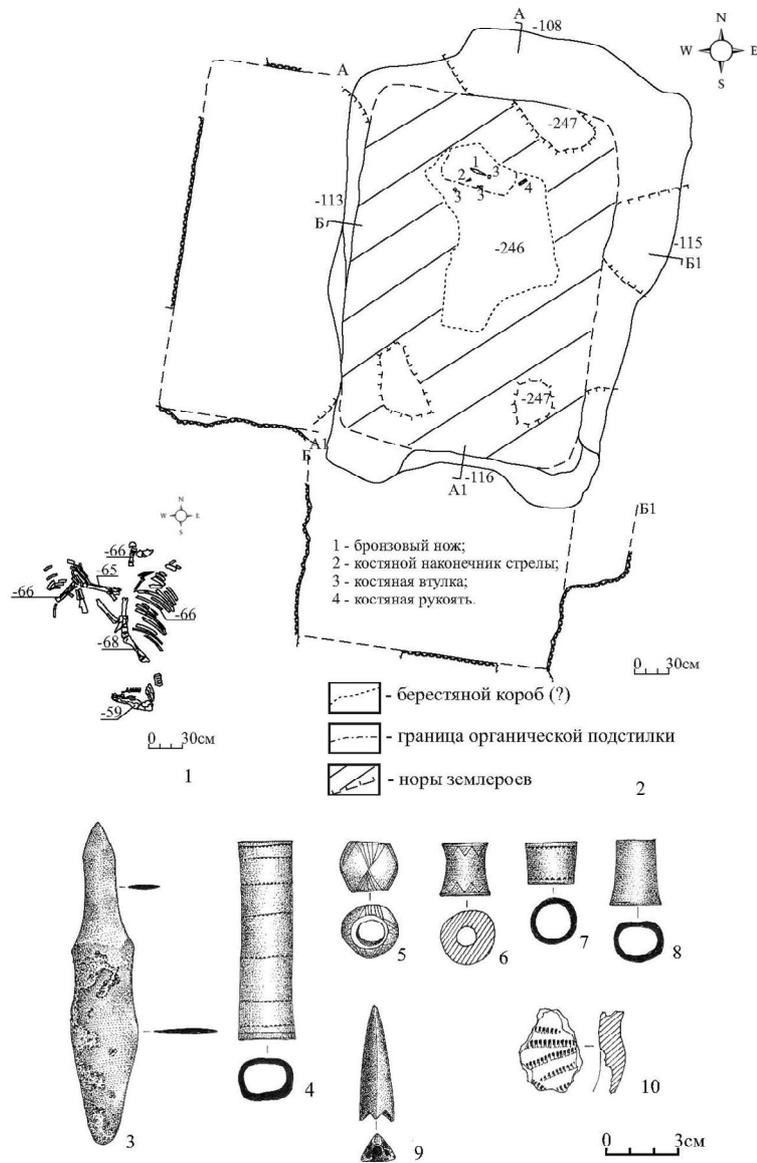

Рис. 9. Одиночный курган «Красноармейское I». 1 - тризна 1; 2 - погребение 4; 3 - бронзовый нож; 4 - костяная рукоять; 5-8 - костяные втулки, 9 - костяная стрела, 10 - фрагмент лепного сосуда.

Мамонтов В.И., Матаев В.В.

ДОИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ВЕРБОВСКИЙ III

Курганный могильник Вербовский III находился в 4,6 км на запад от пос. Вербовский Калачевского района Волгоградской области. Его восточная часть исследована Донской экспедицией ВГПУ в 2002 г. [Мамонтов В.И., 2002. С. 6–20]. Во время охранных раскопок в курганах обнаружены древние погребения, относящиеся к эпохе бронзы (ямная, катакомбная и срубная культуры), раннему железному веку («переходник», ранние и средние сарматы) и средневековью (погребение IX–X вв.).

Вторая, западная часть курганного могильника, располагалась за лесополосами, идущими вдоль железной дороги Волгоград-Ростов-на-Дону. Когда-то эта группа курганов составляла единое целое с ранее раскопанными насыпями Вербовского III. Строительство дороги до революции, посадка лесозащитных полос в советское время, не только разделили их на отдельные могильники, но, наверняка, разрушили часть курганов, находившихся на этой площади. В течение 2010–2012 гг. были исследованы остальные курганы могильника Вербовский III [Мамонтов, 2010. С. 20–27; 2011. С. 14–23; 2012. С. 7–24]. Нумерация курганов продолжилась от ранее раскопанных насыпей.

Ключевые слова: эпоха бронзы, ранний железный век, эпоха средневековья, погребение, керамика, охра, канфар, железные наконечники стрел, кресало, колчан

Mamontov V.I., Matayev V.V.

FURTHER INVESTIGATION BURIAL MOUND VERBOVSKY III

Don VGSPU expedition conducted excavations western burial mound Verbovsky III. Here was a group of five mounds. Met burial of pit and carcass Bronze Age cultures, the early Iron Age and the Middle Ages.

Of interest is the burial IX–XI centuries, admitted to the mound. It was accompanied by feasts: the position of a horse's head and a scattering of early medieval pottery shards. Burial XIII–XIV centuries – destroyed. They are a collection of iron stirrups, arrowheads, iron buckles on shoulder belt, quivers of birch bark, objects made of bone – lining the bow portupeynaya plaque okonechnik wooden handle of the whip.

Research significantly supplement the information about the tribes who lived on the left bank of the river Don.

Keywords: Bronze Age, Early Iron Age, the Middle Ages, entombment, ceramics, ocher, kanfar, iron arrowheads, bared, quiver

КУРГАН № 4

Диаметр кургана 8 м, высота 0,4 м. Находился в ЮЗ направлении от восточной группы курганов, раскопанных в 2002 г., за лесополосами и полотном железной дороги.

Погребение 1. Узкая яма с закруглёнными малыми сторонами ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Длина 2,59 м, ширина 0,8 м. Глубина ямы 2,38 м от «0R». Сверху вход в яму был перекрыт плахами. В засыпи ямы на разной глубине встретились кусочки гнилого дерева, обрывки плотных слоев куги от подстилки, кости человека, частично сдвинутых в северо-восточный угол (рис. 1, 2).

Сопровождающий инвентарь:

1. Ременная железная пряжка. Имеет прямой, овальный в сечении, стержень, на средней части которого загнута основание язычка. Остальная часть пряжки овальная. Размеры: 4 x 4,5 см (рис. 2, 1).

2. Фрагменты железных наконечников стрел найдены на бересте от колчана у восточной стенки ямы: *а* – пулевидная, округлая в сечении, имеет прямое основание у черешка. Длина 8,4 см. На черешке сохранились волокна дерева (рис. 2, 2); *б* – фрагмент черешкового двухлопастного наконечника с треугольным остриём. Длина сохранившейся части 5,9 см (рис. 2, 3); *в* – фрагмент основания двухлопастного черешкового наконечника. Острие сломано. Длина сохранившейся части 6,9 см (рис. 2, 5); *г* – стержень черешка со следами волокон дерева. Длина 3,7 см (рис. 2, 4); – фрагмент наконечника стрелы. Длина 3,6 см (рис. 2, 6).

3. Фрагмент железного кресала – широкая пластина, к узкой части которой примыкает квадратный в сечении, плавно изогнутый, стержень. Длина сохранившейся части 3,8 см (рис. 2, 7).

4. Фрагмент нижней части колчанного крюка. Верхняя часть крепления сломана. Плоский стержень постепенно переходит в округлый прут, загнутый в крючок под острым углом. В месте перехода стержня в прут имеется

небольшое плоское расширение. Возможно, здесь были отверстия, заплывшие ржавчиной, для крепления штифтами к ремню. Длина предмета 5,8 см (рис. 2, 8).

5. Отщеп серого кремня со следами многочисленных сколов и следов окисла железа на поверхности лежал рядом с фрагментом кресала. Размеры: 2,6 x 1,8 x 1,0 см.

6. Фрагменты бересты разрушенного колчана собраны около ЮВ стенки ямы. Тубус колчана был скручен из нескольких слоев берёстовой коры.

7. Два фрагмента крупной супонной пряжки с обломком плоского язычка. Он опирался кончиком на округлую часть пряжки. Ширина кольца, плоского в сечении, 1,2 см (рис. 2, 9).

8. Фрагмент нижней части кожаного кошеля. Это – узкая, согнутая вдвое, лента. Ей были обшиты по краям пласты кожи изделия, фрагменты которого со следами мелких отверстий от прошивки, встречены рядом. На одном куске кожи, возможно, из средней части кошеля, заметен растительный орнамент в виде листьев. Вероятно – это плохо сохранившаяся тканевая аппликация на внешней кожаной поверхности кошеля (рис. 2, 10).

9. Железная пряжка с подвижным язычком, закреплённым на прямом стержне пряжки, переходящем в полукруглую часть. На неё опирается кончик язычка. Размеры: 4,7 x 4,4 см (рис. 2, 14).

10. Мелкие фрагменты железного предмета, возможно, кольца супони, собраны на дне у восточного угла ямы. Их сечения округлые. Не восстанавливаются.

11. Фрагменты железных портупейных колец. Он состоит из двух небольших прямоугольных подвижных колец, округлых в сечении, скрепленных перемычкой. Длина кольца 3,2 см, ширина 1,6 см (рис. 2, 11).

12. Фрагмент округлой железной портупейной пряжки. Сохранились язычок и часть плоского в сечении кольца. Ширина фрагмента 2,7 см (рис. 2, 12).

13. Фрагмент изогнутой, прямоугольной в сечении, железной пластинки. Возможно, оконечник узкого ремня. На конце, с внутренней стороны пластинки, имеется небольшой штифт крепления. Длина 2,8 см (рис. 2, 13).

14, 15. Фрагменты железных стремян. Имеют широкую подножку, по нижней стороне которой, по всей длине, проходит небольшая выемка. Стержни направлены от узких сторон стремян, почти под прямым углом, к верхней дуге, где не сохранилась петля или отверстие для крепления кожаного ремня. Высота одного стремени 15 см, ширина подножки 6 см, длина подножки 11,6 см. Округлые по бокам стержни раскованы в верхней части (рис. 2, 15). Второе стремя не восстанавливается. Несколько выше основания подножки стержни округлые в сечении. В верхней части дуга раскована. С

левой стороны сохранился небольшой выступ, возможно, от разрушенного отверстия для подвязки ремня. Высота стремени 12,2 см, ширина подножки 5,4 см, длина подножки 11,2 см (рис. 2, 19).

Погребение относится к эпохе средневековья. Ориентировочно датируется XIII–XIV вв.

КУРГАН № 5

Диаметр кургана 8 м, высота 0,4 м.

Погребение 1. Прямоугольная яма с закруглёнными углами ориентирована длинной осью по направлению СВ–ЮЗ. Длина ямы 3,43 м, ширина 2,34 м, глубина 1,87 м от «0R». В засыпи были встречены мелкие кусочки стгнившего дерева от перекрытия, небольшие фрагменты костей человека.

На дне ямы, в южном углу обнаружен фрагмент плечевой кости взрослого человека и обломок лопатки.

Сопровождающий инвентарь:

1. Два фрагмента лепного горшка. Один – от прямого венчика, верхний край которого слегка отогнут наружу. Глина черная в изломе с примесью шамота. Внешняя поверхность темная с пятном копоти. Внутренняя поверхность светло-серая, хорошо заглаженная. Размеры черепка 4,2 x 4,8 см. Второй фрагмент – от дна сосуда, реконструированный диаметр дна которого 10 см.

2. Несколько мелких фрагментов от железного предмета, возможно, от клинка кинжала.

Погребение относится к сарматской культуре.

КУРГАН № 6

Диаметр кургана 14 м, высота 0,6 м. Насыпь кургана разрушена грабительским перекопом. С запада к кургану примыкала, разрушая полу, заплывшая квадратная яма времен боёв на подступах к Сталинграду.

Следует отметить оригинальный приём погребального ритуала при проведении похорон, необъяснимый в настоящее время. Площадь поверхности погребенной почвы вокруг ямы погребения, над местом будущей насыпи, была покрыта плотной серой илистой массой, более высокой к центру кургана. Раствор, вероятно, полужидкая, хорошо промешанная «болтушка», без заметных включений. Наибольшая толщина слоя 0,18 см. Длина овальной площади заливки 8 м, ширина 5 м. Ориентирована по направлению З–В.

Возможно, густую илистую массу подготовили непосредственно около будущего кургана. По составу она напоминает сыроглиняные кирпичи, которыми покрывались склепы или делались оградки кочевников уже в период Золотой Орды.

Погребение 1. Яма погребения прямоугольная с закруглёнными углами, ориентирована по направлению СВ–ЮЗ. Длина ямы 2,96 м. Ширина ЮЗ стороны 0,76 м, ширина СВ стороны 1 м. Глубина ямы 1,9 м от «0R». В засыпи

встретились кусочки гнилого дерева от выброшенных досок гробовища. Несколько коротких фрагментов гнилых деревянных плашек (толщина до 5 см) лежали на дне ямы под грудой костей.

Кости скелета человека были сдвинуты в кучу к СВ стороне. По всей видимости, мужчину 25–30 лет положили в гробовище на спину в вытянутом положении головой на СВВ (рис. 1, 5).

Сопровождающий инвентарь:

1. Фрагменты берёстового колчана собраны у СВ стенки ямы. Тубус колчана положили между восточной стенкой ямы и боковой доской гробовища. Он изготовлен из нескольких слоев берёстовой коры. На поверхности корпуса колчана видны более десятка парных сквозных отверстий, вероятно, для сшивки пластов бересты. Внутри колчана обнаружен распавшийся тонкий железный плоский прут, который, возможно, являлся элементом закрепления внутреннего края берестового пласта через отверстия на корпусе. Нижняя часть корпуса расширена. Верхняя часть колчана украшена двумя полосками черной мастики, шириной до 4 см. Одна проходит по средней части, вторая – на изгибе корпуса. Короткая полоса мастики отмечена и на краю нижней широкой части. На корпусе колчана отмечены слабо прочерченные концом острия вертикальные полосы разметки – границы для покрытия мастикой. Длина сохранившегося корпуса колчана 66 см. Ширина в верхней части 12,2 см, ширина в нижней части 16,5 см (рис. 2, 22).

2. Два железных наконечника стрел находились внутри колчана, в его нижней части: *а* – плоский двухлопастной черешковый наконечник стрелы («срезь»). Длина наконечника 5,6 см (рис. 2, 16); *б* – черешковый двухлопастной наконечник стрелы с треугольным остриём. Имеет прямое основание черешка. Длина 7,2 см (рис. 2, 17).

3. Наконечник стрелы с треугольным острием изготовлен из кости. Поверхность отполирована. Находился внутри колчана. Три грани острия плавно переходят в округлый черешок, который двумя боковыми срезами формируется в острие. Длина наконечника 9,1 см (рис. 2, 21).

4. Небольшая костяная портупейная бляшка представляет собой треугольную тонкую пластинку с ажурными дуговидными вырезами по сторонам. Верхняя плоскость разделена дугами на три части, в каждой из которых вырезаны по три округлых небольших выступа. Размеры: 2 x 2,3 см. По углам бляшки сохранились следы железных штифтов крепления к ремню (рис. 2, 18).

5. Костяной оконечник плети лежал рядом с колчаном. Это предмет с грибовидным навершием с просверленным и хорошо обработанным сквозным отверстием. Верх широкой части заглажен, у отверстия заметен небольшой валик. По широкой части навершия проведены три параллельные гори-

зонгальные резные линии. У основания широкой части вырезан круговой валик, посередине которого проходит резная линия. На слегка расширенной длинной нижней части навершия, посередине его, также проведены две круговые резные линии. Длина предмета 4,8 см, диаметр грибовидного навершия 3,2 см. Диаметр верхнего отверстия 0,7 см, диаметр входного отверстия 1,4 см (рис. 2, 20).

6. Костяные накладки на седло: *а* – тонкая треугольная пластинка с круглыми отверстиями для крепления по углам. Один конец сломан. Поверхность заполирована. На внутренней поверхности сохранились следы пор, мелких углублений старой кости. Размеры: 6,4 x 5,6 x 6 см. Диаметр отверстия 2 мм (рис. 3, 1); *б, в* – две тонкие пластинки с заполированной поверхностью. Длина, соответственно, 7,6 см и 4,8 см. В широкой пластинке прорезаны три отверстия для железных гвоздиков (в одном он сохранился). На внутренней поверхности видны косые короткие нарезки остриём (рис. 3, 2). На фрагменте узкой пластинки сохранился в отверстии гвоздик. От длинной накладной пластинки осталась только узкая изогнутая часть с треугольным сломанным концом. Длина пластинки 4,8 см (рис. 3, 3).

7. Фрагменты разрушенных железных стремян. Одна подножка была широкая. Стержни округлые в сечении, идут от узких сторон стремени к отверстию для крепления ремней. Оно пробито в узкой раскованной части стремени. Ширина подножки 7,5 см, края её направлены вниз, вовнутрь. Высота стремени 14,1 см. Судя по внешнему виду изделия, относится к XIII в. (рис. 3, 5).

Второе стремя частично собрано из мелких фрагментов. Подножка широкая (ширина сохранившейся части 5,5 см), с краем, загнутым вниз вовнутрь. Сохранился один стержень стремени. Он округлый в сечении в средней части, выше – раскован и переходит в верхнюю часть со следами сквозного отверстия для ремня подвески. Высота сохранившегося фрагмента стремени 14,8 см (рис. 3, 13).

8. Небольшой фрагмент удила. Сохранилось кольцо с обломком округлого в сечении стержня. Диаметр кольца 2,2 см (рис. 3, 4).

9. Несколько фрагментов портупейной прямоугольной пряжки с остатками язычка, закрепленного на узкой стороне стержня. Ширина пряжки 2,6 см, длина сохранившейся части 4,2 см (рис. 3, 8).

10. Фрагмент черенка железного ножа с обломком острия. Длина 5,4 см (рис. 3, 9).

11. Фрагмент кресала овальной калачевидной формы. В средней части кресала находится небольшой отщеп светлого кремня, заплывший потёками ржавчины. Длина 5,1 см, ширина 2,8 см (рис. 3, 7).

12. Фрагменты крупной супонной железной пряжки. Её примерный диаметр 6,6 см. На округлом в сечении стержне было заковано кольцо основания толстого язычка. Диаметр сечения стержня 1,3 см. Ширина язычка 1,4 см (рис. 3, 6).

Погребение относится к эпохе средневековья, к XIII–XIV вв.

КУРГАН № 7

Диаметр кургана 12 м, высота 0,3 м.

Погребение 1. Могильное пятно подквадратного очертания с закругленными углами. Длинной стороной яма ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Длина ямы 1,98 м, ширина ямы – 1,93 м. Общая глубина ямы 1,15 м от «0R». В засыпи на разной глубине встречались мелкие кусочки гнилого дерева, угольки. Найдены также отдельные кости погребенного-ребёнка в возрасте до года: тазовая, большая берцовая, несколько рёбер и несколько мелких пластинок от черепа.

Культурная принадлежность погребения не определяется.

КУРГАН № 8

Диаметр кургана 24 м, высота 1,5 м. Насыпь кургана разрушена как современными перекопами поисковиков, так и заплывшими углублениями, оставшимися со времени боёв на подступах к Сталинграду. Отрезки заплывших ровиков сохранились только с южной и северной стороны. В западной части кургана в насыпи были встречены предметы, которые связаны с проведением поминальных обрядов, тризны:

Находка в насыпи I. наброска керамики периода раннего средневековья и фрагменты костей барана и лошади. Площадь тризны 1,9 x 2,8 м. Глубина 0,3 м от «0R». Коллекция фрагментов (31 шт.) керамики состояла:

1. Мелкие и крупные фрагменты круговой керамики от нескольких кувшинов или амфор. Глина красная, хорошего обжига. Тулово сосудов покрыты, ещё по сырой глине, с помощью палочки ровными горизонтальными рядами линий. Нижняя часть сосудов орнаментом не заполнена (рис. 3, 11, 12). Некоторые фрагменты имеют мелкие сверленные отверстия для скрепления разбитых частей сосуда для вторичного использования. Среди них найдены два фрагмента от крупных ручек с валиком посередине, фрагмент высокой горловины с отогнутым наружу краем венчика (реконструированный диаметр 8 см) и следами крепления ручки (рис. 3, 10).

2. Фрагменты черноглиняного лепного сосуда с вертикально сглаженной поверхностью со следами копоти. Глина в изломе черная с примесью песка и крупиц шамота. Горловина высокая, край венчика отогнут наружу. По нему вкруговую нанесён ряд пальцевых вдавлений. Реконструированный диаметр венчика 16 см (рис. 3, 14).

3. Небольшой фрагмент черноглиняного горшка круговой работы. На внешней и внутренней стороне черепка видны параллельные следы, оставшиеся от инструмента при сглаживании поверхности тулова. Глина в изломе черная, с добавкой мелких частиц извести. Венчик горшка отогнут наружу. По внутренней стороне края венчика остриём нанесён вкруговую ряд ромбов, внутренняя площадь которых перечёркнута крестом. Реконструированный диаметр венчика 15 см (рис. 3, 15).

4. Фрагменты толстостенного черноглиняного сосуда местного производства. Его корпус асимметричен, вертикальной пропорции. Устье имеет отогнутый наружу широкий край венчика диаметром 30 см. Тулово с пятнами копоти, слегка округлое, хорошо заглажено и с широкой частью, несколько смещенной вверх. Диаметр узкого дна 14,4 см. Высота сосуда 32 см. Глина в изломе темная с небольшой примесью песка (рис. 3, 18).

Тризна относится к хазарскому времени и связана, как выяснилось позже, с печенежским погребением 4.

Находка в насыпи II. Череп лошади лежал на мелких рассыпанных угольках. Бабка (плюсна из копыта лошади) находилась под черепом. Под нижней челюстью обнаружены мелкие фрагменты кольца от сбруи. У нижней челюсти лошади лежали окунёвые рыбьи кости: челюсти, жаберные крышки, чешуйки, мелкие позвонки и ребра. Видимо, голова лошади и связка окуней были положены на нескольких тонких деревянных плахах и засыпаны землей, содержащей мелкие угольки. Полагаем, что эта поминальная тризна связана с погребением позднего кочевника (погребение 4), которое находилось вблизи и на одной глубине в восточном направлении.

Погребение 1. Скелет ребенка до года лежал на глубине 1,15 м «0R» на левом боку в скорченном положении, головой на СВВ. Кости рук согнуты в локтях. На дне и в засыпи около скелета обнаружены мелкие кусочки угля (рис. 1, 4).

Сопровождающий инвентарь:

1. Профилированный толстостенный сосуд лежал на боку около костей рук. Он высоких пропорций с прямым устьем, глина темная в изломе с незначительной примесью кусочков извести и песка. На внутренней стороне венчика прослеживаются следы горизонтального сглаживания. Внутри, до дна, видны следы вертикального сглаживания. Внешняя сторона тулова светло-коричневого и розоватого цветов. Поверхность тулова от широкой части до основания устья орнаментировано углами, которые нанесены концом толстой палочки. Их внутренняя часть заполнена наклонными короткими отрезками, параллельными одной из сторон угла. Между вершинами углов нанесены по 3–4 углубления кончиком пальца. Несколько наклонных рисок прочерчены по широкой части тулова, ниже основания углов. Дно узкое,

диаметр 8 см. Около него нанесён горизонтальный круговой ряд нажимов кончиком пальца. Диаметр устья сосуда 16 см, высота 17 см (рис. 3, 17).

2. Фрагментированный лепной баночный сосудик. Устье широкое, с слегка направленным вовнутрь краем. Глина темная со слабой примесью песка. Поверхность тулова светло-коричневая. Диаметр устья 9,2 см, высота 7,2 см, диаметр дна 8,2 см (рис. 3, 16).

3. Фрагмент кости ноги барана находился около малого сосуда.

Погребение относится к срубной культуре.

Погребение 2. Разрушенный скелет грудного ребенка обнаружен на глубине 1,22 м от «0R». Сохранились только тонкие косточки детского черепа. По всей видимости, ребенок лежал на спине, головой юг (рис. 1, 3).

Сопровождающий инвентарь:

1. Лепной глиняный сосуд асимметричной формы, вертикальной пропорции. Находился на СЗ от черепа ребенка. Венчик немного утолщен, дно уплощено. Глина черная. Внутри сосуда на стенках видны слабые белые пятна налета органики. Диаметр венчика 7,8 см, высота сосуда 12,4 см, диаметр дна 6,2 см (рис. 4, 1).

2. Фрагмент стеклянного канфара – ручка. Стекло прозрачное светло-зеленое. Сохранилась широкая горизонтальная площадка у венчика сосуда и участок ручки, изогнутой дугой. Немного выше прямоугольного основания на ручке имеется небольшой язычок, закругленный по краю. Основание ручки подчеркивается прямоугольными рельефными короткими линиями. Реконструированный диаметр венчика 10,6 см (рис. 4, 4).

Погребение ребенка относится к средне-сарматскому периоду.

Погребение 3. Прямоугольная могильная яма с закругленными малыми сторонами ориентирована по направлению С-Ю. Длина ямы 2,15 м, ширина входа 0,7 м. Ниже от среза ямы по восточной стороне идет небольшой наклон стены в сторону входа в подбой. Общая глубина ямы 4,2 м от «0R». Высота свода подбоя 1,1 м. Ширина подбоя 1,54 м. Длина подбоя 2,07 м. Стенки подбоя прямые, плавно переходящие в свод. Дно со следами слабой подстилки, вероятно, из прутьев: встречены мелкие гнилые округлые кусочки дерева. Дно посыпано меловой крошкой (рис. 1, 1).

Скелет мужчины 30–40 лет покоился на спине в вытянутом положении головой на юг посередине дна подбоя. Кости рук вытянуты вдоль тела. Колени сведены почти друг к другу (рис. 1, 1).

Сопровождающий инвентарь:

1. Кремневый отщеп лежал у правого плеча погребенного. Длина 4,7 см (рис. 4, 3).

2. Фрагмент оселка из плотного песчаника овального в сечении лежал у правого бедра. Поверхность заглажена, без следов практического использова-

ния. Один конец закруглен. Ниже его имеется сквозное отверстие для подвязки, диаметром 0,6 см. Длина фрагмента 5,4 см, сечение 1,8 x 1,6 см (рис. 4, 2).

3. Мелкие кусочки серы прослежены у левой кисти.

4. Железная пряжка обнаружена на тазовых костях. Это – тонкое плоское кольцо, подходящее концами к острию короткого язычка с которым, вероятно, оно было сковано. Диаметр кольца 5,3 x 4,5 см (рис. 4, 7).

Погребение относится к раннесарматской культуре.

Погребение 4. Впускное погребение мужчины 30–40 лет находилось на глубине 1,3 м от «0R». В заполнении ямы – темная рыхлая супесь со следами углей, особенно обильных в нижней части. Погребенный положен на подстилку из слоя тонких деревянных дощечек, которые были покрыты слабым слоем куги. На погребенного были брошены прутья и ветки со следами сожжения. Полагаем, что именно с ним связаны ритуальные действия, следы которых встретились в верхних слоях насыпи – тризна (фрагменты керамики, расщепленные кости и череп лошади, кости рыб).

Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. Руки положены вдоль тела, ноги сведены ступнями вместе (рис. 1, 8).

Сопровождающий инвентарь:

1. Мелкие фрагменты железного предмета собраны у правого предплечья погребенного.

2. Фрагменты стремян находились у правой стопы (не восстанавливаются): а – подножка, слабо изогнутая дугой, переходит в массивные, прямоугольные в сечении стержни, которые заканчиваются прямоугольной петлей со сквозным отверстием для ремня подвески. Ширина подножки 3,2 см, толщина 0,6 см. Высота сохранившейся части стремени около 17,5 см (рис. 4, 5); б – от второго стремени сохранилось только два стержня, округлые в сечении. Длина стержней 13,2 см и 12,8 см. На фрагменте сохранился переход к подножке и к прямоугольной петле подвески (рис. 4, 6).

3. Кости ноги лошади (копыто, бабка, путовая) лежали у стоп погребенного в анатомическом сочленении.

4. Фрагменты костей ноги барана найдены выше правого плеча погребенного.

5. Мелкие фрагменты бересты от колчана встретились под правой рукой погребенного. Зафиксированная длина 42 см, ширина до 13 см.

6. Фрагменты нескольких железных наконечников стрел собраны среди бересты у фаланг ладони: а – двухлопастной черешковый наконечник со сточенной до легкого изгиба стороной. Имеется прямоугольный упор у основания острия. Черешок массивный. Длина сохранившейся части наконечника 7,7 см (рис. 4, 9); б – двухлопастной листовидный черешковый наконечник

стрелы. Длина сохранившейся части 7,6 см. Острие плавно переходит в массивный черешок (рис. 4, 10).

7. Несколько фрагментов поясной пряжки со следами основания язычка найдены у левой тазовой кости. Язычок крепился на прямом стержне пряжки. Боковые стержни прямые, переходящие в широкую дуговидную полоску, на которую опирался кончик язычка. Длина пряжки 4,8 см, ширина пряжки 4,1 см (рис. 4, 8).

8. Фрагмент однолезвийного железного ножа лежал около костей барана. На нем заметны волокна дерева от чехла. Длина фрагмента 4,2 см (рис. 4, 13).

Погребение относится к периоду раннего средневековья.

Погребение 5. Разрушенный скелет ребенка до года находился в насыпи на глубине 1,1 м от «0R». Он лежал на спине в вытянуто, череп, кости рук, грудная клетка не сохранились. Головой был ориентирован на запад.

Несколько фрагментов от разных (судя по орнаменту) лепных сосудов лежали ниже левых берцовых костей ребенка: а – фрагмент верхней части тулова тонкостенного сосуда с прямым устьем направленным вовнутрь. Реконструированный диаметр 18 см. Размеры: 6,1 x 5,2 см. Глина темная, хорошего обжига, обильно перемешана с частичками ракушки. Орнамент: у края устья – ряд наклонных коротких насечек острием и нажимами отступающего уголка, ниже шли «жемчужины» – полусферических выступы, продавленные изнутри на некотором расстоянии друг от друга концом круглой палочки (диаметр 6,5 мм). Ниже их – параллельные горизонтальные ряды наклонных коротких, частых насечек острием. Внешняя и внутренняя поверхности черепка светло-серого цвета (рис. 4, 11); б – слегка изогнутый фрагмент тулова тонкостенного сосуда, покрыт параллельными глубокими горизонтальными рядами отступающего уголка. Глина темная в изломе с добавкой битой ракушки. Внешняя и внутренняя поверхности черепка светло-коричневые. Размеры: 4 x 4,4 см (рис. 4, 12); в – слегка изогнутый в профиле фрагмент тулова сосуда. Поверхность покрыта параллельными рядами коротких насечек острием. Глина плотная темная, примешана с частичками битой ракушки. Внешняя и внутренняя поверхности светлые. Внутри сосуда заметны следы грубого сглаживания и пятно копоты. Размеры: 4,8 x 5,5 см (рис. 4, 16); в – фрагмент верхней части тулова Он покрыт параллельными рядами нажимов концом «отступающего уголка». Глина темная с примесью частиц битой ракушки. Размеры: 4,6 x 4,3 см. Из-за энергичного нажима по глине, между рядами орнамента образовались невысокие валики (рис. 4, 15); г – фрагмент уплощенного толстостенного дна сосуда с (диаметр 3,8 см). На нем заметны полосы от вертикального сглаживания, которые заканчивались на уровне дна. Глина темная с примесью частиц битой ракушки. На дне – следы горизонтального сглаживания и большое темное пятно от нагара (рис. 4, 17).

Погребение 6. Прямоугольная яма с закругленными углами ориентирована по направлению З-В. Длина ямы 2,58 м. Ширина ямы 1,0 м. Глубина ямы от «0R» 2,66 м.

Скелет мужчины 45–50 лет покоился на спине, головой на запад, на тонкой органической подстилке, которая редко посыпана крупными темнокрасной охры. Кости ног, ранее стоявшие коленями вверх, завалились на правую сторону. Руки вытянуты вдоль тела к тазовым костям. На костях ног и левом плече отмечены слабые следы охры (рис. 1, б).

Кость ноги барана лежала у восточной стенки.

Погребение относится к ямной культуре. Является основным в кургане 8.

Погребения 7 и 8 (а, б, в). Общая входная яма ориентирована по линии З-В. Длина 3,04 м. Ширина 2,38 м. В заполнение ямы содержит обильную примесь древесных угольков, особенно плотной на уровне поперечной перемычки.

Верхняя площадка перемычки зафиксирована на глубине 2,4 м от «0R». Она отделяла подбой погребения 7 в северной стороне от южного подбоя погребения 8 (а, б, в). На перемычке сохранились плотные пучки прутьев, тонких веток и пучков травы, сгоревших в большом костре, разожженном на ней. Ширина верхней площадки перемычки 0,46 м, ширина основания перемычки 0,96 м. На этом уровне начиналось дно подбоев погребений 7 и 8 (а, б, в). Высота перемычки 0,6 м (рис. 1, 7, 9).

Погребение 7. Подбой погребения обрушился. По всей видимости, часть сожженных прутьев сползла вниз во время огненного ритуала до обрушения свода. Длина ямы по верхнему срезу 2,43 м, ширина 1,08 м. Ширина дна ямы 0,89 м, длина ямы по дну 2,2 м. Глубина ямы от «0R» 3,0 м. На дне – тонкий слой органики, хорошо сохранившийся под скелетом погребенной.

Скелет женщины 40–50 лет лежал на спине в вытянутом положении головой на запад. Руки были плотно прижаты к телу (рис. 1, 7).

Сопровождающий инвентарь:

1. Кусок мела в виде пирамидки. Верхняя площадка пирамидки подквадратная, размеры: 1,7 x 1,8 x 1,8 x 1,9 см. Боковые грани затёрты. На внутренней поверхности имеется округлое природное углубление. Наибольшая высота пирамидки 2,8 см (рис. 4, 14).

2. Два ребра лошади лежали выше головы погребенной в ЮЗ углу.

3. Приземистый кувшин станковой работы поставлен в СВ угол ямы. Глина темная с незначительной добавкой песчинок. Цвет поверхности (внутренней и внешней) от светло-коричневой до коричневой. На поверхности сосуда видны темные пятна от кипящей пищи (жира?). Он сохранился даже в пазах прочерченного орнамента. На внутренней поверхности тулова, ближе ко дну, видны следы отстоя жидкости белого цвета. У кувшина – реповидное тулово, высокая горловина, переходящая в широкую площадку венчика, край

которого отогнут наружу. У основания горловины и по широкой части тулова концом палочки прочерчены по две параллельные круговые линии. Площадь между ними заполнена тройными углами вершинами вверх, исполненные тем же приёмом. От средней части горловины к верхней части тулова прикреплена небольшая Г-видная ручка. Диаметр венчика 10,2 см, диаметр дна 8,2 см, высота кувшина 17,4 см (рис. 4, 21).

4. Лепной фрагментированный сосуд с уплощенным дном стоял у южной стенки. Тулово асимметричное, шаровидное. Короткая шейка горловины переходит в венчик, утолщенный край которого направлен наружу. Глина темная с добавлением в замес песка. Внешняя поверхность заглажена, светлорыжевато-коричневого цвета с пятнами копоти. По средней части тулова острым концом палочки проведена резная круговая линия. Тем же приемом небрежно исполнены тройные углы. На одной стороне горловины сохранился заглаженный выступ от ручки. Основание её было прикреплено к широкой части тулова. Диаметр венчика 10 см. Высота сосуда 10,2 см (рис. 4, 20).

5. Небольшой лепной сосудик вертикальных пропорций найден у южной стенки ямы. Глина темная с примесью песка. Поверхность заглажена, дно – слегка уплощено. Край венчика отогнут наружу, со следами слома. Высота сосуда 9,8 см (рис. 4, 19).

Погребение относится к раннему периоду сарматской культуры.

Погребение 8 (а, б, в). Свод и подбой находился в южной стороне входа общей сарматской ямы. Подбой прямоугольного очертания с закругленными углами, ориентирован по линии З-В. Длина подбоя 2,5 м, ширина (от основания ступеньки до южной стенки подбоя) 1,35 м. Дно подбоя покрыто тонким слоем органики, на которой отмечены несколько плотных пятен порошка и мелких комочков мела, особенно за черепом, у левой тазовой кости, у левой берцовой кости взрослого. Ещё одно меловое пятно находилось в юго-западном углу подбоя.

На дне подбоя покоились скелеты трех человек:

а – женщина 35–45 лет лежала на спине в вытянутом положении у входа в подбой, головой на запад. Череп – на правой стороне, лицевыми костями от входа в подбой. Кости правой руки направлены в сторону правой тазовой кости, лежат кистью на лобковой кости. Кости левой руки направлены в сторону правой тазовой кости, кисть лежала на кисти правой руки (рис. 1, 9).

б – подросток (девочка?) 12–14 лет положена в подбой ближе к южной стенке, у правого плеча взрослого, головой на запад. Череп лежал на правой стороне лицевыми костями к стенке подбоя. Ноги сведены в щиколотках. Руки положены вдоль тела (рис. 1, 9).

в – ребенок 10–12 лет лежал вытянуто на спине головой на восток, на правой ноге женщины так, что ноги шли несколько в сторону, к правому

локтя взрослого человека. Кости рук кистями лежат на левой тазовой кости (рис. 1, 9).

Сопровождающий инвентарь:

1. Кости ног барана обнаружены за головой женщины, ближе к западному углу подбоя.

2. Небольшой кусочек бронзы в виде бруска, суженный с боков ровными плоскостями, найден выше правой ключицы женщины. Размеры: 1,6 x 0,6 см, ширина основания 0,8 см (рис. 4, 18).

Погребения относятся к раннему периоду сарматской культуры.

Наиболее ранним погребением этой группы исследованных памятников курганного могильника Вербовский III является погребение 6 из кургана 8 (рис. 1, 6). Оно находилось в основе древнего кургана. Погребенный лежал в традиционном для этой культуры положении: на спине, головой на восток, с коленями согнутых ног, стоявших ранее, но завалившихся на правую сторону. Дно под умершим покрыто органической подстилкой, на которой встречены крупницы охры. Считают, что охра, часто использовавшаяся населением ямной культуры при проведении многих племенных обрядов, включая и погребальные, являлась символом огня и крови [Шилов, 1975. С. 59].

В верхние слои насыпи кургана захоронили тело ребенка: на левый бок в скорченном положении, головой на ССВ. Это является одним из элементов позднеямной погребальной традиции [Мамонтов, 1992. С. 35, 37]. Хотя фрагменты керамики, найденные около погребенного, близки к лепной посуде энеолитического облика. Это – большая добавка в глину измельченной ракушки, приём нанесения орнамента «отступающий уголок» и «вдавлины» в корпусе тулова на яйцевидном сосуде (рис. 4, 11, 12, 15–17). Лепной сосуд ямной культуры (курган 13 погребение 9) из курганного могильника Первомайский I [Демиденко, Демиденко, Мамонтов, 2006. С. 201, 202, рис. 3, 15] близок фрагментам сосудов из этого погребения (рис. 4, 11, 12, 15–17).

В кургане захоронили ребенка срубной культуры, рядом, с телом которого поставили два сосуда с водой, пищей, положили кусок баранины (рис. 1, 4; 3, 17, 18). Сосуд, судя по тулову, вертикальных пропорций и с геометрическим орнаментом. Он уже не относится к ранним типам, когда широко были распространены острорезные приземистые горшки с геометрической орнаментацией верхней площадки тулова (рис. 3, 17). Скорее всего, погребение относится к периоду стабилизации срубного населения в Волго-Донском междуречье, т. е. к XVI–XIII вв. до н. э. [Малов, 1994. С. 11].

Насыпь древнего кургана на левом берегу Дона несколько раз использовали местные племена сарматов для захоронения своих соплеменников. Считается, что хронологически они обитали здесь с IV в. до н. э. по IV в. н. э. [Клепиков, 2002. С. 144, 145; Скрипкин, 1990. С. 222; Скрипкин, 1986. С. 95, 96].

Их ямы, пробивая насыпь древнего кургана, уходили в материк. Кроме того, они подсыпали землю из ровиков на вершину кургана. Об этом говорит стратиграфия кургана 8 и следы широких заплывших ровиков, сохранившихся около кургана.

В ранне-сарматский период в курган 8 были совершены захоронения 3, 7, 9. Погребение 3 (рис. 1, 1), полагаем, было престижным, хотя сопровождающий инвентарь весьма беден. Но сарматы провели большие подготовительные работы, связанные с рытвем глубокого входа в подбой и досыпкой насыпи после совершения похоронных действий. В Волго-Донском междуречье такие глубокие ямы в ранне-сарматское время встречаются весьма редко. Но в Заволжье, где накапливалось это население перед походом в донские степи, во многих курганах встречены подобные погребения с глубокими ямами и с ограниченным количеством сопровождающих вещей [Демиденко, 1990. С. 34, рис. 1, 1; С. 40].

В кургане было устроено коллективное захоронение сарматов – погребения 7, 9 (рис. 1, 7, 9 а, б, в). Парные захоронения из кургана 8 относятся к ранне-сарматской (прохоровской) культуре. Обряд погребения совершался, видимо, одновременно. Для тел умерших вырыли подбой, к которым вел общий обширный вход, разделенный земляной перемычкой со следами большого кострища на её поверхности. Такие погребения встречены на левобережье Дона в курганном могильнике Первомайский I. Например, погребения 3 и 4 из кургана 1 и погребения 2 и 3 из кургана 3 [Демиденко, Мамонтов, 2006. С. 188, 189, рис. 1, 4, 5] поставлены несколько лепных сосудов (рис. 4, 19, 20, 21), явно использованных в хозяйстве. Они имели на тулове следы копоти и пригоревшие остатки пищи на дне. Внешняя поверхность у сосудов из Вербовского III слабо заглажена, грубо, острием, прочерчены полоски углов между двух горизонтальных полос. Подобные орнаментальные мотивы, часто встречаются на сероглиняной станковой импортной посуде. Керамика с таким орнаментом получит широкое распространение в Волго-Донских степях уже в средне-сарматское время [Мамонтов, 2000. Рис. 12, 11; 20, 18; 35, 1]. Возможно, местные мастера, знакомясь с импортной керамикой, пытались создать посуду, напоминающую своими формами и орнаментом, привозные изделия [Мамонтов, 2000. С. 89].

В средне-сарматский период в курган на большую глубину – до уровня погребенной почвы захоронили тело грудного ребенка (погребение 2 – рис. 1, 3), рядом с которым найден лепной глиняный сосуд местного производства (рис. 4, 1) и изящная ручка – фрагмента канфара из светло-зеленого стекла (рис. 4, 4). Разбитая часть дорогого изделия – ручка с выступом – оказалась в погребении ребенка, происходившего из состоятельной семьи. Фрагмент импортного изделия подтверждает интенсивную торговлю сарматов

Волго-Донского региона с мастерскими Северного Причерноморья в первые века н. э. [Античные государства..., 1984. С. 170, 257, табл. LXX, 9].

Заключают хронологию курганного могильника Вербовский III погребения, относящиеся периоду раннего и позднего средневековья. Это погребение 4 из кургана 8 и погребения из курганов 4 и 6.

При снятии насыпи кургана 8, на глубине 0,3 м от поверхности, была обнаружена площадка (тризна?), на которой были разбросаны фрагменты салтовской керамики. Они происходят от сосудов лепной (местной) и станковой работы. Большая часть коллекции – фрагменты от крупных сосудов, кувшинов, горшков или амфор, красноватого или оранжевого цвета, хорошо обожжены. На некоторых – следы крепления широких ручек. Поверхность хорошо заглажена и покрыта круговыми параллельными горизонтальными ровными широкими полосами или глубокими линиями, выполненными концом палочки (рис. 3, 10–12).

Из гончарной мастерской происходил сосуд круговой работы, от которого найдены несколько фрагментов. Он черноглиняный, вертикальных пропорций, поверхность тулова заглажена, по отогнутому краю венчика нанесены углубления кончиком пальца (рис. 3, 14).

Интересен фрагмент черноглиняного сосуда круговой работы, тулово которого покрыто плотными рядами горизонтальных линий. С внутренней стороны венчика, по кругу, прочерчены ромбы, внутри которых тем же приемом изображены кресты (рис. 3, 15). Такой орнамент на кухонной керамике средневекового периода нам неизвестен.

На месте наброски черепков от посуды собраны фрагменты большого лепного черноглиняного сосуда местной работы (рис. 3, 18).

На глубине 1,3 м, почти на одном уровне с впускным погребением 4 (рис. 1, 8), недалеко от его черепа была положена голова лошади, плюсна от копыта (бабка) и связка окуней. По всей видимости, могильная яма была выкопана достаточно широкая, что позволило не только положить погребенного на подстилку из дерева и куги и некоторые сопровождающие вещи, покрыть умершего связкой прутьев тальника, высыпать в яму угольки из костра, но и, на некотором расстоянии от тела, поместить (несколько выше тела) ещё и череп лошади с связкой рыбы.

Полагаем, что черепки, которые происходят от разных сосудов, были разбросаны после совершения всех основных погребальных действий. Наверняка, их принесли с места расположения зимника, где они находились в месте сбора общего мусора со всего стойбища. Сосуды реставрации не подлежали. Но, судя по фрагментам, они происходят от амфор и кухонной посуды, которые бытовали в хазарский период. Например, на Северском Донце на Сидоровом городище [Кравченко, Давыденко, 2001. С. 245, 273, рис. 23, 1, 5;

С. 275, рис. 6, 2-7], при исследованиях средневековых памятников на Дону – Суворовское, Карнауховское поселения [Ляпушкин, 1958. С. 109, рис. 6, 2-7] на Цимлянском городище – Саркеле-Белой Веже [Плетнева, 1959. Рис. 28, 1, 2, 7; 29, 5]. Несомненно, население этого района Придонья вели интенсивный товарный обмен с ремесленными центрами Хазарского каганата.

Погребение 4 из кургана 8, судя по положению погребенного в яме, вполне можно отнести к огузскому населению, которое, по мнению Круглова Е.В., доминировало в Волго-Донском регионе со второй пол. IX в. до н. э. до начала XI в. [Круглов, 2009. С. 177, 178; Круглов, 2001. С. 395]. Причем, погребальный обряд захоронения (погребение 4) вполне укладывается в основные параметры ритуала, характерного для огузов: «впускной характер совершаемых захоронений, сооружение простых, в основном прямоугольной формы могильных ям..., вытянутая на спине поза погребенных, ориентированных головами на запад..., наличие в могилах разнообразных деревянных конструкций...» [Круглов, 2001. С. 395]. К этому можно добавить ещё и частое положение в яму черепа и частей ног лошади.

Датирующими вещами из погребения 4 являются стремяна с выделенными высоко выступами и отверстиями для их подвески (рис. 4, 5, 6). Такой тип стремян датируется Г.А. Федоровым-Давыдовым концом XII в. [Федоров-Давыдов, 1966. С. 12, 15]. Наконечники стрел, встреченные среди фрагментов колчана можно отнести (по А.Ф. Медведеву) к XI-XII вв. [Медведев, 1966. С. 149, табл. 19, 43].

Погребения двух курганов 4 (рис. 1, 2) и 6 (рис. 1, 5) разрушены. Но материал свидетельствует, что погребенные могли принадлежать кочевникам, возможно, поздним половцам, живших на левобережье Дона в XII-XIV вв. На Волге уже в XIII-XIV вв. жили татаро-монголы. Тогда началось строительство золотоордынских городов, из ремесленных мастерских которых, сюда, на Дон, стали привозить изделия, так необходимые степному населению. Ислам пока не занял положения ведущей религии среди населения Придонья. Поэтому умерших кочевников ещё сопровождал могильный инвентарь.

Следует отметить, что вокруг погребения 1 из кургана 6 была устроена своеобразная площадка из плотной заливки размешанной в воде земли. Уже этот обряд, на наш взгляд, подчеркивает значимость погребенного.

Оба погребения одновременные, одинаковой ориентировкой ям. Скелеты разрушены, кости сдвинуты к одной из узких сторон. Погребения кочевников-воинов, поскольку в могилах найдены фрагменты колчанов (курган 6 погребение 1 – рис. 2, 22) и несколько железных наконечников стрел (курган 4 погребение 1 – рис. 2, 2-6; курган 6 погребение 1 – рис. 2, 16, 17). Они датируются XIII-XIV вв. [Медведев, 1966. С. 169, табл. 29, 1, 2; С. 175, табл. 30в, 50, 64].

На колчане имеется несколько широких вертикальных полос черной смолистой краски – такой прием украшения берестового тубуса был широко распространен среди воинов того периода. Подобные колчаны встречены в курганном могильнике Первомайский VII на левобережье Дона в кургане 45 [Мамонтов, 2000. Рис. 41, 4] и в кургане 48 (Там же, 2000. Рис. 42, 1).

Около фрагментов колчана в погребении кургана 6 были найдены костяные пластинки – детали, возможно, связанные с элементами крепления на поверхности колчана (рис. 3, 1–3). Здесь интересен фрагмент костяной пластинки со стреловидным расширением на конце (рис. 3, 3). Они использовались воинами средневековья в X–XII вв. [Медведев, 1966. С. 42, 129, табл. 8, 6]. В этом же погребении встречены предметы, показывающие высокое мастерство резчиков по кости: изящная пластинка от поясного набора (рис. 2, 18), оконечник плети с грибовидным навершием (рис. 2, 20), полированный наколочник стрелы (рис. 2, 21).

Кроме того, были собраны мелкие бытовые вещи и элементы портупей, конской узды из железа. Курган 4 погребение 1: фрагменты пряжек (рис. 2, 1, 9, 11, 12, 14), кресала (рис. 2, 7), колчанного крюка (рис. 2, 8). Здесь же обнаружены фрагменты кожи от напоясной сумки-кошеля (рис. 2, 10), где на внешней части был вышит цветными(?) нитками растительный орнамент. Курган 6 погребение 1: фрагменты пряжек (рис. 3, 6, 8), кресала (рис. 3, 7), грызла (рис. 3, 4), ножа (рис. 3, 9).

Таким образом, материал, полученный в результате исследования курганов восточной части могильника Вербовский III, значительно дополняет сведения о населении левобережья Дона, начиная с эпохи ранней бронзы, заканчивая периодом средневековья.

Литература:

Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. М.: Изд-во «Наука». 1984. 392 с.

Демиденко Ю.В. Сарматские памятники из курганов Солодовка I и Солодовка II // ДВДС. Вып. 1. Волгоград: Изд-во Межвузовский центр оперативной полиграфии. 1990. С. 34–40.

Демиденко С.В., Демиденко Ю.В., Мамонтов В.И. Курганный могильник Первомайский I // НАВ. Вып. 8. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2006. С. 187–218.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2002. 213 с.

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк: Изд-во Донецкого национального ун-та. 2001. С. 233–302.

Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2 пол. IX – 1 пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк: Изд-во Донецкого национального ун-та. 2001. С. 395–446.

Круглов Е.В. Огузы // АЭВО. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2009. С. 177–178.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. Изд-во АН СССР. М.-Л., 1958. С. 85–150.

Малов Н.М. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области // Срубная культурно-историческая область. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1994. С. 8–13.

Мамонтов В.И. Курганный могильник Зубовка // ДВДС. Вып. 2. Волгоград: Изд-во «Перемена». 1982. С. 17–49.

Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по матер. курган. могильника Первомайский VII. Волгоград: Изд-во ВолГУ 2000. 191 с.

Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2002 г. // Архив ВОКМ № 177.

Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции лаборатории археологии и реставрации НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2010 г. // Архив ВОКМ № 277, 277а.

Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2011 г. // Архив ВОКМ № 284, 284а.

Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2012 г. // Архив ВОКМ № 307.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие // Археология СССР. САИ Е1-36. Изд-во «Наука». М., 1966. 180 с.

Мерперт Н.Я. О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // Проблемы советской археологии. Изд-во «Наука». М., 1978. С. 55–63.

Плетнёва С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 2. МИА, 1959. № 75. Изд-во АН СССР. С. 212–272.

Скрипкин А.С. Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 82–98.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Из-во Саратов. ун-та, 1990. 300 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Европы под властью золотоордынских ханов. Изд-во МГУ. М., 1966. 276 с.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Изд-во «Наука» Ленингр. отделение. Л., 1975. 207 с.

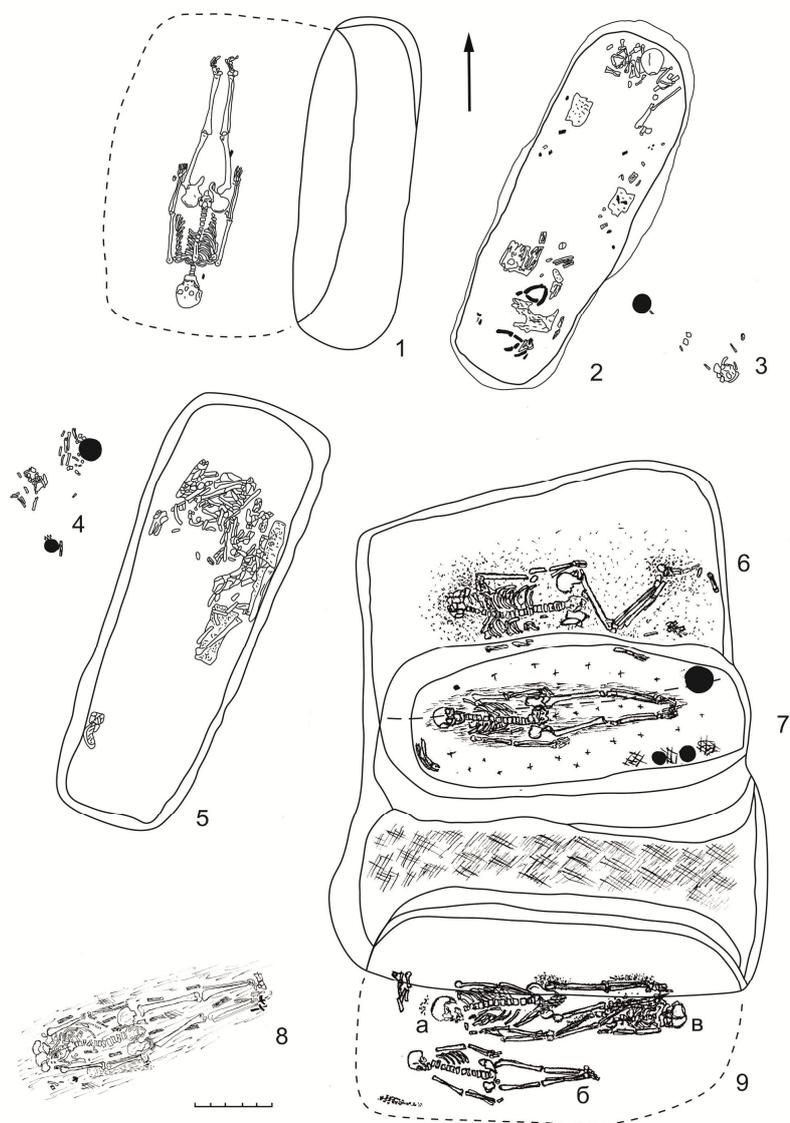

Рис. 1. Погребения из курганного могильника Вербовский III:
 Курган 8: 1 – погребение 3; 3 – погребение 2; 4 – погребение 1; 6 – погребение 6; 7 – погребение 7;
 8 – погребение 4; 9 – погребение 6; 2 – курган 4 погребение-1; 5 – курган 6 погребение 1.

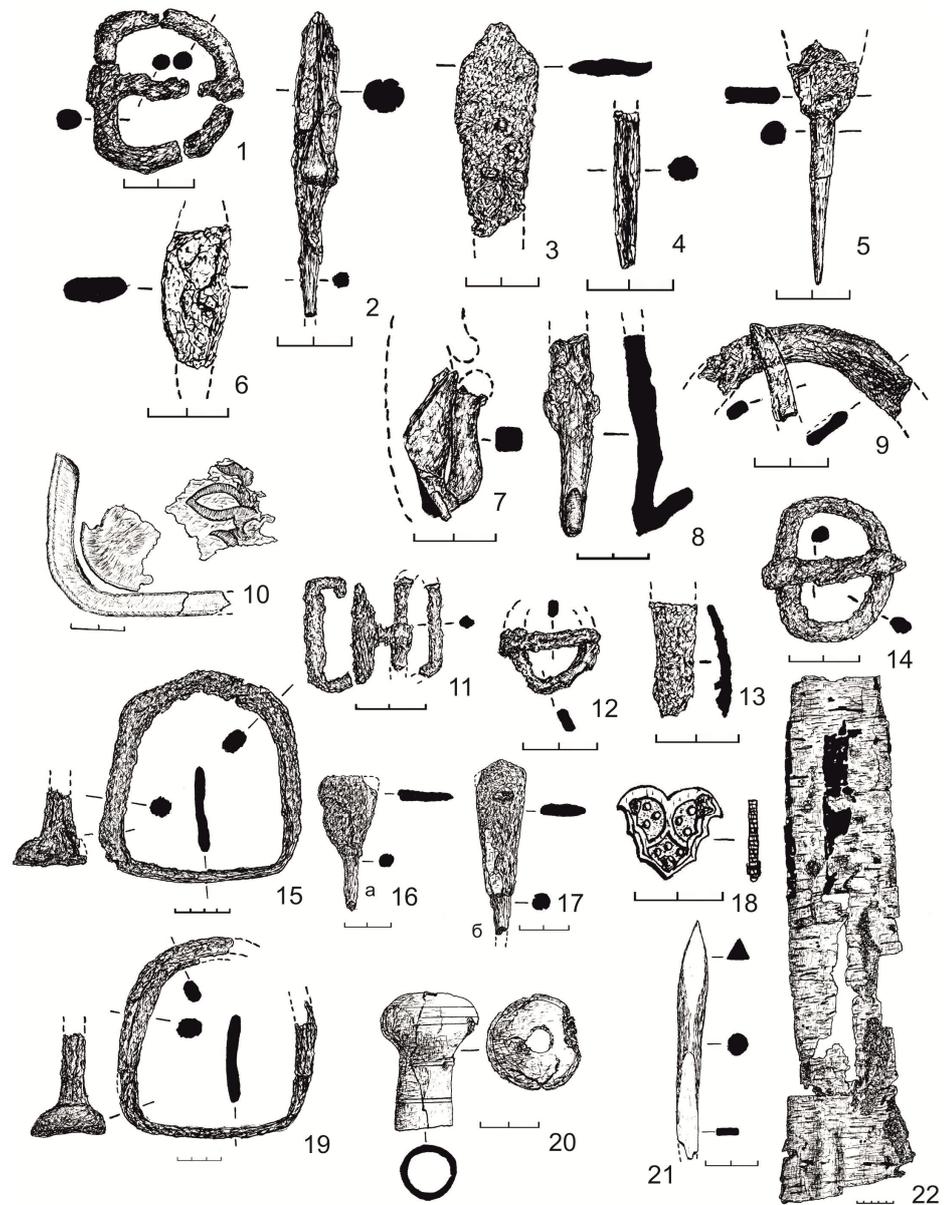

Рис. 2. Материалы из курганного могильника Вербовский III:
1-15, 19 - курган 4, погребение 1; 16-18, 20-22 - курган 6, погребение 1.

Рис. 3. Материалы из курганного могильника Вербовский III:
 1-9, 13 - курган 6, погребение 1; 10-12, 14, 15, 18 - курган 8, находка в насыпи I;
 16, 17 - курган 8, погребение 1.

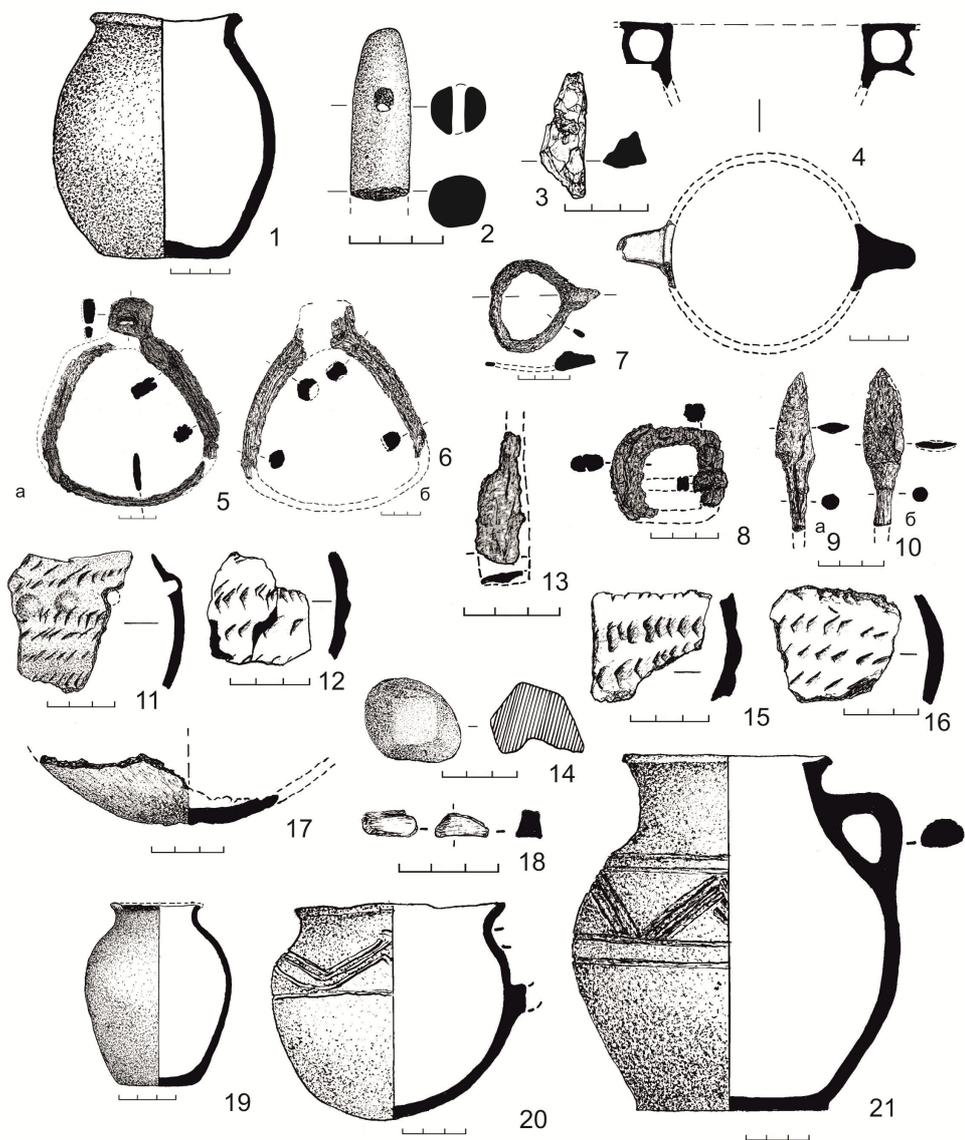

Рис. 4. Материалы из курганного могильника Вербовский III:
 1, 4 - курган 8, погребение 2; 2, 3, 7 - курган 8, погребение 3;
 5, 6, 8, 9, 10, 13 - курган 8, погребение 4; 11, 12, 15-17 - курган 8, погребение 5;
 14, 19-21 - курган 8, погребение 7; 18 - курган 8, погребение 8.

Ким М.Г., Малышев А.Б.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК У СЕЛА ПОКРОВКА
В ВОЛЬСКОМ РАЙОНЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье публикуются материалы раскопок средневекового грунтового могильника расположенного у села Покровка в Вольском районе Саратовской области. Рассматриваются аналогии археологическим материалам могильника. Исследуются вопросы датировки, хозяйственно-культурной характеристики, этнической принадлежности и антропологи населения, оставившего могильник.

Ключевые слова: Саратовская область, Вольский район, грунтовый могильник, кочевники, турки, Золотая Орда, антропология

Kim M.G., Malyshev A.B.

GROUND BURIAL OF THE MIDDLE AGES
LOCATED NEAR THE VILLAGE OF POKROVKA
IN THE VOLSKY DISTRICT OF THE SARATOV REGION

The materials of the research of a soil burial ground of the Middle Ages, located near the village of Pokrovka in the Volsky district of the Saratov region are published in the article. Analogies to archaeological materials of the burial ground are considered. The questions of dating, economic and cultural characteristics, ethnicity and anthropologists of the population who left the burial ground are investigated.

Keywords: Saratov region, Volsky district, soil burial ground, nomads, Turks, Golden Horde, anthropology

В период полевого сезона 1981 г. археологическая экспедиция Вольского краеведческого музея под руководством Михаила Гансовича Кима, при участии краеведческого кружка провела разведки в юго-западной части Вольского района Саратовской области с целью выявления новых археологических памятников и проверки состояния известных [Ким, 1981. С. 1–3, рис. 1–12].

В результате разведочных работ по берегам р. Алай (правого притока р. Терешки) было выявлено и зафиксировано 57 ранее неизвестных курганов, 8 поселений и один грунтовый могильник, относящийся к эпохе позднего средневековья.

Средневековый могильник был обнаружен вблизи с. Покровка, на краю террасы правого берега р. Алай, в осыпи оврага впадающего в реку (рис. 1). Могильник располагался на ровной плоской площадке и не имел каких-либо внешних признаков или рельефности на поверхности террасы. В осыпи оврага было зафиксировано три разрушающихся погребения. При опросе местного населения было выяснено, что в предыдущие годы в данном овражке уже встречались отдельные человеческие кости. Это свидетельствует о том, что могильник занимал несколько большую площадь, чем зафиксировано в период разведок, а часть его погребений была уже разрушена эрозионными процессами. В связи с этим было решено исследовать разрушающиеся погребения.

Погребение 1 (рис. 1, погребение 1) было расчищено на глубине 75–78 см от современной поверхности. Здесь было первоначально встречен человеческий череп и верхняя часть деревянной колоды, располагавшиеся выше. Могильная яма в глинисто-песчанном грунте не прослеживалась. Деревянная колода (рис. 1, погребение 1, 1) была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. При расчистке было выяснено, что колода, состоящая из двух одинаковых частей (верхней и нижней), в целом, в поперечнике имела овальное сечение. Длина колоды составила 235 см, а высота – 40 см. Ширина колоды «в головах» и «в ногах» была различна. В «головной» (северо-западной) части колода была наиболее широкой – 60 см. К юго-восточной части (к ногам) колода существенно сужалась – до 43 см. Толщина стенок колоды составляла в основном – 2 см. При этом толщина стенки с юго-восточного торца («в ногах») составила 20 см. Северо-западный торец колоды («в головах») не сохранился. Возможно, он был аналогичен юго-восточному.

Верхняя и нижняя половинки колоды с юго-восточного торца были скреплены двумя железными скобами. Третья, аналогичная, скоба была обнаружена лежащей вне колоды в северо-западной части погребения. Повидимому, она скрепляла колоду здесь. Длина скоб составляла 6,5–7 см, ширина плоских железных полос, из которых они были изготовлены – 0,6–1 см, а их толщина – 0,3–0,6 см (рис. 3, 1–3).

Снаружи колоды, вдоль её юго-западной стенки были зафиксированы остатки берестяного колчана плохой сохранности (рис. 1, погребение 1, 2), размерами 80 x 20 см. Внутри колчана лежал плоский железный черешковый наконечник стрелы (рис. 1, погребение 1, 3; рис. 2, 1). Наконечник имел длину – 8 см, и максимальную ширину – 2,7 см. Рядом с колчаном была встречена косточка МРС.

Внутри колоды, вытянуто, на спине лежал скелет взрослого мужчины, примерно 40 лет. Костяк был ориентирован головой на северо-запад. Череп лежал на правом боку, лицом на юг-юго-запад. Кости рук были вытянуты вдоль туловища. Ноги также были вытянуты. Стопы ног подняты пальцами вверх и упирались в верхнюю торцовую стенку колоды.

В районе живота, поперёк туловища лежала тонкая, круглая в сечении, оструганная палочка с заострённым концом (рис. 1, погребение 1, 4). Длина предмета составляла 25 см, а диаметр сечения – 0,9 см. Часть палочки была пропитана зелёными окислами бронзы.

У левого локтя скелета располагалось железное четырёхгранное шило, заострённое с обоих концов (рис. 1, погребение 1, 5; рис. 3, 4). Длина предмета – 8,5 см, а ширина его квадратного сечения – 0,8 см.

У левой кисти скелета была зафиксирована железная плоская подвеска, соединённая с кольцом кожаным ремешком (рис. 1, погребение 1, 6; рис. 3, 6). Данный предмет, по-видимому, является подвеской для колчана или сумки.

Кроме того, под левой кистью был положен железный черешковый нож с клиновидным в сечении лезвием и заострённым черешком (рис. 3, 5). Длина предмета составляла – 12,6 см, при длине лезвия 7,5 см, ширине лезвия – 1,7 см и максимальной его толщине – 0,4 см.

У правой кисти находились ещё два плоских железных черешковых наконечника стрел, подобных первому (рис. 1, погребение 1, 7; рис. 2, 2).

Под поясничными позвонками был расчищен кожаный мешочек в виде кисета с завязанным верхом. В мешочке находились: обработанный кремьень (рис. 2, 4) и железное «калачевидное» кресало (рис. 2, 3). Длина кресала составляла – 9,5 см, а его ширина – 4,7 см. Полоска, из которой было сделано кресало, имела ширину 1,4 см, и толщину – 0,5 см.

В районе ног располагалась круглая в сечении, оструганная деревянная палочка, заострённая с одного конца (рис. 1, погребение 1, 8). Длина палочки составляла – 12 см, а диаметр её сечения – 0,7 см.

Здесь же находилась бронзовая тонкая округлая и чуть выпуклая пластинка (рис. 1, погребение 1, 9; рис. 2, 5), диаметром 6,8 x 5,5 см и толщиной 0,5 мм. С внутренней (вогнутой) стороны пластинки, была прикреплена дужка из тонкой бронзовой полоски шириной 2,5 мм и толщиной 0,5 мм.

По погребению 1 было получено заключение, выполненное старшим научным сотрудником НИИ и Музея антропологии МГУ Евтеевым А.А.

Грунтовый могильник у с. Покровка Вольского района Саратовской области. Раскопки М.Г. Кима, 1981 г.

Погребение 1

Череп отличной сохранности, полностью отсутствует затылочная кость. Есть нижняя челюсть, представлены все зубы, за исключением 2-х премоляров, утраченных при жизни.

Мужчина, возраст – 20–30 лет.

Череп европеоидного облика. Некоторые краниометрические особенности (большая высота лица, широкоголовость, большая высота орбиты) могут быть истолкованы как свидетельства монголоидной примеси, однако визуально череп определенно европеоидный.

Травмы, патологии:

1) Справа на лобной кости, в 3 см от венечного и 5 см – от сагиттального швов, следы компрессионного перелома (вмятина). Диаметр около 15 мм, неглубокая. Заживление задолго до смерти, следов интенсивного воспалительного процесса не отмечено.

2) Оба нижних 2-х премоляра утрачены за много лет до смерти (на фоне идеального состояния зубной системы в целом): полная облитерация альвеолярного края, 1-е премоляры и 1-е коренные почти смыкаются. Это нетипично: как правило, премоляры утрачиваются только в пожилом возрасте, одними из последних. Видимо, эти два зуба были удалены целенаправленно или разрушены в результате какого-то нетипичного воздействия.

В проксимальной части коронки нижнего левого 1-го премоляра имеется глубокая борозда или желобок, шириной около 1,5 мм и глубиной около 1 мм, практически опоясывающая зуб, но наиболее выраженная в мезиальной части. На правом премоляре таких изменений не отмечено.

С высокой вероятностью можно говорить об использовании зубов в качестве «орудия».

3) Заживший перелом правой носовой кости в самой нижней (дистальной) ее части, был отломан фрагмент размером 3 x 1,5 мм.

4) Зубной камень средней выраженности, в виде ободков.

5) Эмалевая гипоплазия: очень тонкие линии в проксимальной части коронок нижних клыков.

Измерения:

№ признака	
1. Продольный диаметр	
8. Поперечный диаметр	148,5
8/1	*

17. Высотный диаметр	137,5
5. Длина основания черепа	101
9. Наименьшая ширина лба	98
11. Ширина осн. черепа	132
29. Лобная хорда	113,7
Высота изгиба лобной кости	24,8
30. Теменная хорда	
Высота изгиба тем. кости	
31. Затылочная хорда	
Высота изгиба затыл. кости	
26. Лобная дуга	128
27. Теменная дуга	
28. Затылочная дуга	
45. Скуловая ширина	141
40. Длина основания лица	97
48. Верхняя высота лица	79
43. Верхняя ширина лица	109
46. Средняя ширина лица	100
60. Длина альвеол. дуги	56
61. Ширина альвеол. дуги	66
55. Высота носа	55
54. Ширина носа	22,5
51. Ширина глазницы	42,5
52. Высота глазницы	34,3
77. Назомалярный угол	101,4/20,1
ZM. Зигомаксилл. угол	99,9/25,8
SC. Симотическая ширина	7,9
SS. Симотическая высота	4,3
MC. Максиллофронт. ширина	19,2
MS. Максиллофронт. высота	9,3
DC. Дакриальная ширина	19,5
DS. Дакриальная высота	12
Глубина клыковой ямки	-2,1
75(1). Угол выступания носа	76/23,5/56**
<i>Нижняя челюсть</i>	
71а. Наименьшая шир. ветви	34
65. Мыщелковая ширина	119,5
66. Угловая ширина	97
67. Передняя ширина	47
69. Высота симфиза	35
69(1). Высота тела	
69(3). Толщина тела	10,5

* - форма черепа, судя по всему, брахикранная.

** - стороны треугольника назион - ринион - простион.

Погребение 2, (рис. 1, погребение 2) расположенное в 2 м южнее погребения 1, было почти полностью разрушено оврагом. На глубине 130 см от современной поверхности, в остатках деревянной колоды лежали кости стоп ног. Колода и погребённый, лежавший, по-видимому, на спине, были ориентированы по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Колода, как и в погребении 1, состояла из двух одинаковых створок (верхней и нижней), и, в поперечнике имела овальное сечение (рис. 1, погребение 1, 10). В сохранившейся части, колода имела высоту – 30 см, и ширину – 40 см. Толщина стенок составляла – 2 см, а толщина стенки с юго-восточного торца («в ногах») – 20 см. Погребение не содержало инвентаря.

Погребение 3 (рис. 1, погребение 3) было расположено на противоположном краю овражка – напротив погребений 1 и 2 – в 5 м к западу. Здесь, на глубине 20 см от современной поверхности был расчищен скелет ребёнка, частично разрушенный оврагом. Сохранились фрагментированные кости черепа, правой руки, часть позвоночника и рёбер. Скелет лежал на спине, ориентированный головой и позвоночником на северо-запад, примерно на 330°. Череп покоился на левой стороне, лицом на восток. Правая рука скелета была слабо отогнута в сторону от туловища.

Рядом с затылком лежала бронзовая подвеска в виде «знака вопроса» (рис. 1, погребение 3, 11; рис. 3, 7). Подвеска была сделана из круглого в сечении прутка (проволоки) и оканчивалась восьмигранной бронзовой бусиной напаянной на проволоку. Длина подвески составляла – 4 см, диаметр закругления – 1,7 см, диаметр сечения прутка – 1–1,5 мм, и диаметр окружности бусины – 0,7 см.

У виска были рассыпаны стеклянные бусины в количестве 19 штук (рис. 1, погребение 3, 12). Две из них – бочёнковидные, тёмно-зелёного цвета, с буро-красными и жёлтыми глазками (рис. 3, 8, 9, 14). Они имели диаметр – 1,3–1,4 см, высоту – 0,9–1 см, и диаметр отверстия – 5,5 мм.

Две другие бусины были уплощёнными, голубого цвета, с нанесённым серебристо-жёлтым покрытием (рис. 3, 10, 11, 14), диаметром – 0,8 см, высотой – 4–4,5 мм, и диаметром отверстий – 3–3,5 мм.

Ещё пятнадцать разнокалиберных бусин зелёного цвета, были плоскими (рис. 3, 12–15) и имели диаметр – 0,5–0,7 см, высоту – 1,5–4 мм, и диаметр отверстия – 2,5–3,5 мм.

Все погребения были первоначально отнесены автором раскопок – М.Г. Кимом к средневековым мордовским. Однако в настоящее время их мордовская идентификация не может быть принята.

Само наличие в захоронениях довольно многочисленного погребального инвентаря, свидетельствует о бытовании среди населения, оставившего

могильник, традиционных языческих верований. Как известно, христианство, и ислам запрещают присутствие в погребениях каких-либо предметов.

Судя по инвентарю, могильник относится преимущественно к золотоордынскому времени. Наиболее показательным здесь являются вещи из погребения 1.

Нож и шило. Аналогичные, зафиксированным здесь, ножи и шилья, распространены в средние века повсеместно.

Наконечники стрел. Обнаруженные в погребении 1 железные наконечники стрел хорошо известны, имеют широкое распространение в Золотой Орде и, вообще, в Восточной Европе. Согласно классификации, разработанной А.Ф. Медведевым, они относятся к Отделу 2 (черешковые железные), группе «плоские черешковые», типу 69 «срезни джучидские» [Медведев, 1966. С. 76–77, табл. 24, 12–13; 27, 3–5; 30, 68]. По классификации Г.А. Фёдорова-Давыдова – к железным наконечникам, Отдела В (плоские), типа XI (срезни в виде вытянутой лопаточки, с короткими, сходящимися под прямым углом, верхними ударными гранями) – (BXI) [Федоров-Давыдов, 1966. С. 25–29]. Исходя из типологии Е.П. Мыськова, данные наконечники относятся к Отделу А (железные), Типу I (черешковые), Подтипу а (срезни с плоскими перьями), Варианту 1 (срезни с расширяющимся пером и треугольной ударной частью) – (A1a1) [Мыськов, 2015. С. 122–129, табл. XXII]. Подобные наконечники с середины XIII в. встречаются как у золотоордынских кочевников, так и у оседлых народов – русских, мордвы, болгар.

Берестяной колчан. Берестяные колчаны в основном использовались восточноевропейскими кочевниками (чаще, половцами) в домонгольское время, а также в период Золотой Орды [Гарустович, 1998. С. 85, 108, 117–118, 120, 124, 129, 140, 149, 159, 196, 197, 200; Мыськов, 2015. С. 130–134, табл. XXIII, 1–5]. Таким образом, наличие берестяного колчана преимущественно свидетельствует о кочевнической интерпретации погребения 1.

Калачевидное кресало. Практически повсеместно у кочевых и оседлых народов Восточной Европы использовались однолезвийные «калачевидные» кресала с язычком или без язычка (как в погребении 1). В русских землях калачевидные кресала с язычком использовались (по новгородской хронологии) в основном в X–XII вв. В конце XI – первой половине XIII в. у них постепенно пропадает язычок. А в XIII–XV вв. на смену калачевидным приходят овальные двулезвийные кресала [Колчин, 1958. С. 98–99]. Впрочем, калачевидные кресала ещё продолжали использоваться на Руси и в XIV–XVI вв. [Завьялов, 2007. С. 91–94, 144, рис. 41, 6472; 42, 2; 60, 9557]. У евразийских домонгольских кочевников, волжских болгар и северокавказских алан X–XIII вв. [Степи Евразии, 1981. С. 245, 254, 259–260, 268, 273, рис. 72, 49–51, 70; 78, 56; 82, 40; 83, 33; 90, 45, 50; 94, 189; Плетнева, 2003. С. 158, 222, 232, 235, 238, рис. 46; 56, 3; 59; 62], а

также в кочевой и городской среде Золотой Орды XIII–XV вв. [Федоров-Давыдов, 1981. С. 227, рис. 98, 9; Ляхов, 1993. С. 182, 184, рис. 6, 4; Гарустович, 1988. Табл. XXIX, 1; Евглевский, 2003. С. 378, 390–391, рис. 8, 8, 12; Мыськов, 2015. С. 66–69, 371, 382, 384, 443, табл. V, 2, рис. 3, 11; 14, 4; 16, 3; 75, 3], калачевидные кресала так же встречаются, наряду с овальными. Проблемы типологии и хронологии кресал из погребений восточноевропейских кочевников, исследовались многими отечественными археологами [Плетнева, 1958. С. 169; Колчин, 1959. С. 98–102; Федоров-Давыдов, 1966. С. 84, 116; Евглевский, 2000. С. 181–206; Мыськов, 2015. С. 67–69]. В основу классификаций были положены функциональные особенности кресал (однолезвийные, двулезвийные) и их формы (прямоугольные, овальные, калачевидные). В то же время, чётко ограничить время бытования некоторых типов кресал узкими хронологическими рамками или связать их с конкретными этническими группами кочевого населения, пока не удалось [Мыськов, 2015. С. 67–69]. Согласно классификации Е.П. Мыскова, кресало из погребения 1, относится к Отделу Б (однолезвийные), Типу I (калачевидные с разомкнутым контуром без внутренних выступов-язычков), Подтипу б (треугольные) – (Бб).

Бронзовая пластинка. Зафиксированная в погребении бронзовая выпуклая пластина, тонкая и округлая, с внутренней (вогнутой) стороны имела прикрепленную дужку из тонкой бронзовой полоски. Данный предмет был частично разрушен. Возможно, что предмет является посудой – плоской. Подобные находки довольно часто встречаются в погребениях золотоордынских кочевников, и располагаются, как и в погребении 1 – в ногах [Мыськов, 2015. С. 191–193, табл. XXIV, 1–2, рис. 1, 2; 5, 7]. Бытовое назначение этих своеобразных предметов пока не установлено. По типологии, предложенной Е.П. Мыськовым, данная плоская относится к Типу I (медные), Подтипу а (кругло донные или остро донные с неровными краями из тонких листов), Варианту 1 (с подвижной дужкой из медной полосы или проволоки) [Мыськов, 2015. С. 191–193, табл. XXIV, 1–2].

Инвентарь аналогичный погребению 3, также часто встречается в кочевнических золотоордынских погребениях.

Серьга в виде «знака вопроса». Весьма распространённым украшением у разных народов Восточной Европы и Сибири в IX–XIII вв. являлись подвески или серьги в виде «знака вопроса» [Степи Евразии, 1981. С. 245, 255, 259, 273, рис. 72, 96–98; 79, 4–6; 82, 115–116; 94, 161; Плетнева, 2003. С. 238, рис. 62.], как в погребении 3. В большей степени это характерно для кочевников. Широко, распространены серьги в виде «знака вопроса» в золотоордынской кочевой и оседлой среде [Гарустович, 1998. С. 169, рис. 8, 5–6, табл. I, 19, 25, VII, 9, XVII, 9, XIX, 11; Ляхов, 1993. С. 175–176, 179, рис. 2, 4; Евглевский, 2003. С. 370, 374, 382, 384, 388, 398, рис. 4, 5; 6, 4, 11, 12; 10, 6; 11, 2; 13, 7; Мыськов, 2015. С. 158–162, 164,

373, 384, табл. XXVIII, 2, рис. 5, 13; 17, 7; 87, 7], встречаются в аланских погребениях золотоордынского времени [Новохарьковский могильник, 2002. С. 17, 22, 27, 29, 31, 33-35, рис. 6, 16-17, 40, 51; Масловский, 2011. С. 227-230, рис. 2, 5], а также в Волжской Булгарии XIII-XV вв. [Руденко, 2011. С. 250-253, рис. 1; Руденко, 2013. С. 35-36, рис. 1, 9]. Согласно классификации Е.П. Мыскова, серьга в виде «знака вопроса» относится к Типу II (в виде знака вопроса), Подтипу б (с короткой ножкой без обмотки медной или серебряной проволокой), Варианту 1 (с прямой ножкой, шариком или кубиком на конце) – (Пб1) [Мысков, 2015. С. 160, 164, табл. XXVIII, 2].

Стекланные бусы. Не менее распространёнными украшениями в средневековой восточноевропейской полиэтнической среде являлись разнообразные стекланные бусы [Евглевский, 2003. С. 370, 378, 388, 398-399, рис. 4, 2, 6; 8, 4, 13, 5, 8; Недашковский, 2010. С. 175, 183-184, рис. 12; Лапшин, 2013. С. 188, рис. 85, 1-12, 16-25; Мысков, 2015. С. 166-173, 369-370, табл. XXIX-XXX, рис. 1, 8; 2, 11-29], аналогичные бусам из погребения 3. Согласно типологии С.И. Валиулиной, две самые крупные бусины (боченковидные, тёмно-зелёные, с буро-красными и жёлтыми глазками), относились к вариантам Группы II (бусы, выполненные способом навивки стеклнного жгута вокруг стержня), Подгруппы Б (бусы со спаянно-накладным плоским глазчатым узором), Отдела I (круглые в поперечном сечении), Типа III (боченковидные) [Валиулина, 2005. С. 88, 93-94, рис. 29, 7-8, 10-12, 14, 18-19, 21]. Остальные 17 бусин меньшего размера (голубые, с нанесённым серебристо-жёлтым покрытием и зелёные), по той же классификации, могут относиться к разным видам и вариантам Группы II, Отдела I (круглые в поперечном сечении), Типа IV (мелкие и средние кольцевидные бусы) [Валиулина, 2005. С. 88-90, рис. 28, 8-11, 13].

Погребения в колодах. Совершение погребений 1 и 2 в колодах, в средневековье имело распространение среди разных этнических групп. Подкуранные погребения кочевников часто совершались в составных дощатых гробах. Однако колоды также встречались [Гарустович, 1998. С. 125, 156, 199; Мысков, 2015. С. 384, рис. 16, 2]. По классификации Г.А. Федорова-Давыдова, данное погребение относится к Отделу А (колоды), Типу II («ладьевидные», острым концом – к ногам) [Федоров-Давыдов, 1966. С. 130; Гарустович, 1998. С. 125]. Скобяные изделия, подобные *железным скобам* (скреплявшим половинки погребальной колоды в погребении 1), применялись не только в погребальной практике, а также в строительных работах, для соединения деревянных частей построек [Федоров-Давыдов, 1966. С. 130; Гарустович, 1998. С. 125].

Таким образом, каких-либо специфических, этнически маркирующих мордовских предметов (например, весьма часто встречаемых у мордвы – сюльгам или мордовской керамики), в могильнике не обнаружено. Отдель-

ные предметы более говорят в пользу тюркской кочевнической идентификации погребений: берестяной колчан, наконечники стрел, бронзовая плочка, серьга «знак вопроса». Однако в могильнике отсутствует чисто «всаднический» инвентарь (кости лошади, упряжь, стремяна). Впрочем, «земледельческого» инвентаря (серпы, пряслица) в погребениях также нет.

Основная северо-западная ориентировка погребений не даёт возможности проследить в них какое-либо христианское или мусульманское влияние. Поворот лица из погребения 1 на юг-юго-запад, скорее всего, случаен и не является мусульманским признаком (направлением «на кыблу»). В погребении 3 этот признак отсутствует (лицо повернуто на восток). В погребении 2 – «головная» часть не сохранилась, и проследить поворот лица не возможно.

Единственный череп (погребения 1), подвергнутый антропологическому анализу, имеет европеоидный облик, при возможном наличии слабой монголоидной примеси. Данное обстоятельство может свидетельствовать о смешанном составе популяции, оставившей данные погребения.

Интересной особенностью погребения 1 является то, что при жизни этот человек использовал зубы в качестве «орудия». Об этом свидетельствует преднамеренное удаление двух нижних зубов (2-х премоляров) и некоторая сработанность нижнего левого 1-го премоляра. Возможно, этот человек занимался каким-либо специфичным видом производственной деятельности, при котором зажимал в зубах какой-либо предмет. Такой работой может выступать плетение изделий из растительных материалов (коры, соломы, ивы), плетение из кожи, вязание сетей и т. п. Возможно, пролить свет на использовании зубов в производственной деятельности, может наличие *двух круглых деревянных палочек* из погребения 1, назначение которых также не ясно.

Скорее всего, могильник относится к кочевой или полукочевой тюркской этнической группе золотоордынского периода (XIII–XIV вв.). Возможно, данная популяция контактировала с другими этническими группами – славянами и мордвой. Дальнейшие исследования грунтового могильника у с. Покровка, несомненно, дадут более точные сведения о хронологических рамках существования, хозяйственно-культурной и этнической принадлежности оставившего его населения.

Литература:

Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии по материалам Билярского городища. Казань, 2005.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа, 1998.

Евглевский А.В., Кульбака В.К. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из северо-восточного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. Москва, 2007.

Ким М.Г. Отчёт об археологических разведках, произведённых в юго-западной части Вольского района Саратовской области в 1981 году. Вольск, 1981 // Архив ИАКН СГУ.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. М., 1959.

Колчин Б.А. Хронология Новгородских древностей // Советская археология. 1958. № 2.

Липшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2011–2012 гг. Волгоград, 2013.

Ляхов С.В., Якубовский Г.Л. Зауморский курганный могильник золотоордынского времени // Археологические вести. Вып. 1. Саратов, 1993.

Масловский А.Н. Клады и экстраординарные погребения криминального(?) происхождения из раскопок Азака (попытки интерпретации) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции посвящённой памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань-Астрахань, 2011.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-36. М., 1966.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград, 2015.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010.

Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, 2003.

Плетнёва С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62. М., 1958.

Руденко К.А. Торевтика Волжской Булгарии и Болгарского улуса Золотой Орды: проблемы преемственности // Поволжская археология. № 4(6). 2013.

Руденко К.А. Ювелирное искусство Золотой Орды: две серебряные серьги из Татарстана (вопросы атрибуции и датировки) // Диалог городской и

степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции посвящённой памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань-Астрахань, 2011.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV вв. южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Федоров-Давыдов Г.А. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

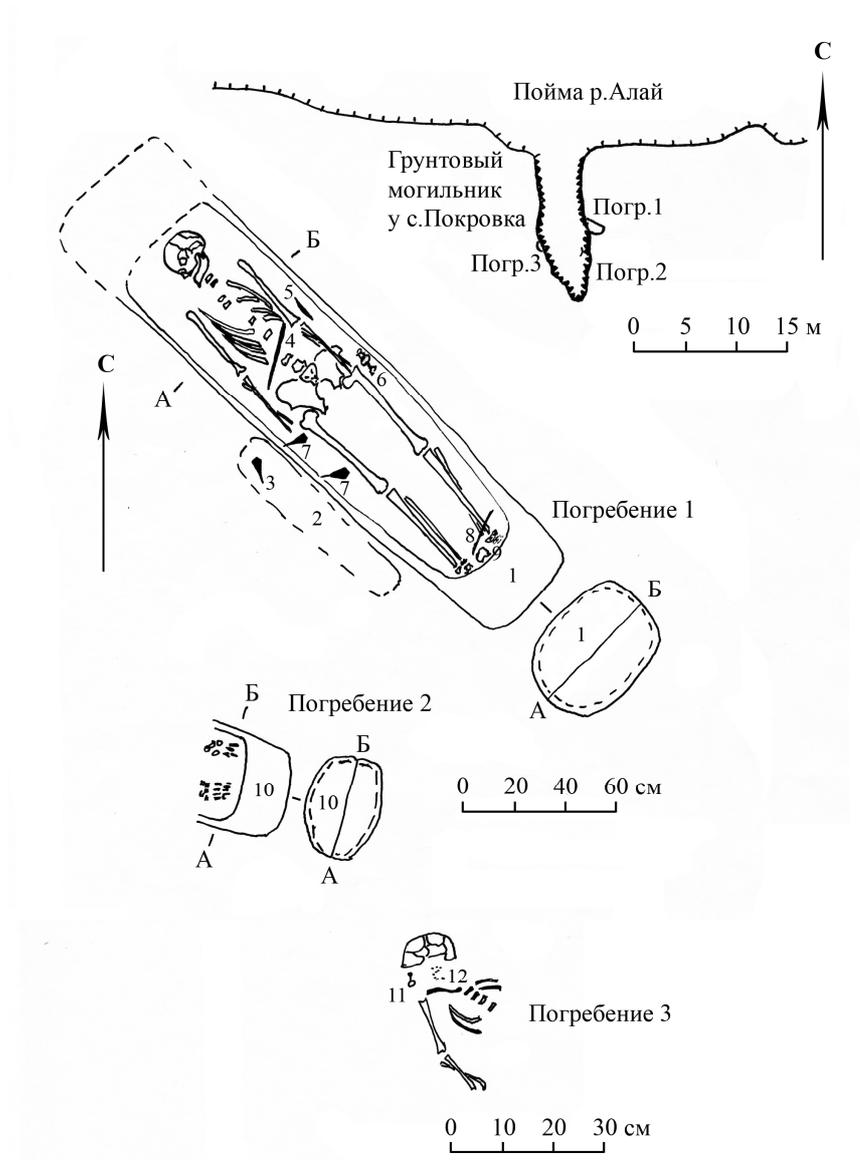

Рис. 1. Грунтовый могильник у с. Покровка. Погребение 1: 1 - деревянная колода; 2 - берестяной колчан, 3, 7 - железные наконечники стрел; 4, 8 - деревянные палочки; 5 - железное шило; 6 - подвеска железное кольцо и кожа); 9 - бронзовая пластинка. Погребение 2: 10 - деревянная колода. Погребение 3: 11 - бронзовая подвеска; 12 - стеклянные бусы.

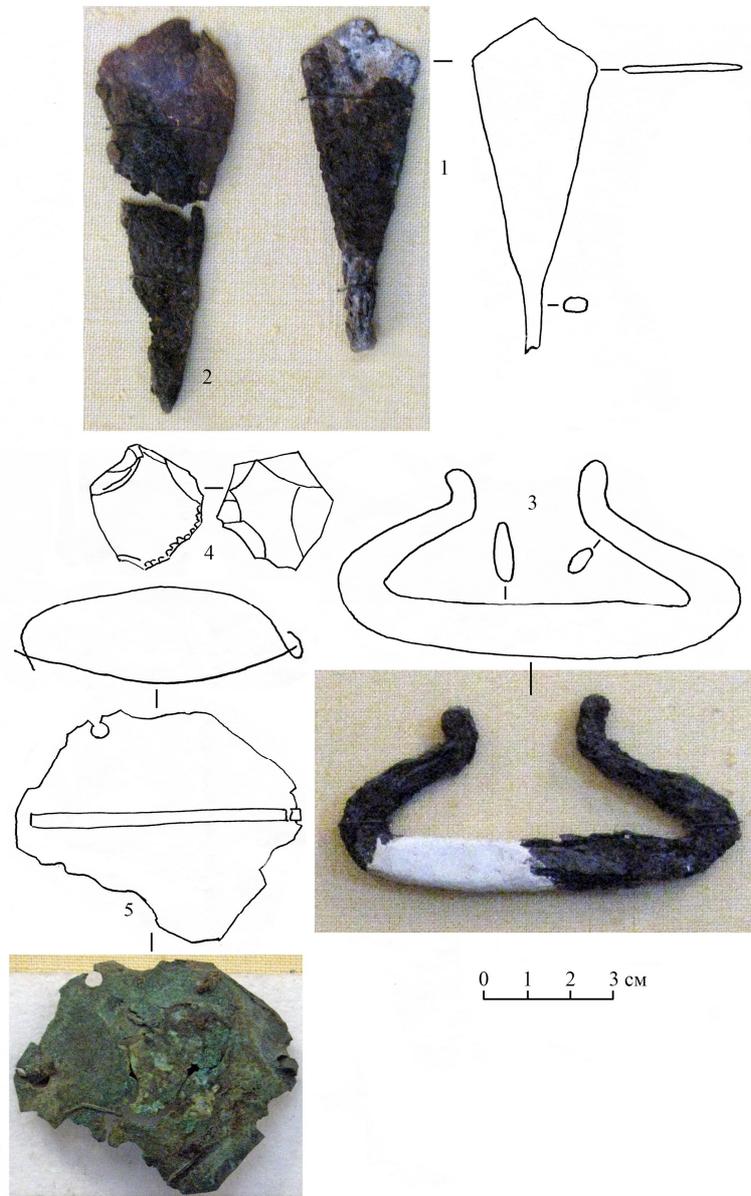

Рис. 2. Грунтовый могильник у с. Покровка. Погребение 1: 1-2 - железные наконечники стрел; 3 - железное кресало; 4 - кресальный кремь; 5 - бронзовая пластинка (плошка).

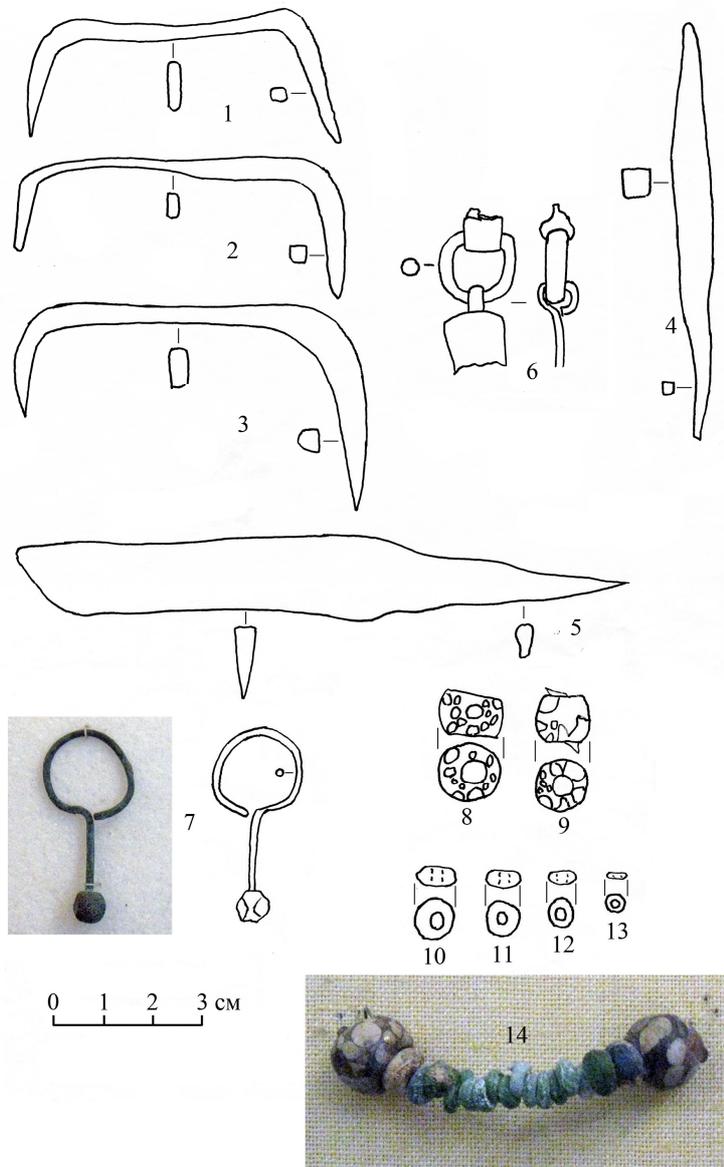

Рис. 3. Грунтовый могильник у с. Покровка. Погребение 1: 1-3 - железные скрепы колоды; 4 - железное шило; 5 - железный нож; 6 - подвеска (железное кольцо и кожа). Погребение 3: 7 - бронзовая подвеска; 8-13 - стеклянные бусы; 14 - фото стеклянных бус.

З А М Е Т К И

Морозов П.М.

ДЕТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С СОСУДОМ РЕПИНСКОГО ТИПА ИЗ САРАТОВСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

В 2010 г., в ходе разведочных работ с ограниченным вскрытием, близ с. Романовка Федоровского района, на мысовом участке низкой надпойменной террасы р. Большой Караман было выявлено погребение ребенка с глиняным лепным сосудом. По всем указанным признакам (яйцевидная форма, округлое днище, примесь раковины, высокий венчик с внутренним ребром, «жемчужный» ряд в комплексе геометрического декора) сосуд может быть отнесен к репинскому культурному типу эпохи ранней бронзы. Особенность детского погребения из Романовки – это бескурганый характер похоронной ритуальности, северо-западная ориентировка, а также простая и неглубокая могила без перекрытия, что, возможно, отражает нюансы социального порядка.

Ключевые слова: Саратовское Заволжье, Романовка, грунтовое погребение, ранняя бронза, репинская культура

Morozov P.M.

INFANT BURIAL WITH A REPIN-TYPE VESSEL FROM THE SARATOV TRANS-VOLGA REGION

An infant burial comprising a hand-molded clay vessel was found in 2010 in the course of exploration with limited uncovering near the village of Romanovka, Fedorovskiy district, in a cape part of a low above-the-flood terrace of the Bolshoj Karaman River. Judging from the specified features (ovoid shape, roundish bottom, shell admixture, high rim with an interior rib, a “pearl” row in a complex of geometrical decor), the vessel may be assigned to the Repin cultural type of the

Early Bronze epoch. The infant burial from Romanovka is peculiar for the moundless character of the funeral ritual, the north-west orientation and a simple shallow grave without covering, which may be indicative of certain nuances of social order.

Keywords: Saratov Trans-Volga region, Romanovks, underground burial, Early Bronze, the Repin culture

В 2010 году разведочный отряд Научно-производственного центра по историко-культурному наследию Саратовской области под руководством автора проводил работы на территории нескольких муниципальных районов Заволжья по трассе проектируемого газопровода [Морозов, 2010]. При закладке контрольного шурфа в 2 км к СЗ от с. Романовка Федоровского района, на мысовом участке низкой надпойменной террасы р. Большой Караман (рис. 1), было выявлено погребение ребенка с глиняным лепным сосудом. В отчетной документации памятник зарегистрирован как «Грунтовый могильник *Романовский*», но дальнейшие исследования [Тихонов, 2010], в ходе которых шурф был расширен до размеров внушительного раскопа, показали, что данный объект представляет собой одиночное захоронение.

Раскопками установлено, что указанный участок берега никогда не подвергался распашке, признаки курганной насыпи здесь также отсутствуют, естественная литология никакими земляными работами не повреждена. Вертикальная стратиграфия последовательно сложена однородным покровным гумусом темно-серого цвета (0,2 м), предматериковым рыхлым суглинком (0,1 м) и материковой толщей светло-коричневой глины. Могильное пятно зачищено на уровне материковой подошвы, выкид из ямы не зафиксирован. Компактная могила прямоугольной формы и размерами 0,5 x 0,4 м, несколько более длинной осью ориентирована с ЮЮВ на ССЗ. В материковый грунт она была углублена на 0,07 м, то есть, фактически погребение было устроено в поддерновом слое. В северной части ямы расчищены остатки раздавленного детского черепа, а в центре – развал сосуда. Судя по расположению фрагментов черепа, ребенок был погребен на спине в скорченной позе, головой к ССЗ (рис. 2).

Горшок отреставрирован (рис. 3). Это толстостенный лепной сосуд яйцевидной формы, с округлым днищем и высоким, слегка отогнутым наружу венчиком. На обратной стороне отгиба венчика имеется внутреннее ребро. Фактура рыхлая, темная на изломе, в примеси заметна толченая раковина. Диаметр устья 13,4 см, диаметр шейки 12,8 см, максимальное расширение тулова в средней части общей высоты сосуда 14 см, высота сосуда 17 см, высота венчика 2,8 см. На линии шейки и в верхней части покато го плечика прочерчены три горизонтальные линии, ниже которых расположен ряд небольших крестообразных фигур. Такие же косые кресты украшают горизонтальное пространство ниже устья с внешней стороны, а на внутренней стороне

имеются косые насечки. Кроме того, основание венчика украшено рядом округлых «жемчужин», выдавленных изнутри по сырой глине.

По всем указанным признакам сосуд может быть отнесен к репинскому культурному типу эпохи ранней бронзы. В литературе отмечалось, что поселений с репинской керамикой в степях Волго-Уралья немного, а на окраинах ареала (северной лесостепной и южной прикаспийской) фиксируется формирование различных симбиозов в результате контактности степных скотоводов с пережиточными массивами нео-энеолитического населения [Васильев, 1981. С. 50–51; Синюк, Пряхин, 1980. С. 81–91]. Часть исследователей рассматривает репинские памятники в рамках древнеямной общности [Мерперт, 1974], другие выделяют их в самостоятельную репинскую культуру [Синюк, 1980. С. 61–65], весьма интересна точка зрения, согласно которой «...население репинского типа явилось одним из основных компонентов в сложении ямной общности» [Васильев, 1981. С. 50].

С другой стороны, подкурганые захоронения с керамикой репинского типа распространены в степной зоне повсеместно, особенно в Саратовском и Волгоградском Поволжье, что опосредованно может отражать традиционные модели скотоводческих систем с меридиональной подвижностью. В настоящее время такие погребения исследователи относят к раннему этапу ямной культуры, а по радиоуглеродным данным его хронологические рамки помещаются в пределах от 4000 до 3300 лет ВС [Моргунова, 2011. С. 152; Моргунова, Зайцева, Ковалюх, Скрипкин, 2011. С. 54–56].

Особенность детского погребения из Романовки – это бескурганный характер похоронной ритуальности, северо-западная ориентировка, а также простая и очень неглубокая могила без перекрытия, что, возможно, отражает нюансы социального порядка. При этом общеизвестна строгая сакрализованность погребальной практики ямной культуры, где над детскими захоронениями, как правило, насыпали курганы [Жемков, Лопатин, 2008. С. 186, рис. 4, 1–4; С. 188, рис. 6, 1].

Отметим также абсолютную оригинальность декора нашего сосуда, в котором традиционный «жемчужный» бордюр сочетается с горизонтальными линиями и крестовидными фигурами, выполненными простым прочерчиванием. Для репинского орнаментального комплекса, где присутствует широкое разнообразие оттисков крученого шнура, различных насечек, угловых фигур, «ёлочек», иногда гребенчатых штампов, такая упрощенная техника представляется не вполне типичной.

Исходя из вышеизложенного, остановимся на предположении о невысоком статусе социальной группы ямно-репинского населения, оставившего в открытой степи детское захоронение с глиняным сосудом на рубеже IV–III тыс. до н. э.

Литература:

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1981.

Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганный могильник у с. Светлое Озеро в степном Заволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2011.

Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2011.

Морозов П.М. Отчет об археологических разведках в Саратовской области в 2010 году / Архив ГУК НПЦ Управления по охране историко-культурного наследия Саратовской области.

Синюк А.Т. Энеолит лесостепного Дона // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

Синюк А.Т., Пряхин А.Д. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. Воронеж, 1980.

Тихонов В.В. Отчет о проведенной научно-исследовательской работе по теме: «Проведение спасательных археологических исследований грунтового могильника «Романовский», расположенного в 2,2 км к северо-западу от с. Романовка Федоровского района Саратовской области, входящего в зону строительства объекта: обустройство УКПГ (установка комплексной подготовки газа) на Вознесенском месторождении Южно-Мечеткинское лицензионного участка в 2010 году» / Архив ГУК НПЦ Управления по охране историко-культурного наследия Саратовской области.

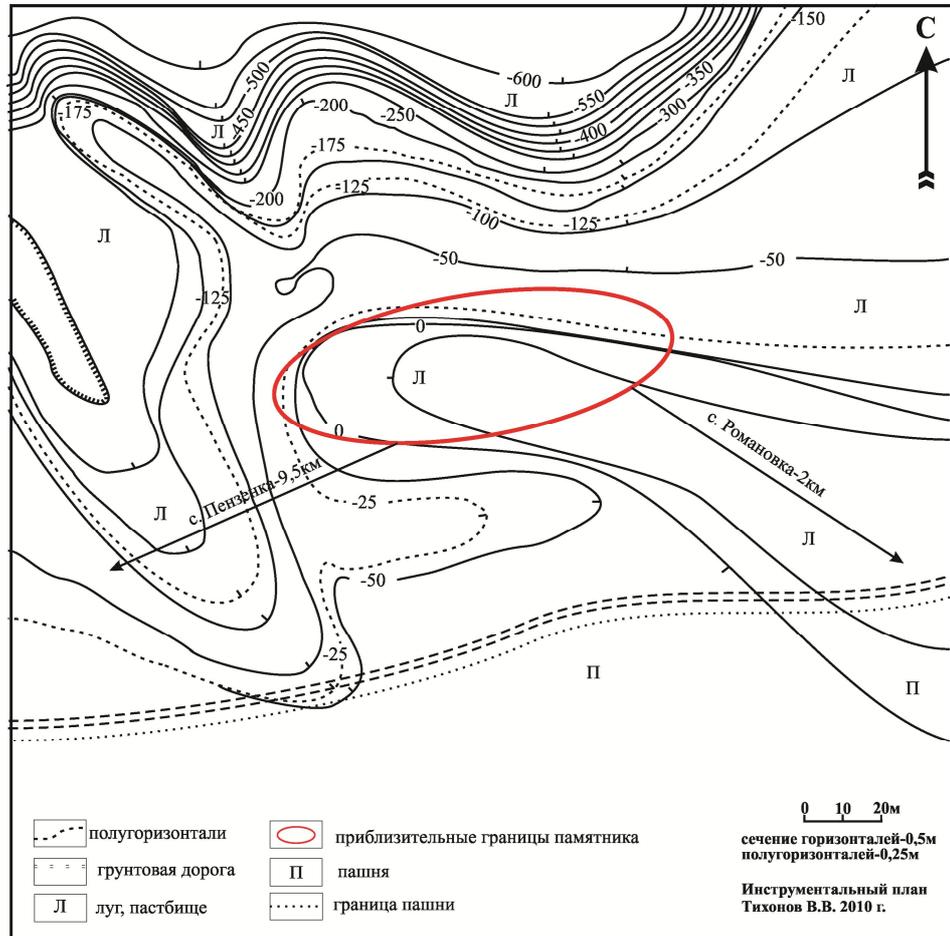

Рис. 1. Саратовская область. Фёдоровский район. Грунтовый могильник «Романовский»

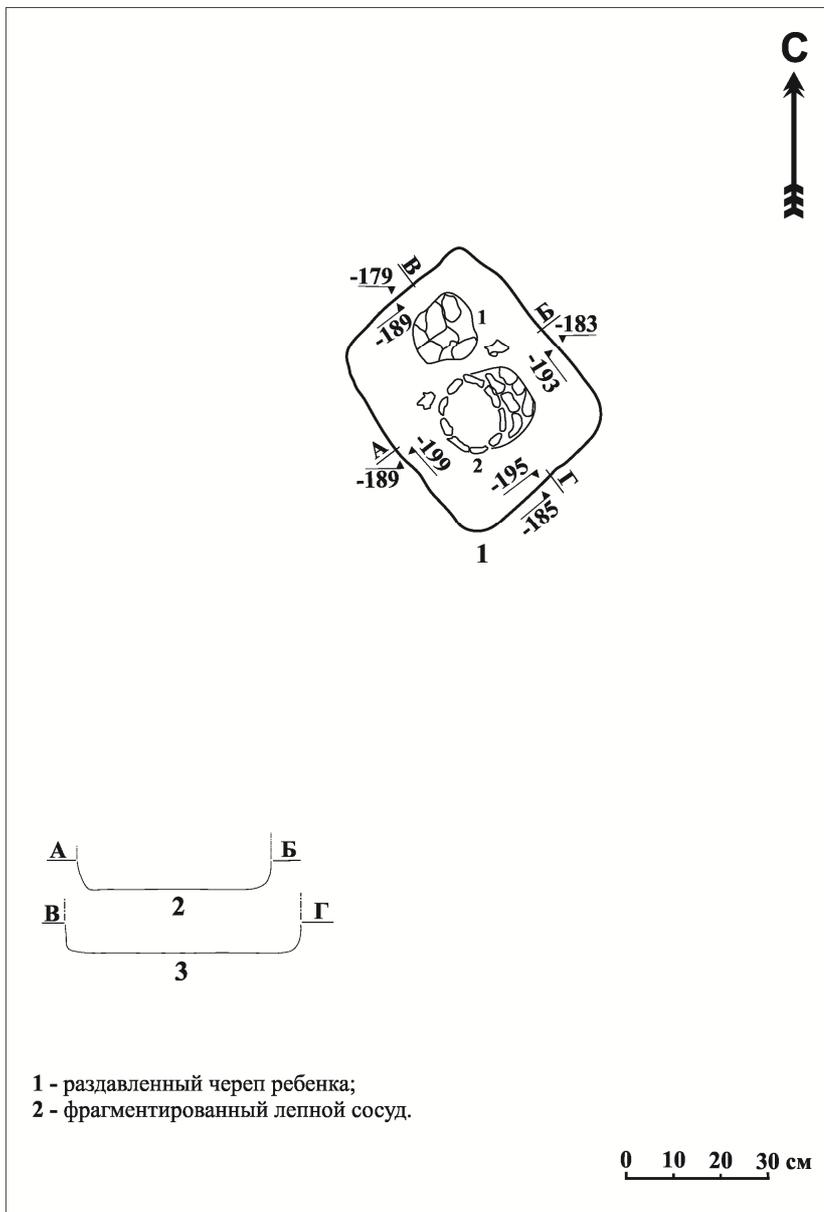

Рис. 2.1 - план погребения в разведочном шурфе № 2. 2, 3 - профили погребальной ямы.

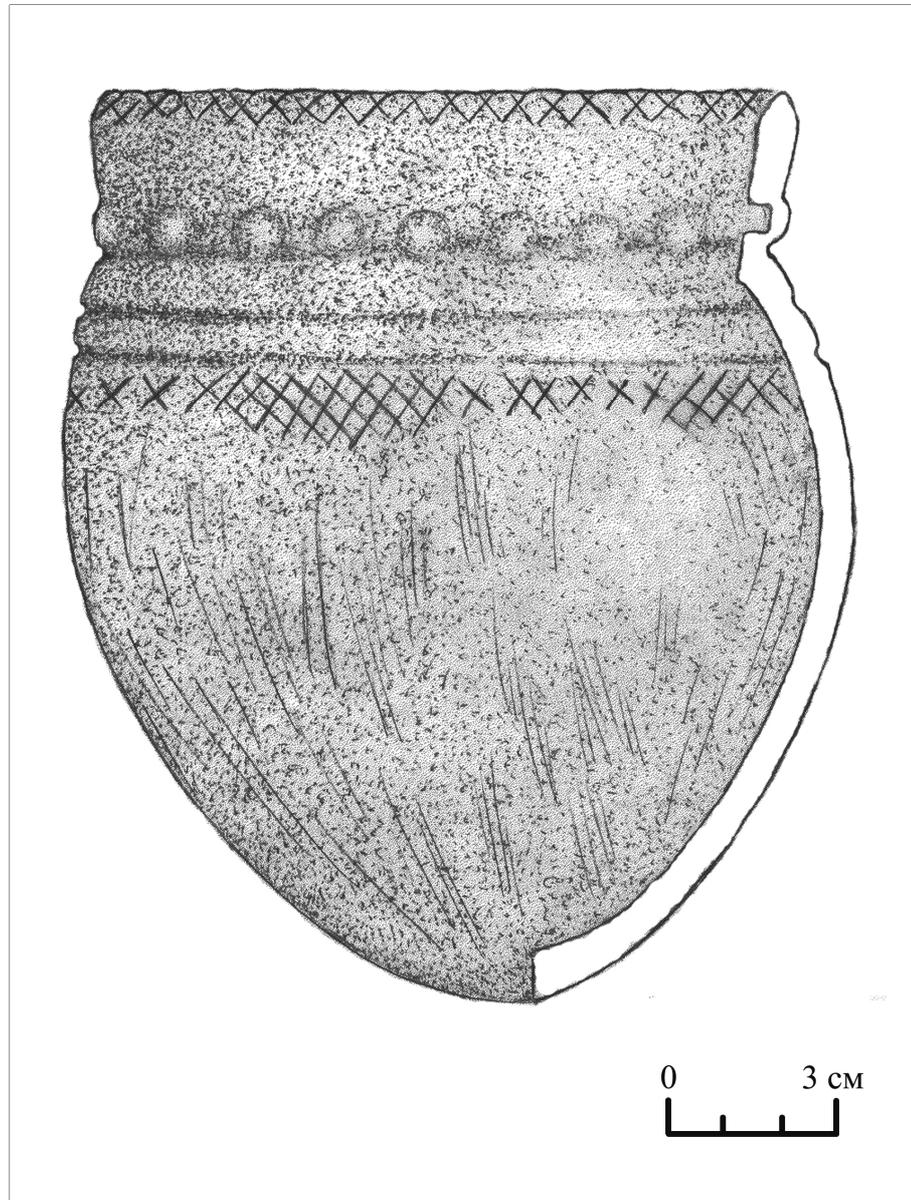

Рис. 3. Сосуд после реставрации.

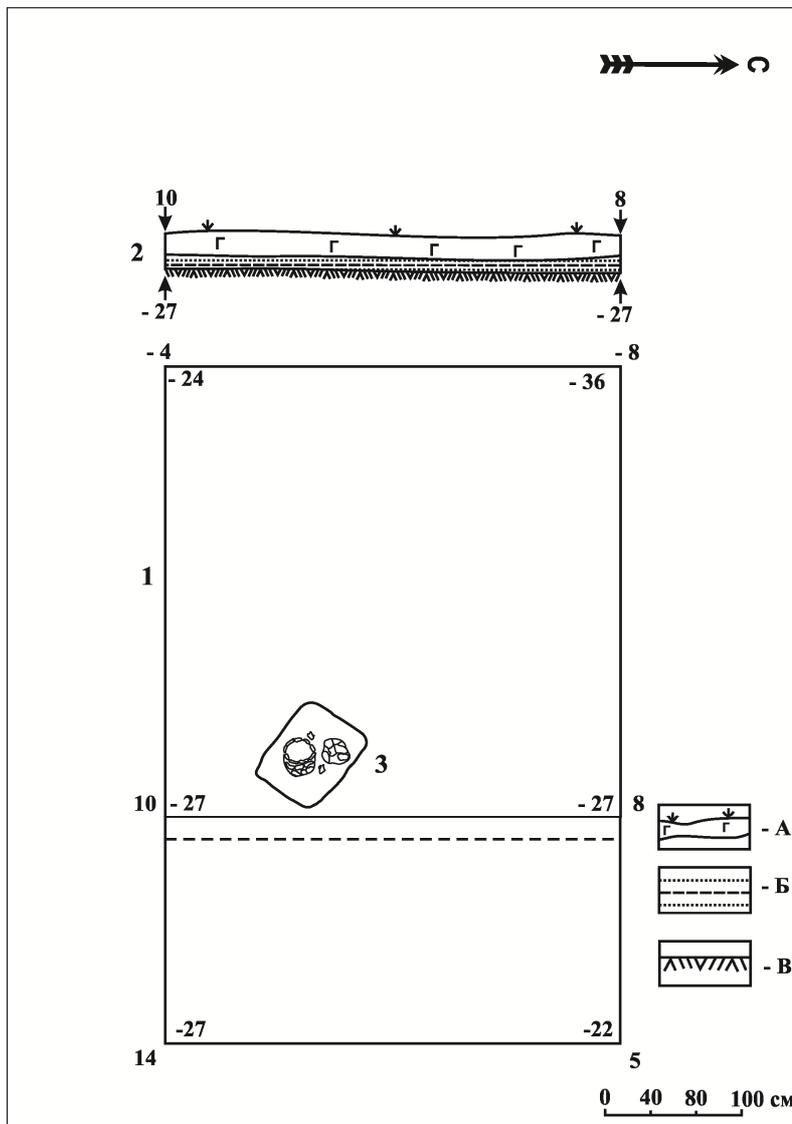

Рис. 4. 1 – план шурфа № 2; 2 – восточный стратиграфический борт шурфа № 2.
 3 – погребение. А – задернованный гумус; Б – супесь серого цвета;
 В – материк: супесь светло-желтого цвета.

Лопатин В.А., Малов Н.М.

ГРУНТОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ БАЛАКОВСКОЙ АЭС

В статье публикуются и анализируются материалы исследования древнего захоронения, обнаруженного на левом берегу Волги в Балаковском районе Саратовской области. Авторы полагают, что захоронение могло быть совершено в начале эпохи палеометаллов (энеолит-ранняя бронза) выходцами из лесной зоны Волго-Окского междуречья.

Ключевые слова: древнее погребение, энеолит, ранняя бронза, левый берег Волги, Саратовское водохранилище

Lopatin V.A., Malov N.M.

UNDERGROUND BURIAL FROM THE TERRITORY OF THE BALAKOVO NUCLEAR POWER PLANT

The paper deals with analyzing the data from an ancient burial found on the Volga left bank, in the Balakovo district, Saratov Region. The authors believe the burial might have been made in the beginning of the paleometal epoch (Eneolithic – Early Bronze) by incomers from the forest zone of the Volga-Oka interfluve.

Keywords: ancient burial, Eneolithic, Early Bronze, left bank of the Volga, Saratov Reservoir

В 1980 году Балаковский отряд археологической экспедиции СГУ под руководством Н.М. Малова проводил охранные исследования в зоне строительства АЭС [Малов, 1983]. В ходе основных работ на известном Натальинском курганном могильнике экспедиция зафиксировала также отдельное погребение на берегу Саратовского водохранилища, о котором сообщил машинист земснаряда И. Тягин.

В топографическом отношении место расположения погребения и второй Натальинской курганной группы – это высокая надпойменная терраса р. Березовки, левого притока Волги. Терраса ранее неоднократно осматривалась, но археологические материалы здесь не находили. Размываемое погребение открылось в результате строительных земляных работ и намыва дамб нижних бьефов АЭС, когда уровень водохранилища понизился.

Захоронение располагалось на низком глинистом бечевнике между водоненным оврагом и краем разрушаемой террасы (рис. 1, 1). Скелет взрослого человека лежал в 6 м от уреза воды, в сильно скорченном положении, кости залегали в естественном сочленении, но были заметно потревожены в результате смещений подстилающего грунта (рис. 1, 2). Вероятно, первоначально умершего расположили в скорченной позе на левом боку, но затем подвижки размываемого грунта несколько сместили верхнюю часть скелета, череп раздавлен, но его фрагменты залегают компактно. Кроме того, здесь отсутствовали кости правой ноги и правой руки. Они были смыты и перемещены, поэтому найдены в нескольких метрах в стороне от скелета. Границы могилы выявить не удалось, но, судя по характеру литологии, наблюдаемой в обрыве террасы, яма была вырыта в материковой глине на глубину около 2 м от современной поверхности.

По оставшимся на месте фрагментам скелета установлено, что умерший погребен на левом боку, головой к юго-востоку, ноги резко подогнуты в коленях, стопы притянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти перед лицевым отделом черепа. Судя по такой крайней степени скорченности скелета, не исключено, что при погребении умерший был зафиксирован связыванием. На нижней челюсти, возле теменного отдела черепа и около таза отмечены разновеликие пятна красной охры (рис. 1, 2(3)).

Умершего сопровождали два предмета погребального инвентаря: за головой лежал каменный наконечник копья, направленный острием к юго-востоку, в ту же сторону, куда ориентирован сам погребенный, а среди костей грудины обнаружен плоский абразив – кусок серого песчаника (рис. 1, 2(1, 2)). Представляется, что в момент захоронения копье положили за спиной покойного, параллельно линии его ориентировки в могиле, а абразив находился в его одежде. Таким образом, в контексте погребальной обрядности просматривается каноническая поза и ориентировка умершего при полной охотничьей или воинской оснащённости с предметом вооружения за спиной.

Наконечник изготовлен из светло-коричневого кремня и тщательно обработан по всей поверхности, вначале отбойником, а затем ретушером. Он имеет листовидную форму, а также хорошо оформленный удлиненный черешок, отделенный от боевого пера в середине общей длины короткими выступами на боковых гранях (рис. 1, 3). Его сечение линзовидное. Длина пред-

мета 10,8 см, максимальная ширина в месте перехвата 3,6 см, толщина – до 1 см в средней части, толщина черешка 0,6 см.

Абразивный камень трапециевидной формы, размерами 6,4 x 5,7 см, толщиной 2,5 см, изготовлен из серого песчаника грубой обивкой, имеет слабые следы потертостей на плоских сторонах.

Комментарии и выводы.

Кремневый наконечник копья. Он наиболее диагностичен в представленных характеристиках данного комплекса. Черешковые наконечники копий и дротиков близких форм появляются уже в палеолите Восточной Европы, но техника их изготовления более архаична, фасы изделий покрыты ретушью не полностью, оставлены участки первичных сколов, а перехват между черешком и боевым пером не настолько четкий, чаще всего пологий [Ефименко, Борисковский, 1957. С. 217, рис. 15, 2–6; Палеолит..., 1984. С. 258, рис. 94, 4, 10, 14].

Более близкие аналогии этому предмету широко представлены в культурах неолита, энеолита и бронзы севера и лесной полосы Восточной Европы. В материалах Плехановской позднеэнеолитической стоянки черешковые наконечники копий и дротиков [Федоров, 1953. С. 301, рис. 4, 4–6] представляют традицию льяловской техники камнеобработки, но уже на фоне развития волосовской культуры волго-окского неолита. В отличие от палеолитических и мезолитических наконечников неолитические изготовлены тщательно и сплошь покрыты отжимной ретушью по всей поверхности. Особые характеристики указывают на узкую охотничью специализацию предметов охотничьего вооружения. Наконечники дротиков более узкие и легкие, они имеют удлиненные черешки для надежного крепления в древке [Федоров, 1953. С. 300], такие дротики, возможно, использовались с применением копьёметалки. Нередко длина черешка превышает длину боевого пера, и, как правило, они всегда разделены перехватом в виде коротких выступов на боковых гранях. Некоторые варианты наконечников стрел этого времени копируют указанные черешковые формы.

Балаковский экземпляр совпадает по форме, соотношению длины черешка к длине пера и другим показателям с наконечником среднестоговской энеолитической культуры из Петро-Свистуново [Телегин, 1973. С. 66, рис. 39, 10]. Подобный наконечник дротика (длина 12 см) обнаружен на Краснослободском поселении ранней бронзы примокшанского варианта иванобугорской культуры [Королев, Ставицкий, 2006. С. 166, рис. 107, 1]. Близки нашему артефакту черешковые наконечники волосовских стоянок группы памятников «Сахтыш» и стоянки Стрелка I, которые в настоящее время рассматриваются как энеолитические, переходящие в раннюю бронзу [Эпоха бронзы..., 1987. С. 160, рис. 4, 13, 20–22, 29]. Изделия аналогичной формы, интерпретируемые как нож и кинжал, встречаются в ямных и ямно-

катакомбных погребениях Днепропетровской области [Марина, 1982. С. 50, рис. 1, 8; Ковалева и др., 1995. С. 22, рис. 6, 4].

Традиция изготовления таких черешковых наконечников из наборов стрел в эпоху ранней бронзы продолжается в памятниках фатьяновской культуры [Эпоха бронзы, 1987. С. 183, рис. 27, 22, 23], а на балановском этапе черешки становятся все короче, и стрелы уже напоминают прообразы будущих сейминских образцов, позже распространенных в арсеналах Сеймы, Турбино, Абашево, Поздняково и Покровска. Изредка архаичные реплики, близкие нашему наконечнику, «всплывают» и в материалах развитой бронзы, как, например, экземпляр из комплекса поздняковского памятника Ибердус III – крупный дротик с четкими выступами, отделяющими на боковых гранях удлинённый черешок с усечённым основанием [Эпоха бронзы..., 1987. С. 229, рис. 67, 10].

В ходе осмотра погребального комплекса, на том же низком бечевнике были собраны предметы, явно относящиеся к нео-энеолитической эпохе (рис. 2) и показывающие обитаемость данной местности в широком хронологическом интервале среднего, а возможно и раннего голоцена. В частности, привлекает внимание фрагмент наконечника или острия, изготовленного в мезолитоидной манере на пластине с подработкой ретушью со стороны брюшка (рис. 2, 5). О микролитической пластинчатой технике камнеобработки, типичной для мезолита, неолита и энеолита степной зоны, свидетельствует находка миниатюрного карандашевидного нуклеуса с выровненной ударной площадкой (рис. 2, 4). Абсолютно оригинальным представляется миниатюрный наконечник стрелы узколистовидной формы с усечённым основанием, аналог которому нам не известен (рис. 2, 3). По всей поверхности он покрыт филигранной ретушью, а его особенностью является манера оформления насада – коротким косым сколом со стороны усечённого основания. Наконечник, фрагмент венчиковой части крупного лепного сосуда репинского облика, который вполне может соответствовать времени погребения на территории Балаковской АЭС. По профилю обломка хорошо заметно каннелирование внешней поверхности сосуда, которое достигалось в ходе орнаментации при помощи двузубого штампа, причем в отступающей манере (рис. 2, 1). Частые личиночные оттиски покрывают плоский обрез устья сосуда. По всей вероятности, это керамический образец позднего Репина. По существу, все эти интересные находки, к сожалению, ничего не могут добавить к атрибуции основного комплекса, поскольку были обнаружены на значительном удалении, и связать какую-либо из них с захоронением не представляется возможным.

Погребальный обряд. В погребальном обряде балаковского захоронения наиболее приметны поза резкой левобочной «адоративной» скорченности,

юго-восточная ориентировка и наличие охры, как на дне могилы, так и на костях скелета. Сами по себе эти признаки типичны для широкого хронологического диапазона и культур энеолита – средней бронзы степной, лесостепной и лесной зон Восточной Европы. В энеолите волосовские племена практиковали вытянутую на спине ингумацию, это хорошо документируют материалы Тенишевского могильника [Габяшев, Беговатов, 1984]. Среди лесных культур искомые показатели характерны для фатьяновско-балановских комплексов, оставленных в III тыс. до н. э. В меньшей степени это подходит фатьяновскому обряду, где представлены преимущественно позиции на спине и северная обращенность. Балановская обрядность демонстрирует довольно пеструю эклектику, но здесь стабильно встречаются левобочные захоронения с ориентировкой к юго-востоку [Бадер, 1963. С. 171–172].

Ограниченный характер инвентарного набора не позволяет нам достаточно точно диагностировать время и культурную принадлежность балаковского погребения. Наличие в этом комплексе абразивного инструмента, который мог использоваться для подправки металлических или костяных орудий, поза скелета, знаковый характер красной охры, а также парадный наконечник копья, косвенно указывают на хронологический интервал энеолит-ранней бронзы, в котором это захоронение вероятнее всего могло быть оставлено на севере степного Заволжья выходцами из лесной зоны Волго-Окского междуречья.

Литература:

Бадер О.Н. Балановский могильник. М., 1963.

Габяшев Р.С., Беговатов Е.А. Тенишевский («Сорокин Бугор») энеолитический могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984. С. 64–84.

Ефименко П.П., Борисковский П.И. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.) // МИА, № 59: Палеолит и неолит СССР. Т. 3. М.-Л., 1957. С. 191–234.

Ковалева И.Ф., Мухомад С.Е., Шалобудов В.Н. Раскопки курганов в Днепровском Надпорожье // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1995. С. 4–35.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2006.

Малов Н.М. Раскопки в Саратовском Поволжье // АО-1980. М.: Изд-во «Наука», 1981. С. 138–139.

Марина З.П. О погребениях так называемого ямно-катакомбного типа // Древности степного Поднепровья (III-I тыс. до н. э). Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1982. С. 46-50.

Палеолит СССР // Археология СССР. М., 1984.

Телегин Д.Я. Среднестоговская культура эпохи меди. Киев: Изд-во «Наукова Думка», 1973.

Федоров В.В. Плехановская неолитическая стоянка // МИА, № 39: Палеолит и неолит СССР. М.-Л., 1953. С. 293-334.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. М., 1987.

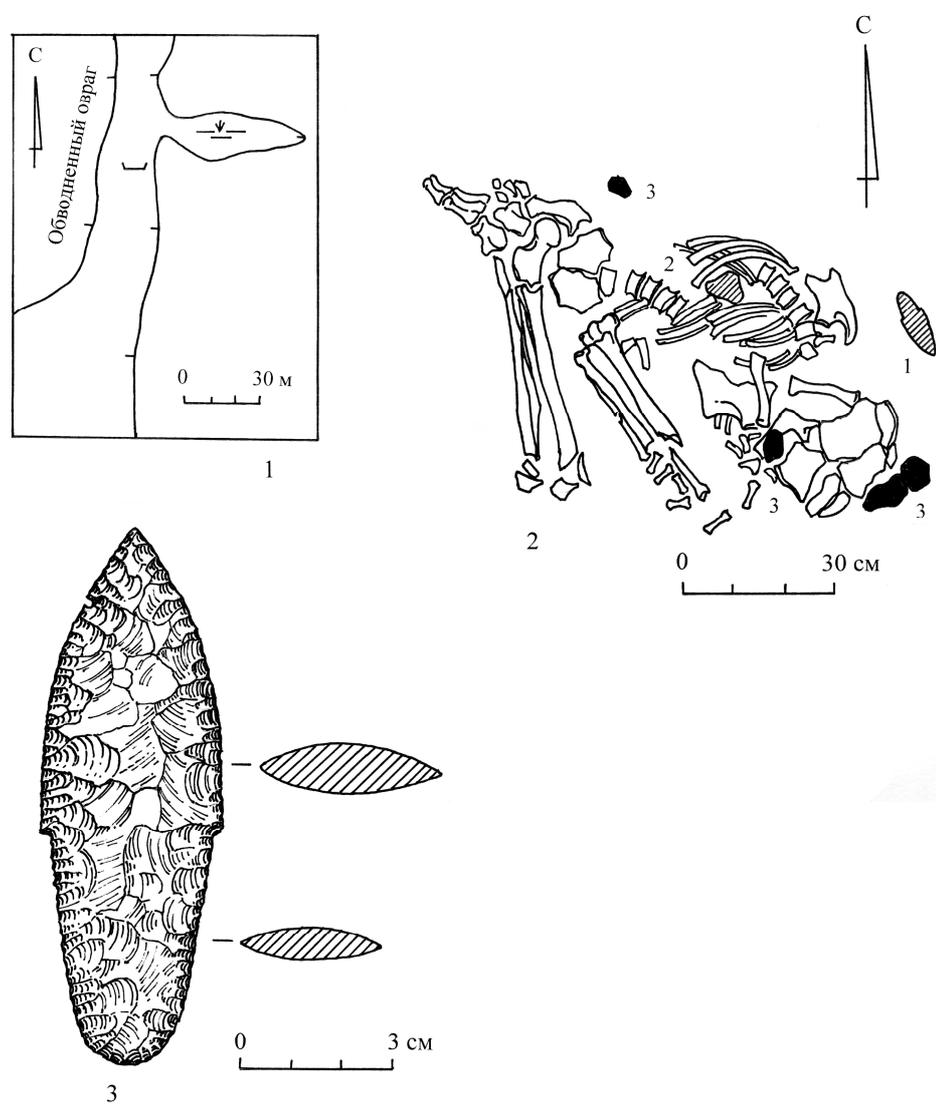

Рис. 1. Грунтовое погребение на территории Балаковской АЭС:
 1 - местонахождение погребения; 2 - план погребения (1 - наконечник копья;
 2 - абразивный камень; 3 - пятна охры); 3- наконечник копья (кремень).

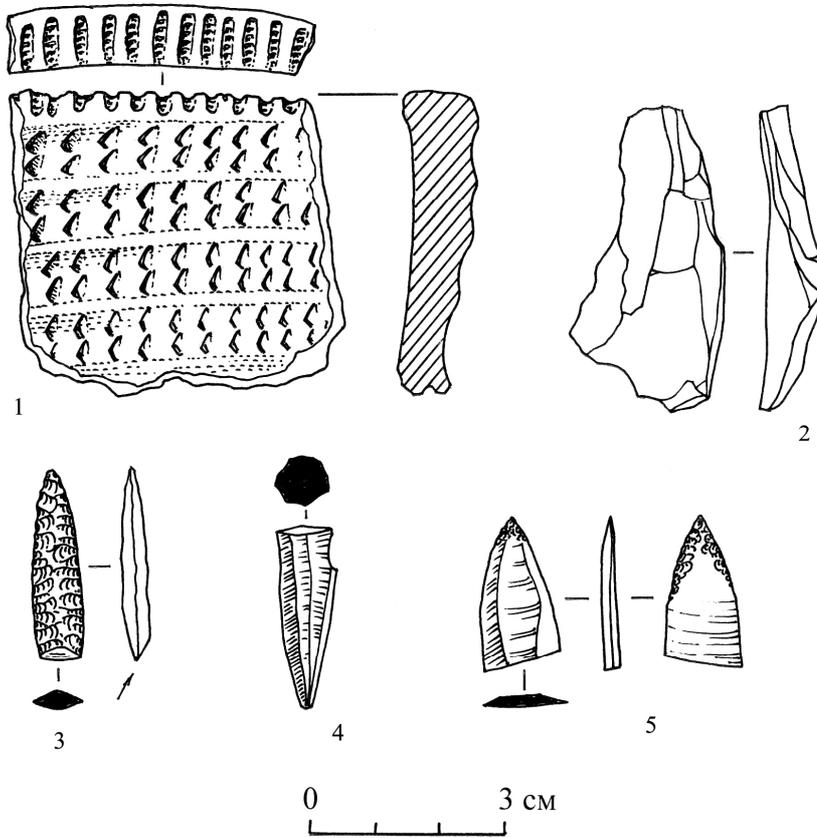

Рис. 2. Материалы сборов у подножия размытой террасы.
1 - глина; остальное - кремь.

Жемков А.И.

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК «ЧЕРНИХА-1»
В ЗАВОДСКОМ РАЙОНЕ ГОРОДА САРАТОВА

Весной 2016 г., при проведении археологического обследования территории предприятия ООО «Саратоворгсинтез» в Заводском районе г. Саратова, был выявлен грунтовый могильник «Черниха-1». Зафиксированы два погребения, одно из которых повреждено землеройной техникой, и керамические материалы. По всем признакам (прямоугольные ямы, позы левобочной адорации, СВ ориентировки, лепная керамика с простым геометрическим орнаментом) захоронения относятся к срубной культуре (предположительно раннего этапа) эпохи поздней бронзы.

Ключевые слова: Черниха, Саратов, погребения, срубная культура, эпоха поздней бронзы, керамика

Zhemkov A.I.

"CHERNIKHA-1" UNDERGROUND BURIAL SITE
IN THE ZAVODSKOY DISTRICT IN SARATOV

The *Chernikha-1* underground burial site was revealed in spring 2016, while archaeological examination of the *Saratovorgsintez* plant territory in the Zavodskoy district, Saratov. Two burials and some ceramic materials have been registered. One of the burials was damaged by the earth-moving machines. According to all the features (rectangular pits, left-side adoration positions, NE orientation, hand-molded ceramics with simple geometrical ornamentation), the burials refer to the timber-grave culture (presumably, the early stage) of the Late Bronze epoch.

Keywords: Chernikha, Saratov, burials, timber-grave culture, Late Bronze epoch, ceramics

Весной 2016 г., при проведении археологического обследования территории предприятия ООО «Саратоворгсинтез» в Заводском районе г. Саратова, был выявлен грунтовый могильник «Черниха-1». Памятник расположен на пологом склоне водораздела, приподнятого над левым берегом р. Черниха, в промзоне, где поверхностные грунты в разное время были неоднократно переотложены с использованием землеройной техники.

На поверхности, в месте закладки шурфа, обнаружен фрагмент лепной керамики орнаментированный зубчатым штампом (рис. 6).

Контрольный шурф, в котором зафиксированы признаки захоронения, расширен до размеров небольшого раскопа площадью 16 кв. м, и в результате выявлены два погребения, одно из них (погребение № 2) значительно повреждено механизированными земляными работами. Погребение № 1 полностью сохранилось, поскольку находилось ниже уровня недавнего забора грунта с применением экскаватора. Кроме того, отдельные кости человека и фрагменты трех сосудов были обнаружены западнее раскопа, на расстоянии 5 м от погребения 2, в отвале, оставленном после работы экскаватора.

В ходе раскопок в бортах модуля получены следующие характеристики вертикальной страграфии: дерновый слой, насыщенный корнями травянистых растений – 5–10 см; серо-коричневый перемешанный, переотложенный дерновый слой, с вкраплениями современного мусора, мощностью – 30–40 см; темно-серый гумусированный слой, законсервированный и уплотненный современным мусором, мощностью – 40–70 см, в его южной части, на протяжении до 170 см и мощностью до 25 см, прослеживается материковый выкид серо-желтого цвета, покрывающий собой тонкий, светло-серый слой погребенной почвы мощностью до – 5 см; материк – серо-жёлтый лёссовидный суглинок, залегающий на глубине – 95–110 см от дневной поверхности шурфа.

Погребение № 1 (рис. 1) устроено в прямоугольной материковой яме размерами 120 x 100 см, ориентированной с ЮЗ на СВ. Скелет пожилой женщины¹ лежал на дне могилы, со смещением к западной стенке, на глубине 2 м от дневной поверхности, скорченно на левом боку, головой к СВ, с подогнутыми в коленях ногами, руки согнуты в локтях, правая направлена кистью к лицевому отделу черепа, левая к коленям. Примечательно отсутствие левой кисти руки, которая, предположительно, была отрублена. Погребальный инвентарь первого погребения представлен двумя сосудами баночной формы и обломком кости КРС. Один из сосудов, на внешних стенках которого заметны следы нагара в виде черных потеков, стоял на дне могилы вверх дном.

¹ Здесь и далее антропологические определения выполнены А. Евтеевым.

Инвентарь:

Сосуд 1 (рис. 2) – лепной, слабопрофилированный, с округленным туловом, коротким вертикальным венчиком и устойчивым днищем. На линию между венчиком и плечиком нанесен простой орнамент – прочерченные линии, образующими косую решетку. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета, обжиг неровный, на изломе фактура черная, с примесью песка и шамота. Диаметр устья 15 см, максимальное расширение тулова 18,5 см, диаметр днища 11 см, толщина стенки в верхней части 0,7 см, в придонной части 1,0 см, толщина днища 1,3 см.

Сосуд 2 (рис. 3) – лепной, баночный с вертикальным верхним отделом стенки. Не орнаментирован. Внешняя поверхность шершавая, красно-коричневого цвета. На изломе фактура серая, с примесью песка и шамота. Диаметр устья 12 см, наибольшее расширение тулова 12,5 см, диаметр днища 8 см, общая высота сосуда 11 см, толщина стенки 0,6 см, толщина днища 1,0 см.

Погребение относится к срубной археологической культуре эпохи поздней бронзы. Некоторые обрядовые признаки (просторная яма, смещение умершего к западной стенке, разное положение рук) позволяют предполагать раннюю позицию данного комплекса в рамках культурного хроноинтервала.

Погребение № 2 (рис. 1) было почти полностью разрушено экскаватором при выемке грунта, *in situ* остались только фрагмент черепа, несколько ребер и кости стопы. Восстановить точное положение скелета не представляется возможным, однако, судя по его уцелевшим фрагментам, погребенный, скорее всего, лежал так же, как и первый умерший, в позе левобочной адорации, головой к СВ.

Инвентарь:

Сосуд 1 (рис. 4) – лепной, слабопрофилированный, вертикальных пропорций, с коротким, отогнутым наружу венчиком, тонкими стенками и плоским днищем с выступающей закраиной. Внешняя поверхность шероховатая, серо-коричневая с темными пятнами неровного восстановительного обжига. На изломе черепок темный, с примесью песка и шамота. Сосуд орнаментирован по пологому плечу прочерченными линиями, образующими косую решетку. Диаметр устья 18 см, диаметр шейки 17 см, наибольшее расширение тулова 19,5 см, диаметр днища 13,5 см, общая высота сосуда 20 см, толщина стенки 0,7 см, толщина днища 1,4 см.

Сосуд 2 (рис. 5) – лепной, банка средних пропорций, тонкостенная, открытого профиля, с максимальным расширением тулова в верхней части тулова. Сосуд изготовлен небрежно, с шероховатой поверхностью серо-коричневого цвета и темными пятнами неравномерного кострового обжига, не орнаментирован. На изломе фактура глины темная, в примеси заметны

песок и шамот. Диаметр устья 11,5 см, диаметр днища 7 см, общая высота сосуда 12,7 см, толщина стенки равна толщине днища 0,7 см.

Выбранный экскаватором грунт, складированный на расстоянии пяти метров к ЮЗ от локализации обоих погребений, был тщательно просеян, и в результате обнаружены фрагменты трех лепных сосудов, а также отдельные человеческие кости, антропологический анализ которых подтвердил их принадлежность к скелету из погребения № 2. Фрагментированная керамика имеет явные срубные характеристики, и если предположить ее связь с погребением № 2, то можно рассматривать оба комплекса как единовременные объекты одного памятника эпохи поздней бронзы.

Характер этого погребального памятника не вполне ясен. Несмотря на то, что он обозначен в отчете как грунтовый могильник, материковый выкид из могильной ямы погребения № 1 может указывать также и на подкурганый характер выявленных захоронений, земляная насыпь над которыми могла быть уничтожена многократными переустройствами территории промзоны.

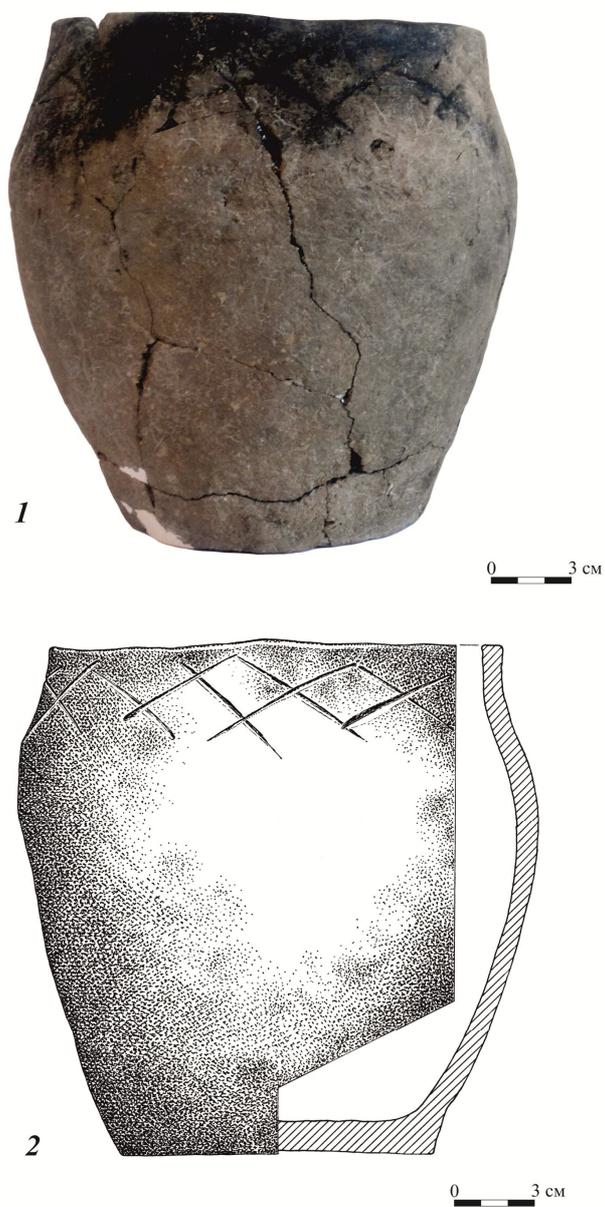

Рис. 2. Сосуд № 1. Погребение № 1. 1 - фото; 2 - чертеж.

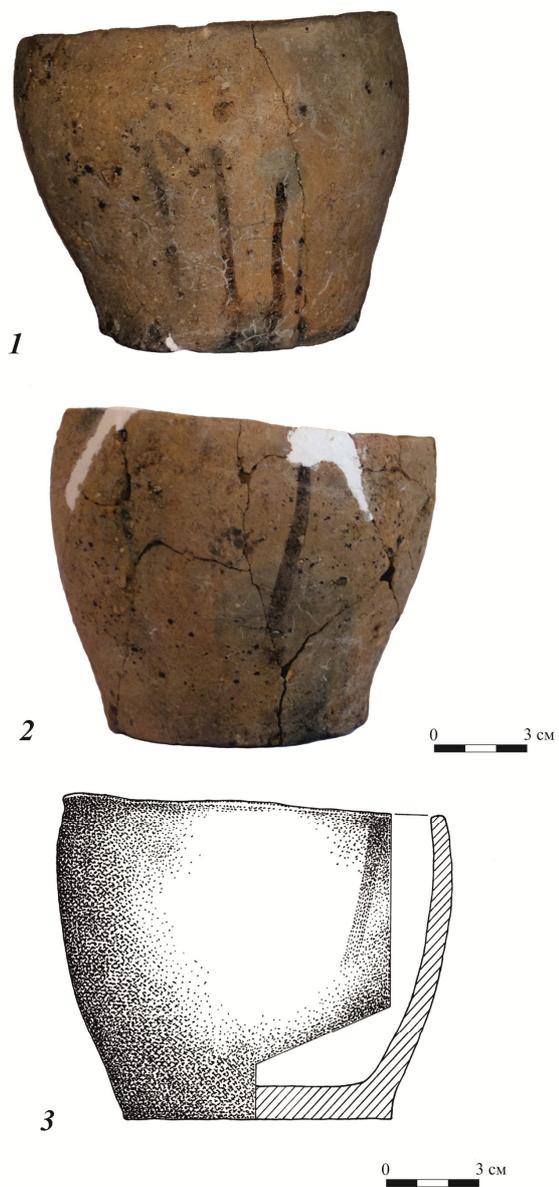

Рис. 3. Сосуд № 2. Погребение № 1. 1, 2 – фото с разных сторон; 3 – чертеж.

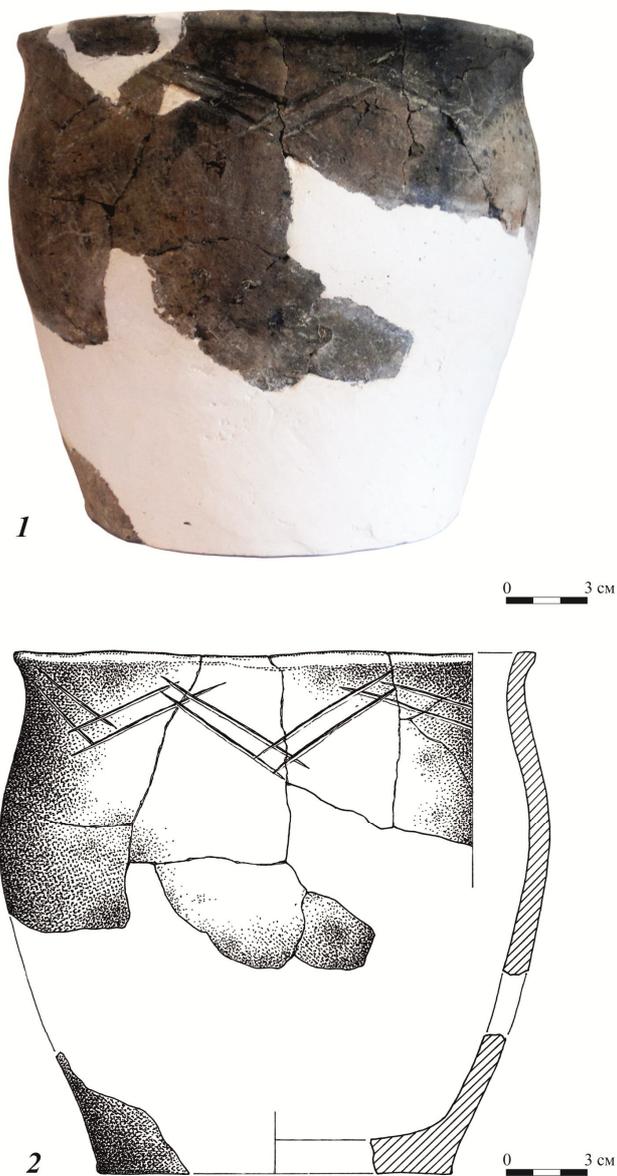
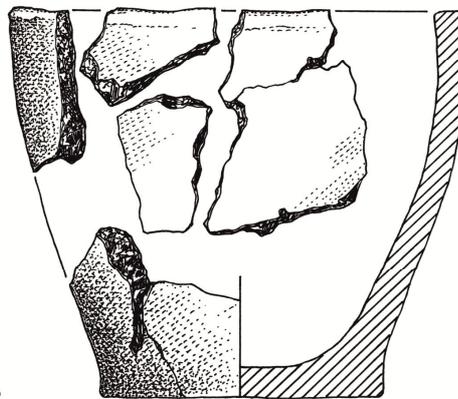

Рис. 4. Сосуд № 1. Погребение № 2. 1 – фото; 2 – чертеж.

1

2

Рис. 5. Сосуд № 2. Погребение № 2. 1 - фото; 2 - чертеж.

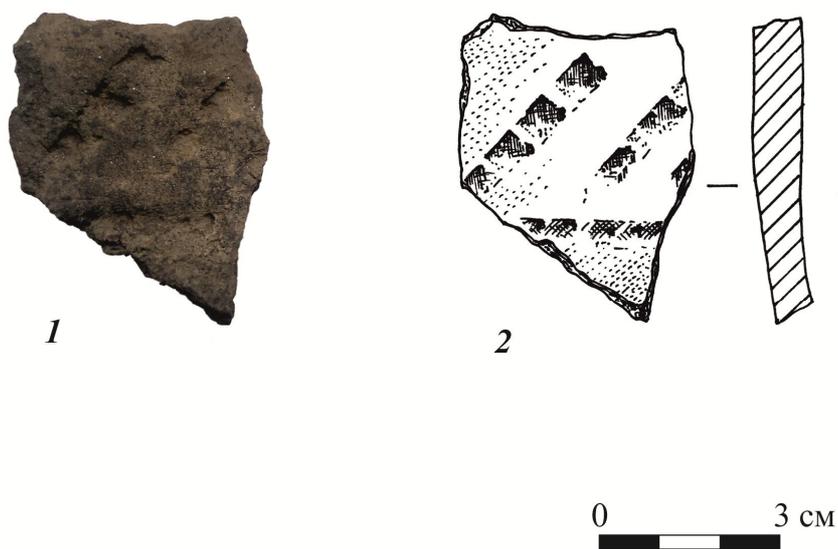

Рис. 6. Подъемный материал. Фрагмент сосуда. 1 - фото; 2 - чертеж.

Список сокращений:

АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи
АО – Археологические открытия
АЭВО – Археологическая энциклопедия Волгоградской области
ВГПУ – Волгоградский государственный педагогический университет
ВГСПУ – Волгоградский государственный социально-педагогический университет
ВДИ – Вестник древней истории
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГБУК ВО – Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДВДС – Древности Волго-Донских степей
ИАКН – Институт археологии и культурного наследия СГУ
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИИАП – Институт истории и археологии Поволжья
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ИСТАРХЭТ – Общество истории, археологии и этнографии при СГУ
КБПА – Конструкторское Бюро Промышленной Автоматики
КСИА – Краткие сообщения института археологии
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НВИК – Нижневолжский институт краеведения
НИАЛ – Научно-исследовательская археологическая лаборатория
НИС – Научно-исследовательский сектор

НПЛАР – Научно-производственная лаборатория археологии и реставрации ВГСПУ
РА – Российская археология
РАЕ – Российский археологический ежегодник
РГУ – Ростовский государственный университет
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СГТУ – Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина
СГУ – Саратовский государственный университет
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СУАК – Саратовская губернская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
Труды ОИАИЭ – Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете
ЭКМ – Энгельсский краеведческий музей
ААН – Acta Archaeologica Hungaricae
BAR – British Archaeological Report
BH – Bibliotheca Thracologica
EA – Eurasia Antiqua
ИМЦ РАН – Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences
IRT – Institutul Român de Tracologie
IS – international series
ÖAW – Österreichische Akademie der Wissenschaften
PAS – Prähistorische Archäologie in Südosteuropa
PBF – Prähistorische Bronzefunde
PHK – Philosophisch-Historische Klasse ÖAW
s. n. – serie nouă

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Евгения Константиновича Максимова (Лопатин В.А., Малов Н.М.)	7
--	---

СТАТЬИ

Юдин А.И. Орловская неолитическая культура степного Поволжья: итоги и перспективы изучения.	19
---	----

Малов Н.М. Туески, берёзовая кора и древесина в погребениях покровской и срубной культур позднего бронзового века Нижнего Поволжья	38
--	----

Лопатин В.А. Северная периферия Нижнекрасавского поселения (по материалам раскопок 2014–2015 гг.)	68
--	----

Бочкарёв В.С., Каиуба М.Т. От бронзы к железу: скачок или поэтапный переход (по материалам эпохи поздней бронзы – раннего железа	87
--	----

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Предметы быта из металла с Хмелевского I селища	113
--	-----

Слонов В.Н. Об одном «методологическом мифе» в археологической науке и коварстве блочно-диагональных матриц.....	126
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Каргин Ю.Ю., Матаев В.В., Сурков А.В. Курган эпохи средней бронзы «Ея 9» в Восточном Приазовье (по материалам раскопок 2014 г.).....	139
---	-----

<i>Жемков А.И., Ким М.Г., Кочерженко О.В., Слонов В.Н.</i> Исследования кургана 5 у с. Дмитриевка Вольского района Саратовской области.....	154
<i>Сергеева О.В.</i> Раскопки курганов в Самарской области.....	164
<i>Мамонтов В.И., Матаев В.В.</i> Доисследование курганного могильника Вербовский III	184
<i>Ким М.Г., Малышев А.Б.</i> Средневековый грунтовый могильник у села Покровка в Вольском районе Саратовской области	207
ЗАМЕТКИ	
<i>Морозов П.М.</i> Детское погребение с сосудом репинского типа из Саратовского Заволжья.....	222
<i>Лопатин В.А., Малов Н.М.</i> Грунтовое погребение на территории Балаковской АЭС.....	230
<i>Жемков А.И.</i> Грунтовый могильник «Черниха-1» в Заводском районе города Саратова.....	238
Список сокращений	248
Содержание	250
Сведения об авторах.....	254

CONTENTS

ARTICLES

- In memory of Evgeniy Konstantinovich Maksimov
(*Lopatin V.A., Malov N.M.*)..... 7
- Yudin A.I.* Orlovka neolithic culture of the steppe Volga Region:
results and prospects of studying..... 19
- Malov N.M.* Birch-bark baskets, birch bark and birchwood in the burials
of the Late Bronze Pokrovsk and timber-grave cultures
from the Lower Volga Region..... 38
- Lopatin V.A.* Northern periphery of the Nizhnyaya Krasavka settlement
(based of the 2014–2015 excavations)..... 68
- Bochkarev V.S., Kashuba M.T.* From Bronze to Iron: a leap or a gradual
Transition (on the materials of the Late Bronze Age
– Early Iron Age of the Northern Black Sea Region
and the Carpathian-Danube Region)..... 87
- Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B.* Metallic daily life articles
from Hmelevka I settlement.....113
- Slonov V.N.* About one “methodological myth” in archeological science
and insidiousness of block-diagonal matrices.....126

PUBLICATIONS

- Kargin Yu.Yu., Matayev V.V., Surkov A.V.*
The EYa 9 mound of the Middle Bronze epoch
in the Eastern Azov Region (based on the 2014 excavation data).....139

<i>Zhemkov A.I., Kim M.G., Kocherzhenko O.V., Slonov V.N.</i> Study of the burial mound 5 near the village of Dmitrievka, Volsky district, Saratov region	154
<i>Sergeyeva O.V.</i> Mound excavation in the Samara region.....	164
<i>Mamontov V.I., Matayev V.V.</i> Further investigation burial mound Verbovsky III.....	184
<i>Kim M.G., Malyshev A.B.</i> Ground burial of the Middle Ages located near the village of Pokrovka in the Volsky district of the Saratov region	207
NOTES	
<i>Morozov P.M.</i> Infant burial with a Repin-type vessel from the Saratov Trans-Volga region.....	222
<i>Lopatin V.A., Malov N.M.</i> Underground burial from the territory of the Balakovo nuclear power plant	230
<i>Zhemkov A.I.</i> "Chernikha-1" underground burial site in the Zavodskoy district in Saratov	238
List of abbreviations.....	248
Contents.....	250
Information on the authors	254

Сведения об авторах:

Бочкарев Вадим Сергеевич – старший научный сотрудник ИИМК РАН (С.-Петербург).

Жемков Алексей Игоревич – археолог ООО «Поволжский археологический центр» (Саратов).

Каргин Юрий Юрьевич – кандидат исторических наук, археолог, начальник научной службы ООО «Археологическая экспедиция» (Ростов-на-Дону).

Кашуба Майя Тарасовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН (С.-Петербург).

Ким Михаил Гансович – научный сотрудник Вольского краеведческого музея (Вольск).

Кочерженко Ольга Васильевна – (Саратов).

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Малов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Малышев Алексей Борисович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Мамонтов Владислав Иванович – кандидат исторических наук, доцент Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград).

Матаев Василий Владимирович – кандидат педагогических наук, археолог ООО «Археологическая экспедиция» (Ростов-на-Дону).

Морозов Павел Михайлович – кандидат исторических наук, начальник отдела археологии ООО «Геопроектизыскания» (Москва).

Недашковский Леонард Федорович – доктор исторических наук, доцент Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета (Казань).

Сергеева Оксана Владимировна – кандидат исторических наук (Саратов).

Слонов Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра компетенций Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А. (Саратов).

Сурков Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник ООО «Центр охранных археологических исследований» (Ростов-на-Дону).

Шигапов Марат Баязитович – научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (Казань).

Юдин Александр Иванович – доктор исторических наук, АНО НИЦ (Саратов).

**КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ И АРХЕОЛОГИИ
САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Уважаемые коллеги!

Кафедра истории России и археологии Саратовского госуниверситета продолжает издание научного сборника «Археология Восточно-Европейской степи». Приглашаем Вас принять участие в этом издании. Редакционная коллегия принимает материалы для публикации по следующим темам:

- Новейшие исследования в археологии региона и проблемы охраны памятников
- Культуры каменного века и палеоэкология
- Культурогенетические процессы в эпоху энеолита – бронзы
- Варварская периферия античного мира
- Археология и история средневековья
- Этноархеологические исследования памятников российской колонизации Нижнего Поволжья

- Памятники первобытного искусства
- История и историография археологии
- Новейшие методы в полевой археологии и междисциплинарных исследованиях

В сборник также принимаются оригинальные переводы исторических источников, касающиеся древней и средневековой истории Восточно-Европейских степей.

Правила оформления статей

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и резюме) не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами) и содержать не более 7 иллюстраций. Для раздела «Заметки» объем рукописи не должен превышать 15 тыс. знаков.

Статья должна включать следующие элементы оформления:

- Индексы **УДК** и **ББК**.
- **Заглавие**. Оформляется на русском и английском языках.

Инициалы и фамилия автора печатаются в правом верхнем углу на русском и английском языках.

• К статье должно быть приложено краткое резюме и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках.

• В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (кафедра, факультет, ВУЗ, учреждение, лаборатория, отдел и т. п.), контактный телефон, e-mail.

• Печатный экземпляр можно направить по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, СГУ, Институт истории и международных отношений (Корп. 11), Кафедра истории России и археологии.

Требования к оформлению текста на электронном носителе

• Электронные варианты (по электронной почте) – в текстовом редакторе WORD, формат Word или RTF, шрифт – Times New Roman, кегль 14, полуторный интервал.

- Поля: верхнее 2 см, левое 3 см, нижнее 2 см, правое 1,5 см. Абзацный отступ 1,25.

- Иллюстрации входят в общий объем статьи и выполняются в отдельных файлах любого формата, поддерживаемого редактором Photoshop, (разрешением не менее 300 dpi), размещаются на листе формата А4 (до 7 экземпляров), с соответствующими подписями, номерами рисунков и ссылками на рисунки в тексте.

- Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; нельзя пробелами либо табуляцией выравнивать данные в столбцах или ячейках.

- Название статьи (на русском и английском языках) набирается строчными буквами и печатается по центру.

- Оформление ссылок – по правилам журнала «Российская Археология».

Ответственный редактор сборника: Лопатин Владимир Анатольевич, доцент кафедры истории России и археологии СГУ (моб. тел.: +79172148709 e-mail: srubnik@yandex.ru). Ответственный секретарь сборника: Малышев Алексей Борисович, доцент кафедры истории России и археологии СГУ (моб. тел.: +79271036920 e-mail: ordynez@yandex.ru).

Телефон кафедры: 8(8452)210656.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 13

Под редакцией *В.А. Лопатина*

Технический редактор *А.И. Жемков*
Оригинал-макет подготовил *А.И. Жемков*

Подписано в печать 15.12.2017. Формат 70x100^{1/16}

Бумага офсетная. Гарнитура Book Antiqua.

Усл. печ. л. 20,96 (16,25). Уч.-изд. л. 10,28. Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство «Техно-Декор» 410012, г. Саратов, ул. Московская, 160
Тел.: (8452) 26-38-48 www.sar-print.ru